

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

Факультет философии и психологии

**ВЕСТНИК
СТУДЕНЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ СЕССИИ
ФАКУЛЬТЕТА ФИЛОСОФИИ
И ПСИХОЛОГИИ**

Выпуск 9

Воронеж
Издательский дом ВГУ
2014

УДК 009
ББК 6/8
В38

Редакционная коллегия:

Ю. А. Бубнов (отв. ред.), Е. В. Кривотулова, И. В. Черниговских,
И. А. Чурсанова, М. В. Петрушина, В. О. Понявина

Вестник студенческой научной сессии факультета философии и психологии /ред. кол.: Ю. А. Бубнов (отв. ред.) [и др.]; Воронежский государственный университет. — Вып. 9. — Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2014. — 212 с.
ISBN 978-5-9273-2167-4

В сборнике опубликованы материалы студенческой научной сессии факультета философии и психологии (апрель 2014). Содержание статей отражает авторскую позицию.

Для студентов и всех интересующихся проблемами философии, культурологии, психологии и педагогики.

УДК 009
ББК 6/8

ISBN 978-5-9273-2167-4

© Воронежский государственный университет, 2014

© Оформление, оригинал-макет.
Издательский дом ВГУ, 2014

СОДЕРЖАНИЕ

ДОКЛАДЫ-ПРИЗЕРЫ

Воробьева Н. В. Гендерный стереотип как один из факторов выбора брачного партнера	6
Гомозова Е. О. Концепция предопределения в христианстве.....	11
Лаптев А. О. Самоотношение женщин средней зрелости с различными уровнями личностной виктимности, переживших насилие в семье	16

СЕКЦИЯ ФИЛОСОФИИ

Гаршин Н. А. Категория «справедливость» в работах Р. Нозика и Р. Дворкина: компаративистский анализ	21
Кулакова А. Б. Категория комического в античной социокультурной традиции	23
Приступа С. В. Концепция Жизненного мира в феноменологии Эдмунда Гуссерля	26
Онисько А. В. Тема судьбы в древнегреческой предфилософии	30
Алешина В. В. Концепция совершенного человека в работе Бердяева «О назначении человека»	32
Мальцева Г. И. Историко-философский анализ концепций «сверхчеловека» и «богочеловечества» в работах Ф. Ницше и В. С. Соловьева	38

СЕКЦИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ

Баранова Л. Н. Основные тенденции развития и особенности организации музейного дела в России на современном этапе	42
Котельникова Е. С. Международный платоновский фестиваль искусств как источник развития событийного туризма.....	45
Кузавова С. В. Формирование музыкальных предпочтений современной российской молодежи	49
Курбатова А. С. Скульптура в современной городской среде	54
Ласкина М. Н. Приобщение молодежи к театральной культуре	57
Новичихина А. В. Специфика формирования имиджа телеведущего	61
Озерова М. А. Способ репрезентации этнокультурного пространства в «Музее кукол» (г. Санкт-Петербург).....	64
Паршина В. Г. Йога и танец: Новый взгляд на древние практики	68
Ряскова А. С. Технологии производства фильмов в современной киноиндустрии	72

Татаринцева В. А. Премия «Russian event awards» как механизм развития в индустрии туризма	75
Чайкина С. Н. Типология российских кинофестивалей	79

СЕКЦИЯ ОБЩЕЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Курина У. С. Связь самоотношения личности с уровнем мотивации достижения	83
Дробченко Т. П. Особенности детско-родительских отношений подростков из сельской и городской местностей	86
Млавец Е. И. Влияние чрезвычайных ситуаций на образно-смысловую сферу личности	90
Казмина В. Е. Ролевые ожидания и притязания супругов в браке ...	94
Бородина О. Е. Феминизм: психологическое определение понятия ...	96
Трунова О. Е. Самоотношение юношей с разной степенью зависимости от онлайн-игр	100
Риммар А. С. Представление о родительстве у юношей и девушек	105
Воронкова Г. В. Особенности коммуникативной сферы подростков с разным уровнем застенчивости	108
Беляев А. Н. Особенности Я-концепции у лиц с высокой выраженностью лидерских качеств	111
Пожидаева Я. Э. Отношение лиц с психосоматическими заболеваниями к своим болезням	115
Щербатых Е. С. Социально-психологические аспекты лидерства в юношеском возрасте	118
Пасмарнова В. Г. Эскапизм в спорте	122
Королев Ю. С. К вопросу о понятии социального интеллекта в зарубежной психологии	124
Новичихина И. В. Понятие «материнство» в психологической науке. Функции матери	128
Стожко В. А. Связь виктимного поведения с удовлетворенностью браком	131
Губина О. В. Социально-психологический климат в учебных группах с разным уровнем развития	134
Красных Ю. А. Самоотношение взрослых с разным уровнем манипулятивных отношений	137
Тхаптом Манунпон. К вопросу о видах мотивации учебной деятельности студентов	139
Бусыгина Ю. А. Проблема психологического возраста в науке	141

Горькаева Е. О. Исследование образа «телесного Я» у женщин... 146	146
Мухина Ю. С. Связь уровня стресса с направленностью локуса контроля..... 150	150
Моторина М. А. Особенности проявления одиночества и депрессии у девушек с разной сиблинговой позицией..... 153	153
Пищикова В. Е. Особенности агрессивности в межличностных отношениях младших и старших подростков: сравнительный анализ..... 156	156
Самойлова Е. А. Эмоциональный интеллект студентов-психологов с разным уровнем тревожности 159	159
Пятибратов В. Б. Теоретические предпосылки изучения адаптированности личности к новой образовательной среде 162	162
Мамедова С. В. Отношение к миру и самоотношение у онкологических больных с разной гендерной ролью..... 166	166
Абрамова А. Ю. Представление о карьере у студентов с разной мотивацией достижения 169	169
Стрельникова Н. А. Представление о стыде в юношеском и младшем школьном возрасте..... 172	172
Кузнецова У. Б. Проблема психологического благополучия личности в процессе ее профессионального становления 178	178

СЕКЦИЯ ПЕДАГОГИКИ И ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

Дутова М. Н. Психологические особенности детей с аутизмом 182	182
Матюнина Т. В. Основы моделирования психологической службы образования в контексте гуманистических идей..... 185	185
Бахтина Т. А. Анализ феномена «смысложизненные ориентации» личности в философских и психолого-педагогических исследованиях отечественных ученых 191	191
Гатаулина М. О. Коррекция тревожности детей-аутистов с помощью арт-терапии 194	194
Ярецкая А. Ю. Игра как универсальное средство развития дошкольника. К вопросу о содержании понятия 197	197
Колесникова М. А. Отражение акцентуации характера в творческой деятельности 200	200
Нежевенко К. В. Инклюзивное образование в России: от мечты к реальности 204	204
Дужикова М. А. Особенности рефлексии в подростковом возрасте..... 208	208

ГЕНДЕРНЫЙ СТЕРЕОТИП КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ВЫБОРА
БРАЧНОГО ПАРТНЕРА

Н. В. Воробьева, студентка 5 курса

Научный руководитель — канд. психол. наук Г. В. Орлова

Процесс образования пары — обычное явление в развитии взрослого человека. Каким образом люди выбирают брачного партнера? Принимают ли они это важнейшее решение на основании одного лишь взаимного сходства, или остановить свой выбор на определенном человеке их подталкивают более сложные факторы? Так или иначе стоит признать, что выбор брачного партнера — намного более сложный процесс, чем это представляется на первый взгляд.

В отечественной психологии проблема выбора партнера, как и специфика добрачного и предбрачного периодов, крайне редко являлась предметом теоретического и практического исследований. Отдельные ее аспекты освещались в работах М. А. Абалакиной, А. Н. Волковой, Л. Я. Гозмана, Л. П. Панковой, В. А. Сысенко, Б. Ю. Шапиро, В. И. Штильб.

Исследованием гендерных стереотипов занимались многие как отечественные, так и зарубежные исследователи: Дж. Батлер, С. Бэм, Дж. Митчел, В. С. Агеев, И. Кон, О. Л. Кустова и др.

В данной статье мы попытаемся осветить наиболее важные факторы, влияющие на выбор брачного партнера, а также найти место гендерного стереотипа среди этих факторов.

Начнем с того, что семья — это сложнейший социальный институт, являющийся совокупным результатом взаимодействия факторов социального, природного, индивидуального и общественного, единичного и общего характера [1; 4; 5; 7].

Желание объяснить механизм брачного выбора привело к созданию ряда концепций. В настоящее время различают три основные модели выбора брачного партнера:

1. *Модель фильтров.* Согласно этой модели, выбор партнера представляет собой многоступенчатый процесс. На первой стадии

происходит фильтрация по принципу гомогенности. На второй стадии срабатывает фильтр ценностно-ориентационного единства. На третьей стадии фильтрация происходит по принципу потребностно-мотивационному.

2. *Модель максимизации выгоды.* Формирование пары происходит при наличии у партнера максимального количества желаемых качеств. Чем больше совпадений, тем вероятнее становится факт заключения брака именно с этим партнером.

3. *Модель дополнительности.* Притягательной является ситуация, когда противоположный партнер обладает какими-либо свойствами, чертами характера, интересами, умениями, которых нет у первого. Такой механизм компенсации срабатывает по принципу комплиментарности [10].

Зарубежные и отечественные теории выбора брачного партнера, на наш взгляд, объединяются в основном двумя идеями: *во-первых*, почти все они базируются на принципе социально-культурной гомогамии; *во-вторых*, механизм выбора партнера представлен как система фильтров (стадий).

Факторы выбора брачного партнера играют роль некоего ограничителя. Важнейшим из этих факторов является *правило эндогамии—экзогамии*. К социологическим факторам брачного выбора также относят *гомогамию* и *близость*. Стоит упомянуть и о такой тенденции брачного выбора, как *брачный градиент* — заметная тенденция предпочтения мужчинами более молодых женщин с относительно меньшим образованием, принадлежащих к относительно более низкой социальной группе, и противоположная тенденция у женщин.

Еще один фактор брачного выбора, описанный Дж. Хомансом, называется *теорией обмена*. Он основан на том, что один из критериев брачного выбора состоит во взаимной полезности людей и выгоде, которую они получают [8].

Е. И. Артамонова выделяет факторы, влияющие на создание супружеской пары и дальнейшее семейное благополучие. К прямым факторам относятся: 1) психобиологическая совместимость (речь идет о «неопределимой внутренней симпатии», в основе которой могут быть такие ясные причины, как восхищение талантом, достигнутым успехом, общественным положением или внешним эстетическим идеалом); 2) социальная зрелость супругов (подготовленность к активно-

му участию в жизни общества, способность материально обеспечить свою семью, долг и ответственность, самообладание и гибкость).

Наряду с этим выделяются факторы, оказывающие косвенное воздействие на благополучие супружеской жизни:

1) *трудова́я стабильность*. Люди, часто меняющие место работы, отличаются неустойчивостью, чрезмерной неудовлетворенностью, неспособностью налаживать длительные отношения;

2) *возраст* определяет общественную зрелость партнеров, подготовленность к выполнению супружеских и родительских обязанностей. Оптимальным считается возраст 20–24 года. Наиболее естественная разница в возрасте супругов 1–4 года;

3) *продолжительность знакомства*. За период знакомства важно хорошо узнать друг друга не только в оптимальных условиях, но и в трудных ситуациях, когда ярко проявляются личные качества и слабости характера партнера. Возможно, как это принято сейчас, пожить вместе какое-то время, чтобы освоиться, привыкнуть к особенностям друг друга [2].

Но не стоит забывать, что паттерны романтического и добрачного поведения в значительной степени основаны на традиционных стереотипах маскулинности и фемининности. Еще Аристотель считал, что жена как более низкое существо должна больше любить мужа, чтобы компенсировать это неравенство [3]. Следовательно, женщины более романтичны, а мужчины более практичны. Женщинам и сейчас обычно приписывается большая романтичность, считается, что они быстрее и легче влюбляются, более открыты в отношениях, более склонны подчиняться и т. д. Эмпирические данные дают этому слабое подтверждение.

Анализ теоретических работ по социальной психологии, философии, социологии и культурологии дает основание утверждать, что при взаимодействии будущих брачных партнеров его непосредственными регуляторами являются прежде всего *социальные установки* как готовность к определенному роду действиям и оценкам, а также *гендерные стереотипы — сформировавшиеся в культуре обобщенные представления (убеждения) о том, как действительно ведут себя мужчины и женщины*, выполняющие функцию фильтрации, избирательности и адаптации к будущему супругу [6].

Гендерные различия выбора партнера по браку представлены в содержании стереотипов, которые могут касаться: физических данных будущего избранника, полоролевых стереотипов о реализации семей-

ных функций в будущем браке, традиционных стереотипов маскулинности – феминности, стереотипных представлений о разделении труда [9].

Одним из наиболее интересных на сегодняшний день эмпирических исследований добрачных отношений, проливающим свет на многие стереотипы, с этими отношениями связанные, является лонгитюдное исследование, проведенное З. Рубиным и его коллегами в начале 70-х годов в Бостоне. Исследование показало, что реальное поведение мужчины и женщины не только не соответствует сложившимся стереотипам, но часто противоречит им.

В своем исследовании мы решили проследить, какую роль играют гендерные стереотипы при выборе брачного партнера, действительно ли их можно отнести к факторам этого выбора.

Базой исследования выступил Воронежский государственный университет (г. Воронеж). Общая численность выборки 52 человека, из них 28 женщин и 24 мужчины. В качестве основы для эмпирического исследования был использована методика С. Бем «Определение психологического пола личности» и методика «Рольевые ожидания и притязания в браке» А. Н. Волковой.

По результатам исследования мы получили следующие данные: 50 % (15 женщин и 11 мужчин) испытуемых демонстрируют черты андрогинности, т. е. в личности могут быть на паритетных началах представлены существенные черты как маскулинного, так и фемининного типа. 30 % – маскулинность (5 женщин, 10 мужчин); 20 % – фемининность (8 женщин, 3 мужчины)

Что касается оценки своего партнера, тут мы видим следующие результаты: 41 % мужчин видят в своей партнерше преимущественно феминные черты, 59 % андрогинные. 64 % женщин утверждают, что их партнер маскулинен, 36 % – что андрогинен.

Таким образом, мы можем видеть, что есть некоторая стереотипность в выборе партнера как у мужчин, так и у женщин. Большинство хочет видеть в своем партнере (и выбирает себе такого партнера), у которого выражены (либо сочетаются) традиционные мужские/женские черты. Ни одна женщина не посчитала своего партнера фемининным, как и ни один мужчина не назвал свою партнершу маскулинной. К слову, мы видим, что в современном мире мужчины больше приемлют наличие у своей партнерши и женских, и мужских качеств, когда как женщины больше склонны видеть в своем партнере «настоящего мужчину».

При этом маскулинные девушки склонны к завышенным ожиданиям от партнера (в основном по шкалам социальной активности и хозяйственно-бытовой), но и притязания их значительно завышены. Маскулинные же мужчины демонстрируют средний и низкий уровень ожиданий от партнерши (за исключением шкалы внешней привлекательности), тогда как к себе предъявляют довольно высокие требования в хозяйственно-бытовой сфере и сфере социальной активности, но низкие по эмоционально-психотерапевтической шкале и шкале внешней привлекательности.

Что касается фемининных девушек, то они также демонстрируют достаточно завышенные ожидания от партнера, но, в отличие от маскулинных, их ожидания завышены по шкале личной идентификации с партнером и эмоционально-психотерапевтической шкале. Высокий уровень притязаний у них наблюдается по тем же шкалам.

Интересные результаты мы наблюдаем у фемининных мужчин. Они склонны к повышенным притязаниям по большинству шкал, тогда как уровень ожиданий является довольно низким по всем шкалам кроме родительско-воспитательной.

Андрогинные же мужчины и женщины показывают смешанные результаты. У одних они сопоставимы с результатами фемининных испытуемых, у других — с результатами маскулинных.

Зависимость приоритета одних шкал над другими от гендера у испытуемых выявлена не была.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что гендерный стереотип оказывает влияние на выбор брачного партнера наряду с другими факторами, а также может изменять степень влияния того или иного фактора. Поэтому в настоящее время в связи с изменением гендерных стереотипов изменению подвергаются и факторы выбора партнера. Другими словами, на мужчин и женщин в зависимости от их гендера, одни и те же факторы влияют в большей либо в меньшей степени, а сам гендерный стереотип становится фактором выбора.

Литература

1. *Андреева Т. В.* Психология современной семьи : монография / Т. В. Андреева. — СПб. : Речь, 2005. — 436 с.

2. *Артамонова Е. И.* Психология семейных отношений с основами семейного консультирования : учеб. пособие / Е. И. Артамонова. — М. : Академия, 2002. — 192 с.

3. *Басс Д.* Стратегия выбора партнера / Д. Басс. — СПб. : Питер, 2000. — 437 с.

4. *Бем С.* Линзы гендера: Трансформация взглядов на проблему неравенства полов / С. Бем. — М. : РОССПЭН, 2004. — 336 с.
5. *Волкова А. Н.* На пороге семьи / А. Н. Волкова. — Л. : Знание, 1989. — 120 с.
6. *Денисова А. А.* Словарь гендерных терминов / А. А. Денисова. — М. : Информация 21 век, 2002. — 78 с.
7. *Дружинин В. Н.* Психология семьи / В. Н. Дружинин. — Екатеринбург : Деловая книга, 2000. — 208 с.
8. *Клецина И. С.* Гендерная социализация : учебное пособие / И. С. Клецина. — СПб. : Издательство РГПУ им. А. И. Герцена, 1998. — 92 с.
9. *Пахолков А. В.* Социально-психологические детерминанты брачных намерений региональной молодежи : автореф. дис. на соиск. канд. психол. наук / А. В. Пахолков. — Ярославль : МАПН, 2008. — 24 с.
10. *Шнейдер Л. Б.* Основы семейной психологии / Л. Б. Шнейдер. — М. : МОДЭК, 2003. — 928 с.

КОНЦЕПЦИЯ ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЯ В ХРИСТИАНСТВЕ

Е. О. Гомозова, студентка 2 курса

Научный руководитель — канд. филос. наук, доц. Д. Г. Кукарников

Исследуя некоторые моменты Священного Писания, сложно обойти вопросы о наличии свободной воли у человека и его спасении. Если сразу сводить этот момент к предельному вопросу, то он будет заключаться в проблеме соотношения всемогущества Бога и предопределенности в мире. Этот вопрос будоражит умы уже несколько веков. Одним из наиболее ярких исследователей является Блаженный Августин.

Свою концепцию о свободной воле Августин выводит из учения апостола Павла. Она заключается в том, что свобода воли является лишь вектором, направляющим нашу деятельность, поскольку возвыситься человек может лишь с помощью Творца, но пасть люди могут и без опоры на Него, полагаясь на собственные решения. Тем не менее Августин признает некое наличие свободной воли за человеком, но заранее выделяет те области, на которые мы не можем влиять, к примеру наслаждение закатом закончится вместе с ним, что свиде-

тельствует о неполноте человеческой воли. Потому реализовать свои стремления к лучшему в полной мере возможно только при помощи благодати, данной Богом.

Естественно, это порождает массу сомнений в роли Творца в человеческой жизни, ведь часто удача и прочие блага сопутствуют тем, кто, по мнению большинства, их не заслуживает. Однако, поскольку пути Господни неисповедимы, мы можем знать лишь о Божественной природе этого дара, а не о той логике, посредством которой он дается. Сам Августин считает, что через подобные дары Бог напоминает, что только Ему присуща истинная благодать, ими Он доказывает, что Он действительно способен ее нести. Я понимаю эту мысль так: если бы Бог миловал лишь тех, кто живет праведно, то лишь немногие были бы способны верить в принципы высшей справедливости. Почему же Творец часто обходит стороной тех, кто праведен? Здесь Августин черпает идеи из Писания. «Кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть» [1, с. 1224] — предупреждает он.

Если бы Господь следовал принципу награждения за заслуги, то люди видели бы, за что Он их награждает, и следовали бы данной добродетели из-за корысти, а у тех, кто возвышается над другими своей добросовестностью и следованием канонам, формировалась бы спесь. (Богослов подмечает, что, поскольку все благое в человеке от Бога, у него нет повода хвалить себя или бравировать достижениями.) Те, кто способен взрастить в себе подобное чувство, не испытывают чувства страха непосредственно перед Господом, они боятся лишь посмертного суда и опасаются невзгод мирской жизни. Благодать снисходит не по заслугам именно из-за Божьего милосердия, а из-за Его справедливости распространяется не на всех. Решению Бога стоит доверять, а не роптать на Него. Бог помилует лишь тех, кого выберет Сам, без заслуг, которые предшествовали бы этому, но наказывать Он смеет только за проступки. Эта иррациональность следует не из слабости Господа, а из неспособности людей понимать некоторые аспекты Его деятельности. Ведь и мы уберігаем некоторых собеседников от правды из-за того, что они не поймут ее.

Естественной является постановка вопроса о роли молитвы при подобном положении дел: имеет ли смысл просить о чем-либо Господа, если Он вездесущ и предопределил ход большинства событий? Августин полагает, что молитва нужна для того, чтобы напомнить себе о власти Бога. Поэтому Он и пожелал, чтобы мы просили отвести нас от искушения, так как это — единственное, что может способствовать уходу от Него и истинной веры. В силу Божественного всемогущества

Он мог бы исполнить эту просьбу, но пожелал, чтобы своими молитвами мы напоминали самим себе, от Кого мы получаем все блага.

Мысль о том, что все предопределено, не должна повергать людей в отчаяние. Здесь Августин допускает некую хитрость: во избежание этого учение о предопределении нужно преподносить так, чтобы люди сначала действовали, а уже потом размышляли о своей избранности. Думаю, что под действием он подразумевает не исполнение отдельного дела, а делá, которые человек творит всю свою жизнь.

Почему изначально человек был награжден свободной волей? Августин замечает, что любое существо не способно создать нечто равное себе, и потому Бог создал человека как нечто ниже Себя. Почему же он был наделен свободной волей? Ведь Бог мог одарить его врожденным послушанием. Но всегда лучшим будет являться послушание, идущее из согласия с душой. Здесь Августин подмечает, что, поскольку Божественная воля сильнее человеческой, она никак не могла стать корнем раздора.

Последователем Блаженного Августина в этом вопросе можно назвать Мартина Лютера. Его учение рождается в полемике с Эразмом Роттердамским, потому следует сначала разобрать именно идеи Эразма, который также задается вопросом: совершаются ли действия человека по его собственной воле или по необходимости? Свои измышления по данному поводу он излагает в трактате «Диатриба, или Рассуждения о свободной воле», здесь же он затрагивает тему о проявлении Господом человеческих эмоций: Бог гневается, приходит в милость, меняет решения потому, что это понятно слабому человеческому уму, что говорит о гуманистических действиях Творца. Среди его аргументов в пользу свободной воли — наличие заповедей: раз они даны, значит человек сам способен решить, следовать им или нет. Продолжая свои рассуждения, он приходит к выводу о том, что Адам был создан так, что его разум способен был сам различать, к чему ему следует стремиться, а чего избегать. Подобным образом были созданы ангелы (тот же Люцифер, возжелавший стать равным Богу). Он отталкивается от цитат из Писания, где Творец ставит людей перед выбором, призывая их жить по заповедям. К примеру, Он обращается к Каину: «если делаешь доброе, то не поднимаешь ли лица? а если не делаешь доброго, то у дверей грех лежит; он влечет тебя к себе, но ты господствуй над ним» [1, с. 12].

Подобное толкование Библии способствует формированию следующего мнения Эразма: Бог только показывает, что есть благой по-

ступок, а что ему противостоит, оставляя за человеком право выбора. Помимо этого в Писании неоднократно употребляется «если» в обращении к человеку. Эразм подмечает, что в Священном Писании говорится об обращении к человеку сделать усилие, чтобы стать лучше. Все это теряет смысл, если для доброго и злого поступка будет введена необходимость. К тому же с отсутствием воли выходило бы так, что Бог сотворил в человеке и зло, что ставит под сомнение Его Божественную природу. Ее отсутствие также означало бы, что человеку нельзя внушить вину за грех.

Противники свободной воли говорят о ее невозможности после грехопадения, но у Эразма свободная воля лишь ранена грехом, но не уничтожена им (выходит, что своеволие человека убило его же свободную волю?). Эта рана состоит в том, что человек стал чаще обращаться ко злу, нежели к добру. Странники предопределенности также говорят о явлении Христа, которое служит их главным аргументом в пользу необходимости. Эразм рассматривает Христа в этом библейском эпизоде лишь как орудие Святого Духа.

Еще до открытой полемики Лютер советует Эразму больше времени отдавать чтению трактатов Августина и во многом ссылается на него. Свою реакционную концепцию Лютер излагает в трактате «О рабстве воли», в котором утверждает, что воля существовала только до грехопадения. Лютер упрекает Эразма в невежестве. У него человек свободен в том, чтобы подчиниться достоверной предопределенности или же сбежать от нее в ложь. Он может принять или отрицать слово Евангелия. Предопределение обретает свой смысл в спасении. «У человека нет свободы воли по отношению к тому, что выше его, а есть только по отношению к тому, что ниже его» [3, с. 220]. В ранг ниже входит то, что создано Богом для комфорта людей, пользования. «В остальном, в отношении к Богу и к тому, что касается спасения или осуждения, у человека нет никакой свободной воли» [там же, с. 220]. Если Эразм постоянно ссылается на примеры Писания, где человек стоит перед выбором, то у Лютера эти эпизоды выполняют роль своеобразной проверки. Он сравнивает эти моменты с родительскими поручениями, с которыми не справятся их дети. Эти поручения даются, чтобы указать на несамостоятельность детей, в ходе их выполнения они должны сокрушить свою гордыню.

Следующим сторонником доктрины предопределения является Жан Кальвин. В кальвинизме Бог, Который находится в стороне от нашего мира, направил Христа для спасения лишь отдельной груп-

пы людей, но не всего человечества, причем эта общность не знала о своем спасении. Данная трактовка библейского сюжета является логическим продолжением предыдущих концепций. Кальвин предвидит две крайности при подобном положении дел: бездействие, связанное с унынием, введенным необходимостью, и чрезмерный энтузиазм в выполнении дел, уверенности, что каждому твоему делу благоволит Бог. Середину он видит в том, что «человек, которого учат, что в нем нет ничего доброго и что он пребывает в нужде и подчинен необходимости, должен, тем не менее, понимать, что его долг — стремиться к добру, которого в нем нет, и к свободе, которой он лишен» [2, с. 251].

Но если действительно доходить до предельного вопроса в этой проблематике, то он возникает при открытии для себя Откровения Иоанна Богослова, которое повествует о том, что случится пред вторым пришествием Христа. Признаками предшества апокалипсиса будут: всеобщая глобализация, стирание границ между государствами, явление народу лжеправедников и, в конце концов, Антихриста. Он соберет за собой больше последователей, чем Иисус, и тогда грянут катаклизмы и сам апокалипсис. В чем здесь проявляются фаталистические моменты? Во-первых, Сам Иисус говорит о Своем втором пришествии, во-вторых, Бог, создавая мир, знал об этом. Тот факт, что это Откровение уже дано в Писании, повествует о том, что данные события неминуемы. В контексте этой проблемы стоит вспомнить офитов и прочие ереси, которые почитали Иуду как человека, который помог Иисусу вознестись. В их толковании только Иуда из всех учеников Христа смог понять Его замысел, и был единственным, кто посвящен в него. Даже если отбросить этот источник в силу его неканоничности, то возникает вопрос: в чем был подвиг Христа, если Он уже знал о Своей судьбе?

Представляется, что мои следующие суждения о предопределенности не будут противоречить классической трактовке искупления Христом грехов человеческих. Но будет ли играть прежнюю первенствующую роль сюжет с грехопадением при всей его фаталистичности? Я думаю, что это конечный вопрос христианского вероисповедания. Естественно, его могла бы решить эпикурейская трактовка Божественного, в которой все бы просто свелось к капризу Бога или же Его несостоятельности, проявлявшейся в чрезмерном внимании к людской жизни. Но, очевидно, следует толковать христианские вопросы исключительно исходя из данной религиозной традиции. Из этого следует, что Бог создал людей не из-за каприза, а из милосердия,

которое является ключевым моментом христианства, поскольку в христианской интерпретации нечто идеальное неминуемо включает в себя этот компонент.

Следующий вопрос: зачем Богу послушание, если Он всемогущ? Можно было бы задействовать, по Лютеру, сравнение Бога с родителем, но Бог, скорее, предопределил все ради того, чтобы произошел первородный грех, а точнее, чтобы люди пытались его искупить, ибо как можно иначе воспитать в людях кротость? Милосердие более способны испытывать те, кто уже падал в своей жизни. Таким образом, «родовая травма» человечества помогает ему помнить об истинных добродетелях.

Помимо этого, вероятно, данный момент проявляет себя в том, что сутью христианства является не пытка, но самоиспытание, и без первородного греха у человечества не было бы резона преодолевать себя, поскольку отсутствовал бы образ, над которым можно было бы возвыситься.

Литература

1. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового завета. — М. : Российское Библейское общество, 2002. — 1333 с.

2. *Лютер М.* Избранные произведения / Мартин Лютер. — СПб. : Андреев и согласие, 1994. — 432 с.

3. *Кальвин Ж.* Наставления в христианской вере / Жан Кальвин. — Каламазу : Russian Language Edition CRC World Literature Ministries, 1997. — Т. 1–2. — 582 с.

САМООТНОШЕНИЕ ЖЕНЩИН СРЕДНЕЙ ЗРЕЛОСТИ С РАЗЛИЧНЫМИ УРОВНЯМИ ЛИЧНОСТНОЙ ВИКТИМНОСТИ, ПЕРЕЖИВШИХ НАСИЛИЕ В СЕМЬЕ

А. О. Лаптев, студент 3 курса

Научный руководитель — М. В. Петрушина

В последнее время все чаще и чаще можно узнать о случаях физического насилия в семье. Девочки, молодые девушки или взрослые

женщины, страдают от побоев и избиений. С юридической и правовой точек зрения эти дела успешно разрешаются. Однако недостаточно внимания обращается именно на психологическое состояние жертв. В этой работе речь пойдет о женщинах, проблема которых достойна стать предметом психологического исследования.

Как можно описать женщину? Женщина — какая она? На такой вопрос люди отвечали нам по-разному: умная, красивая, сильная, кто-то даже с гордостью сказал: «Она — мама!» Все эти положительные характеристики, несомненно, верны. Но, к нашему сожалению, те, кто в обществе излучают уверенность, силу, обаяние и красоту, на самом деле могут оказаться глубоко несчастны в душе. Одной из причин этого становится насилие в семье, о котором не принято рассказывать окружающим. Но как именно оно может воздействовать на личность — это точно та проблема, которую следует исследовать.

Наша работа посвящена самоотношению женщин средней зрелости, переживших насилие в семье, и уровню личностной виктимности. Исследования в рамках подобной темы помогут расширить понимание такого психологического феномена, как самоотношение факторов, влияющих на его формирование, структуру и основные процессы. Разработка заявленной проблематики может внести вклад в женскую и социальную психологию. С практической точки зрения, результаты работы можно использовать в работе психолога с соответствующей группой клиентов, определяя причину того или иного их поведения.

Предмет нашего исследования — это самоотношение женщин среднего возраста с различными уровнями личностной виктимности, переживших насилие в семье. В качестве гипотезы исследования выступает предположение о различиях в самоотношении женщин средней зрелости, переживших насилие в семье, в зависимости от уровня личностной виктимности.

Прежде чем перейти к самому исследованию, необходимо оговорить некоторые теоретические основания нашей работы. Так, ключевыми понятиями являются самоотношение и виктимность.

Понятие «самоотношение», в отличие от многих других терминов в психологии, трактуется исследователями практически однозначно, независимо от подхода к изучению. Большинство работ по данной проблематике принадлежит именно советским авторам, однако термин был заимствован и адаптирован для русской аудитории из англоязычных источников, где обозначается как «self-regard» и

дословно переводится «самоотношение» [3]. Самоотношение — это многомерный компонент самосознания, характеризующий эмоциональное восприятие человеком себя как личности, субъекта труда и общения, и определяющийся входящей в него относительно устойчивой во времени системой самооценок, при учете сложной связи элементов внутри этой системы.

Отечественные авторы выделяют 4 основных категории в составе самоотношения [4]: а) самоуважение (отрицательное отношение к себе, неумение руководствоваться своими мотивами, неуверенность в своих силах); б) аутосимпатия (непринятие личностных качеств и самообвинение в жизненных трудностях и неудачах); в) ожидаемое отношение от других (умение верно оценить отношение людей к себе); г) самоинтерес (отсутствие стремления изучать себя).

Личностная виктимность — качество человека, которое выражается в способности субъекта в силу его особенностей становиться жертвой преступления в тех случаях, когда имеется возможность этого избежать [1]. Виктимное поведение разделяется на шесть основных типов, согласно работам О. О. Андронниковой [цит. по 2]:

1) *реализованная виктимность* — уровень присутствия виктимного поведения в реальной жизни человека. Значения выше нормы говорят о том, что личность часто попадает в ситуации, неприятные ей или опасные для здоровья;

2) *агрессивное виктимное поведение* — показатели выше нормы указывают на то, что провокация насилия вызывается оскорблением, клеветой, издевательством со стороны жертвы;

3) *активное виктимное поведение* — при завышенных значениях провокация исходит из просьбы или обращения;

4) *некритичное виктимное поведение* — к группе с завышенными показателями относят лиц, демонстрирующих неуверенность, неосмотрительность;

5) *пассивное виктимное поведение* — человек с высокими показателями по этому типу не оказывает сопротивления преступнику;

6) *инициативное виктимное поведение* — завышенные результаты говорят о наличии социально одобряемого, сверхправильного поведения.

Теперь можно перейти к описанию результатов исследования. К настоящему времени было опрошено 28 женщин в возрасте от 25 до 45 лет, когда-либо подвергавшихся насилию со стороны мужчин в семье. Работа не является законченной, сейчас это больше пилотажное

исследование, т. е. определение предварительных результатов. Для завершения исследования требуется большее количество испытуемых.

Результаты распределены по типам виктимного поведения. Выделены уровни проявления личностной виктимности и описаны особенности самоотношения женщин.

Реализованная виктимность: данные по фактору аутосимпатии совпали при низких и средних уровнях проявления виктимности этого типа. При таких показателях женщина видит в себе недостатки, имеет низкую самооценку и готова к самообвинению. Далее при низком уровне реализованной виктимности лишь самоинтерес находится в допустимых значениях, все остальные результаты (самоуважение, глобальное самоотношение, ожидаемое отношение от других) не являются выраженными.

При высоком и низком уровне одинаковы в проявлении следующие составляющие самоотношения: женщины не верят в свои силы и не понимают причин своего поведения, но при этом часто пытаются понять собственные мысли и чувства, не могут верно оценить отношение к ним других людей.

Агрессивное виктимное поведение: у женщин с высоким уровнем виктимности все показатели самоотношения не являются выраженными, т. е. женщины не верят в свои силы и способности, считают, что не могут контролировать свою жизнь. Они не одобряют себя, не критичны, их мысли и чувства им не интересны. При среднем уровне результаты схожи, но эти женщины интересуются своими чувствами, им не безразлично собственное мнение. При высоком уровне все результаты в пределах нормы выраженности, однако имеется тенденция к отсутствию самообвинения.

Активный, некритичный и пассивный типы показывают приблизительно одинаковые результаты. При низком уровне уверенность в своих силах и эмоциональная оценка собственных характеристик развиты хорошо, однако неадекватным является оценка отношения других людей. Самоинтерес у таких женщин завышен, т. е. они много времени тратят на изучение себя.

При среднем и низком уровнях проявления данных типов все показатели занижены, кроме самоинтереса. Другими словами, при отрицательном отношении к себе не пропадает стремление разбираться в своих переживаниях.

Последний тип — это инициативное виктимное поведение. В ходе работы было выявлено: чем выше уровень проявления опреде-

ленного типа виктимности, тем негативнее у женщин отношение к себе. Здесь все обстоит иначе. При низком уровне проявления данного виктимного поведения показатели самооотношения завышены (кроме ожидаемого отношения от других). Женщина, возможно, считает некоторые свои характеристики лучше, чем они есть в действительности. При высоком уровне проявления, наоборот, характерна тенденция принижать свою значимость. Средний уровень попадает в норму проявления категорий самооотношения.

Данная работа еще не закончена. Требуется учет дополнительных факторов (например, уточнение источника насилия), более глубокая возрастная дифференциация и увеличение числа испытуемых. В любом случае, исследование будет продолжено, тем более что женщины с подобными проблемами интересны со стороны психологии.

Литература

1. *Коновалов В. П.* Изучение потерпевших с целью совершенствования профилактики правонарушений / В. П. Коновалов. — М. : ВНИИ МВД СССР, 1982. — 72 с.
2. *Малкина-Пых И. Г.* Психология поведения жертвы / И. Г. Малкина-Пых. — М. : Эксмо, 2006. — 1008 с.
3. *Пантилеев С. Р.* Самоотношение как эмоционально-оценочная система / С. Р. Пантилеев. — М. : Изд-во Моск. гос. ун-та, 2003. — 100 с.
4. *Столин В. В.* Опросник самооотношения / В. В. Столин, С. Р. Пантилеев // Практикум по психодиагностике : психодиагностические материалы. — М., 1988. — С. 123–130.

КАТЕГОРИЯ «СПРАВЕДЛИВОСТЬ» В РАБОТАХ Р. НОЗИКА И Р. ДВОРКИНА: КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ

Н. А. Гаршин, студент 3 курса

Научный руководитель — канд. филос. наук, доц. Д. Г. Кукарников

Во второй половине XX века в социально-философской мысли возрождается с новой силой тяга к либерализму и пониманию справедливости как к чему-то тесно связанному со свободой человека, его личностной уникальностью. С одной стороны, данный поворот является реакцией на попытку представителей классического утилитаризма рассматривать человека и общество только лишь с точки зрения пользы, а с другой — сторонники неолиберализма в понимании человека как чего-то уникального и первостепенного весьма близки классическим теориям Канта и Руссо, а также некоторым позициям экзистенциализма.

Неолиберальные концепции в настоящее время не только весьма популярны как аспект сугубо философского знания, но также довольно активно применяются для разработки политических программ и законов, поэтому, на мой взгляд, данная работа актуальна. Целью ее является компаративистский анализ концептов справедливости крупных представителей современного западного неолиберализма — Р. Нозика и Р. Дворкина, выявление их основных недостатков и достоинств, а также попытка сформулировать целостное неолиберальное понимание категории «справедливость».

Критикуя утилитаризм, неолиберальные философы обращаются к этике Канта, отмечая, что ни одно действие не может быть признано моральным, если основано на сиюминутных обстоятельствах. Именно поэтому кантианский категорический императив нельзя трактовать просто как «поступай так, как бы ты хотел, чтобы поступали с тобой». Такая трактовка отсылает как к привходящему, к некоему состоянию комфорта, той же пользы. Но моральный поступок должен быть морален сам по себе, ибо для чистого разума цель — лишь он сам.

По аналогии с кантианским видением морали и социального мира «права у Нозика носят абсолютный характер и как таковые не

могут быть нарушены ради решения каких-либо социальных целей, например, целей благосостояния или безопасности всего общества» [1, с. 69]. Исходя из этого, справедливость выводится не как нечто внешнее по отношению к человеку, а как продолжение его прав, свобод и обязанностей. Таким образом, человек получает максимальную свободу для самореализации, и используя ее, по мнению Нозика, тем самым будет помогать обществу. Все это выражено в основных принципах, лежащих в основе данной философской программы:

- 1) идея естественной отделенности и независимости индивида;
- 2) концепция естественных прав;
- 3) идея анархического порядка и минимального государства;
- 4) преимущественно экономический характер социальных связей [1, с. 69].

Согласно Нозика, справедливым является государство, созданное свободно, волеизъявлением автономных личностей, причем государству делегируется минимальное количество прав и полномочий, которые необходимы сугубо для помощи гражданам в реализации экономических и юридических и защиты естественных прав [2, с. 79].

В свою очередь, Дворкин исходит из позиций «либерального равенства», при этом равенство в принципе носит априорный характер, а общественный договор, или же «ситуация неведения» Ролза являются лишь вспомогательными, хоть и важными факторами для перехода из потенциального состояния морали в актуальное. Помимо равенства, в концепции Дворкина важнейшее место занимают «забота» и «уважение», право на которые имеет каждый гражданин. Для реализации естественных прав, а также права на заботу и уважение Дворкин предлагает ввести особый тип прав и специальный вид социальных институтов для обеспечения исполнения этих прав: «Эти права философ называет "правами-козырями", наделяя их абсолютным значением на шкале гражданских и политических прав» [1, с. 88].

Благодаря этим правам граждане, находящиеся в позиции меньшинства, способны избежать тотализирующего влияния общества и большинства, сохраняя тем самым свою свободу и реализуя право на собственное мнение. Для общества, по мнению Дворкина, применение этих прав полезно тем, что не возникает ситуаций социальной напряженности и апатии — таким образом снижается риск как разного рода социальных потрясений, так и утери гражданами социальной активности.

В области же политико-экономической философии Дворкин, в отличие от Нозика, все же стремится гарантировать некую, пусть и минимальную, социальную защищенность. «Поэтому, считает Дворкин, "возможно, наилучшим решением для либерала будет система прав на социальное обеспечение, осуществляемое на основе перераспределяемого дохода и обычного налога на наследство"» [1, с. 88]. Здесь можно наблюдать отход от сугубо неолиберальных позиций, в которых роль государства сведена к минимуму. В реальном мире подобная модель намного жизнеспособнее чисто либерального концепта.

Подводя итоги сравнения двух неолиберальных концепций можно сделать следующие выводы. Поскольку неолиберализм проистекает из кантианства, то различные теории все же близки по многим пунктам между собой: признание первичности личностной свободы, справедливости того, что помогает этой свободе осуществляться, минимизация (в том или иной степени) роли государства, патернализм в русле правовой системы. Отсюда сходство преимуществ, которые указаны выше. Разночтения же носят пусть и важный, но более-менее частный характер, касающийся социальной и правовой политики, однако не меняющий кардинально места человека в мире и обществе.

Литература

1. *Канарш Г. Ю.* Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация / Г.Ю. Канарш. — М. : Изд-во МГУ, 2011. — 233 с.
2. *Сэндел М.* Справедливость. Как поступать правильно? / М. Сэндел. — М. : Манн, Иванов и Фербер, 2013. — 352 с.

КАТЕГОРИЯ КОМИЧЕСКОГО В АНТИЧНОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ

Кулакова А. Б., студентка 2 курса

Научный руководитель — канд. филос. наук, доц. А. А. Цуркан

Целью данной работы является исследование феномена комического в античной социокультурной традиции. На наш взгляд, данная

проблема актуальна, поскольку человеческий быт всегда отражался в искусстве; в рамках же комизма это отражение получает особую концентрацию, благодаря которой явно выступают злободневные проблемы жизни общества на определенных этапах времени, интересные для философии.

Рассмотрим новоаттическую комедию, обращаясь к ее главным столпам — комедиографам Плавту и Менандру. Тит Макций Плавт является комедиографом Древнего Рима. Одной из его известных пьес является комедия «Псевдол». Псевдол — так зовут раба, главного героя, что в переводе означает «обманщик». В пьесе Псевдол и его молодой хозяин Калидор стремятся освободить девушку Феникию из-под власти сводника, который собирается ее продать. Сравним образы Калидора и Псевдола: первый нежный и беспомощный юноша; напротив, его раб — умный, ироничный и самоуверенный, он успокаивает Калидора и вселяет в него надежду, однако сам подсмеивается над хозяином. Имя сводника Баллиона в дальнейшем стало нарицательным у римлян «для обозначения гнусной личности, — воплощения низости и животной грубости» [2, с. 281]. Он не отвергает ни одного оскорбления от других действующих лиц пьесы. Баллион ждет гонца от воина, которому осталось доплатить за Феникию, чтобы забрать ее. Псевдол же подменяет гонца воина другим человеком — шутом и плутом, с помощью которого обманывает Баллиона.

Сюжеты комедий Плавта не похожи на сюжеты Аристофана. Аристофан обращался больше к политике, а для Рима III—II века до н. э. они актуальны не были. Лосев пишет: «Сюжеты же бытовой новоаттической комедии Плавт с успехом использовал, усиливая демократическую направленность, элемент грубоватого комизма, буффонады, придавая им специфически римскую окраску» [3, с. 271].

Представителем новоаттической комедии в Древней Греции является комедиограф Менандр. Его пьесы строятся на повседневных событиях и отношениях людей, герои — обычные люди со своими мелкими страстями, ошибающиеся и поставленные в забавные и абсурдные ситуации. Например, комедия Менандра «Третейский суд». Сюжет основан на том, что на празднике юноша Харисий вступает в связь с девушкой Памфилой, друг друга они не запоминают. Вскоре они вступают в брак, у Памфилы рождается ребенок, которого Харисий не признает своим. Он бросает жену, а Памфила подкидывает ребенка чужим людям. Комедия завершается позитивно, Харисий и Памфила выясняют, что это их общий ребенок и мирятся друг с другом.

Через комедии Менандр высказывает собственное мнение в пользу нормальной семейной жизни. Так, Харисий, узнав, что жена не бросает его, несмотря на кутежи, проникается к ней любовью и переосмысливает свое и ее поведение.

В комедиях Менандра присутствует мораль: у поэта нет абсолютно вредных и злобных героев. Им всем присущи слабости, они совершают ошибки, но при этом имеют и положительные стороны. Так, например, арфистка Габротонон — любовница Харисия, но именно она раскрывает правду о ребенке и тем самым примиряет Харисия с женой. Этим пьесы Менандра отличаются и от работ Аристофана, и от работ Плавта, у которых всегда находится абсолютно негативный персонаж. Не обходится в комедии «Третьейский суд» и без философского мотива, который Менандр вкладывает в речи раба Онисима; говорится о том, что положение человека в обществе, его счастье или несчастье зависят от его субъективной внутренней конструкции — нрава. Особое значение Менандр придает природе человека. Когда Сириск и Дав судятся за драгоценности, которые Дав нашел вместе с ребенком, Сириск произносит: «... Средь подневольных выросши, Не взглянет ли на рабство он с презрением И на дела дерзнет, природе следуя, Что господам к лицу...» [4, с. 179]. Природа носит некий социальный характер, который присущ отдельно господину, а отдельно — рабу. А. Ф. Лосев точно определяет природу следующим образом: «Будучи твердой основой бытия, благой, здоровой силой, поддерживающей человека, она тем не менее сама ограничена и мелка, как и тот человек, которому она служит опорой» [3, с. 204].

Важный аспект комического: оно способно нейтрализовать агрессию в настроениях общества. Смех исполняет роль примиряющего посредника в социальных отношениях. Он же может иметь утешительный характер, а также быть мезьтю за унижения и поражения. В понимании Аристотеля смешное есть «нечто безобразное или уродливое, но без страдания» [5, с. 1070], например, комическая маска. При помощи преувеличения в человеке подчеркиваются определенные черты. Получается параллель: личность предстает как понята, но в то же время ясно, что качества преувеличены. Так насмешка не является оскорблением, а носит обличающую функцию. Поэтому характеры героев и играют важное значение в комедии. Также подвергаются опровержению некоторые стереотипы социума, например, гетера, отвергнутая официальным обществом, наделялась чертами бескорыстия и благородства. Это свидетельствует о том, что новоаттическая

комедия «верит» в человека, ждет от него благих поступков. Более того, комическое можно рассматривать как преодоление трагизма в жизни человека. Трагизма, который рождается из-за экономико-политических настроений общества либо из-за неприятностей в быту. Но так как времена меняются, комическое или утрачивает свою значимость, или развивается, соответствуя тенденциям социума, или же предстает в новых формах.

Литература

1. *Плавт Т. Псевдол* / Т. Плавт ; пер. с лат. А. Артюшкова // Собр. соч. : в 3 т. — М. : Терра, 1997. — Т. 2. — 2037 с.
2. *Тронский И. М.* История античной литературы / И. М. Тронский. — М. : Высшая школа, 1988. — 464 с.
3. *Лосев А. Ф.* Античная литература / А. Ф. Лосев // Плавт. — М. : Просвещение, 1986. — 466 с.
4. *Менандр.* Комедии. Мимиамбы / Менандр // Третейский суд. — М. : Художественная литература, 1964. — 468 с.
5. *Аристотель.* Этика. Политика. Риторика. Поэтика. Категории / Аристотель // Поэтика. — Минск : Литература, 1998. — 1392 с.

КОНЦЕПЦИЯ ЖИЗНЕННОГО МИРА В ФЕНОМЕНОЛОГИИ ЭДМУНДА ГУССЕРЛЯ

С. В. Приступа, студентка 2 курса

Научный руководитель — канд. филос. наук И. А. Чурсанова

Феноменология как наука зародилась в 1900–1901 годах XX века, в двухтомнике Эдмунда Гуссерля «Логические исследования». Это была первая работа, которая в дальнейшем дала толчок к развитию феноменологии в целом. Сам Гуссерль позднее назвал этот труд «произведением прорыва». Говоря кратко о содержании каждого тома, можно отметить, что первый том «Логических исследований» раскрывает критику психологизма, а именно сведение содержания сознания к психическим фактам, что приводит логику к психологии.

Второй же том можно назвать фундаментом феноменологии в дальнейшем. Книга описывает содержание и структуры сознания, свободные от оков психологии и представляемые как чистые сущности.

Гуссерль желал освободить процесс познания от наслоений психологизма. Здесь можно проследить влияние на его мысль мнения Бернарда Больцано, который порицал психологизм и был уверен, что истина существует независимо от того, выражена ли она или нет. Вторым, кто повлиял на взгляды Гуссерля, стал Франц Brentano. От него была унаследована идея интенциональности (интенциональность есть то, что позволяет типизировать психологические феномены). Таким образом, интенциональность у Brentano характеризует специфику всех психических процессов; у Гуссерля рассматривается в качестве основной онтологической характеристики сознания, благодаря которой оно вообще существует в качестве сознания. В общем же интенционализм гласит, что любое действие с необходимостью рассматривается, прежде всего, с позиции действующего субъекта. Основной единицей данного взгляда является интенция (лат. *intentio* — усилие; стремление; намерение) — направленность сознания, чувства или воли на какой-либо предмет.

В своей философии Гуссерль попытался выработать новый метод. Призывом этого метода стал лозунг «Назад к вещам!». Но что же такое вещи, по мнению Гуссерля? Для понимания этого необходимо обратиться к термину «феномен», который в общем виде означает возникающие в сознании смыслы предметов. Феномен — структура сознания. В нем субъект и объект представляют собой единое целое. Однако данное положение не следует воспринимать слишком буквально. Телесный мир существует сам по себе, независимо от сознания человека. Сознание всегда направлено на объект, оно интенционально. В то же время направленность сознания обращена не только на объект, но также и на смысл объекта. Сознание — совокупность «интенциональных переживаний всех видов»; характеризуется интенциональностью, внутренней активной деятельностью; структурными элементами потока сознания являются феномены независимо от объекта.

Методами исследования в феноменологии становятся непосредственное созерцание и феноменологические редукции. Непосредственное созерцание говорит о том, что материалом феноменологии являются только лишь данные непосредственной интуиции. В свою очередь, феноменологические редукции можно разделить на три типа.

1) Феноменолого-психологическая редукция. Чистая феноменология отходит от естественной установки («наивный» взгляд на мир, который видит вещи вне нас в пространстве и времени) и концентрирует внимание на самом переживании сознания, в котором нам открывается мир.

2) Эйдетическая редукция. Феноменология черпает данные переживания как идеальные сущности, а не как конкретные факты.

3) Трансцендентальная редукция. Феноменология не прекращается на редукции к переживаниям сознания, далее сознание — поток переживаний конкретного субъекта — редуцирует к чистому сознанию.

Таким образом, феноменология рассматривает сущности как нечто возможное, априорное в сознании. «Старинное учение онтологии — познание „возможностей“ должно предшествовать познанию действительности — это, на мой взгляд, великая истина, — если только она понята верно и верно поставлена на службу делу» [1]. И далее Гуссерль определяет область применения феноменологии: «...Поле феноменологии — это анализ раскрываемого в непосредственной интуиции априори, фиксаций непосредственно усмотримых сущностей и взаимосвязей таковых и их дескриптивное познание в системном союзе всех слоев в трансцендентально чистом сознании» [1].

Идея жизненного мира связана с темой гуссерлевской феноменологии, в которой он обращает внимание на кризис европейских наук, в частности философии. Гуссерль уверен, что рационализм Нового времени являлся односторонним, и как следствие этого он вытеснял все духовное, и то, что имело смысловое начало, из сферы научного знания. Рационализм использует понятия, не различающие краски, оттенки, запахи жизненного мира, что считается характерным для европейских наук, и из-за этого они пребывают в кризисе. Чтобы справиться с кризисом, необходимо создать новую науку о духе. Центральное место в такой науке должен занять «жизненный мир». Он должен стать фундаментом для дальнейшей научной сознательной деятельности.

Для Гуссерля жизненный мир — это «действительный и конкретный мир»; это реальность, окружающая нас, дающая нам основания для любой теоретической, а также внетеоретической деятельности. Это сфера того, что известно всем, того, что является очевидным и непосредственным. Он пишет: жизненный мир — это «совокупность

верований, к которым относятся с доверием и которые рассматриваются как безусловно значимые и практически апробированные до всех потребностей научного обоснования». Цель жизненного мира — стремление избавиться от всякой данности, которая обусловлена тем или иным временем. Все это должно происходить с помощью новой феноменологической редукции. Но для достижения этой цели перво-степенное значение имеет понимание судьбы и развития европейских наук, в русле их жизненного мира. Отличительной чертой жизненного мира является его историчность. Таким образом, он может проявляться нам в лице какой-либо исторической традиции; всегда соотносится с конкретным сообществом людей, следовательно, с его территориальными границами, ландшафтом, а также сооружениями на его территории, иными словами, он сопоставлен с окружающим миром во всех смыслах этого слова.

Гуссерль проводит разграничение между «первоначальной окружающей средой», которая представляет собой ближнюю природу в отношении нас и «мир твоего дома», твоей семьи, который перерастает в пространство «родины». Такой мир имеет личностную окраску, и в то же время, он служит «средой вещей». И только на таком двойном единстве персонального и природного мира лежит идеальная среда или сложное сплетение объективированных данностей культуры.

Жизненный мир представляет собой набор непосредственных очевидностей. В свою очередь, они являются дофилософскими, донаучными, первичными в логике любого сознания, а также утверждаются базисом и условием возможности осознанного усвоения индивидом теоретических установок. Такие условия должны совпадать с областью общеизвестных представлений, обладающих свойством «автоматического» неосознаваемого управления смыслополаганием.

Литература

1. *Гуссерль Э.* Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии : Т. 1. / Э. Гуссерль ; пер с нем. А. В. Михайлова, вступ. ст. В. А. Куренного. — М. : Академический проект, 2009. — 283 с.

ТЕМА СУДЬБЫ В ДРЕВНЕГРЕЧЕСКОЙ ПРЕДФИЛОСОФИИ

А. В. Онисько, студентка 1 курса

Научный руководитель — канд. филос. наук, доц. А. А. Цуркан

«Покорного судьба ведет, а непокорного — тащит», — эту мысль основателя школы стоиков Зенона из Китиона иначе можно выразить как «доверься судьбе».

Судьба — это одно из самых активных и таинственных начал жизни человека. С древнейших времен люди заметили, что множество событий, как в жизни отдельного человека, так и в судьбе целых народов происходят вопреки человеческим расчетам.

Винить в этом лишь богов оказалось недостаточно. Причины бедствия, постигающие каждого из смертных, часто были совершенно неожиданны и незаслуженны. Это заставляло поверить в существование особого вида существа, которое не имеет определенного облика, но воля, которого неисповедима.

Наиболее осмысленными из известных древнегреческих представлений о судьбе на сегодняшний день остаются произведения Гомера. Именно поэтому многие ученые в качестве первоосновы в своих исследованиях опираются на гомеровские труды.

В поэмах «Илиада» и «Одиссея» судьба представляется нам в виде Мойры. Ее характеристики обозначены эпитетами: «...ненавистная, гибельная, мощная».

Философ Д. Л. Родзинский писал в своей статье, что богиня Судьбы внимательно наблюдает за каждым смертным, чтобы «... мифологический фатализм, в рамках которого выбор героя не влиял на судьбу, где болезни, старость, смерть — от Мойры».

Она представляет собой власть над жизнью и смертью человека, а иногда ее можно рассматривать как более мощное существо, нежели боги.

Мойра — это олицетворение персонификации, действующей параллельно с богами.

Мысли Гомера продолжил в своих произведениях Гесиод.

Верно подметил В. П. Горан, что в поэме «Теогония» Мойра Гесиода имеет тройственный лик, и каждый из них наделяется особой функцией:

Мойра Лахесис — (определяющая судьбу) — определяет жребий человека [2];

Мойра Клото — (пряжа) — прядет нить человеческой жизни [1];

Мойра Атропос — (перерезающая нить) — осуществляет необратимое будущее человека.

Сходство двух античных поэм Гомера и Гесиода состоит в особом драматизме, сущность которого заключалась в незасекреченности судьбы.

Мойры владели такой информацией, вследствие чего люди и боги, не удовлетворенные предопределением, не раз прибегали к попыткам модификации собственного жизненного пути. Как правило, эти попытки оканчивались провалом. В качестве примера можно привести смерть царя Акрисия от руки будущего сына царской дочери Данаи в «Теогонии» или предсказание для Приама и Гекубы о падении Трои по вине сына Париса в «Илиаде».

Но имеет место и плодотворное вмешательство мойр в жизненную ситуацию. Например, неоднократное спасение Зевса от смерти, которую он должен был получить от рук своего сына.

Опираясь на древнегреческие источники, можно сделать следующий вывод: греку необходимо было осознание судьбы, как предмета более высокого ранга, нежели он сам, так как он верил, что в жизни есть определенность, что существует такой путь, следуя которому человек занимает определенное место в Космосе. Так человек ощущал свою причастность к миру.

Мы считаем, что такой взгляд на судьбу является наиболее правильным и для современного человека, потому что осознание причастности и нужности блокирует человеческие страхи, избавиться от которых полностью еще никому не удавалось.

Если человек перестает бояться неизвестности, он начинает полноценно существовать, то есть жить. Поэтому древние греки любили выпавшую им долю, какая бы она не была.

Но возможность познания своей судьбы не могла оставить в покое умы древних греков. Отсюда возникают всевозможные способы познания.

В рамках развития европейской философской традиции диалектика необходимого и случайного получила свое всестороннее развитие и дала нам целый спектр концепций и подходов к решению этой проблемы. Они варьируются от установки на истолкование ре-

альности и место человека в ней, исходя из принципов фатализма с разной степенью жесткости в оценке такового, либо, напротив, спонтанность и абсурдность бытия подчеркивают спонтанность человека в нем [3].

Эти подходы в традиции Нового и Новейшего времени нашли свое наиболее полное воплощение в рамках европейского рационализма и иррационализма.

Литература

1. *Горан В. П.* Древнегреческая мифологема судьбы. — Новосибирск, 1990. — С. 300.

2. *Родзинский Д. Л.* Идея рока в античной культуре / Д. Л. Родзинский // *Философия и культура*. — 2009. — № 12. — С. 51–56.

3. *Гомер.* Илиада; Одиссея / Гомер // Кун Н. А. Что рассказывали древние греки о своих богах и героях / Н. А. Кун. — М. : АЛЬФА-КНИГА, 2012. — С. 1304.

КОНЦЕПЦИЯ СОВЕРШЕННОГО ЧЕЛОВЕКА В РАБОТЕ БЕРДЯЕВА «О НАЗНАЧЕНИИ ЧЕЛОВЕКА»

В. В. Алешина, студентка 3 курса

Научный руководитель — С. М. Жданов

Прежде чем приступить к конкретному анализу работы Бердяева «О назначении человека», следует указать на основные идеи, затронутые в данном тексте. В своей работе Бердяев говорит о том, что совершенного человека не существует. Совершенным может быть только Бог, причем он является эталоном совершенства для человека. Весь трагизм заключается в том, что человек не может достичь божественного совершенства, но способен к нему приблизиться.

Совершенство расценивается человеком как высшее благо и является для него основной целью в его жизни. Существует несколько путей его достижения. Бердяев очень высоко ценит духовную свободу, поэтому он призывает к духовному освобождению в мышлении, которое может осуществляться как в государстве, так и в семье и быте.

Таким образом, перед нами появляется императив этического характера. «Нужно стремиться к реальному духовному единству, к духовному братству. Только дух способен создавать духовную жизнь, без духа душа распадается на элементы мыслей, ощущений, волений, эмоций и пр.» [1].

Немалую роль в жизни человека играют религиозные ценности, которые направлены на спасение души. Такие ценности не следует выделять в особую область, ведь они ведут человека к достижению совершенства. Они должны распространяться на все сферы жизнедеятельности человека, выступая в качестве основы жизни.

Бердяев рассматривает утопию совершенного социального строя в качестве средства достижения совершенства.

«Если люди будут стремиться к совершенному строю ради осуществления нравственной жизни, то это может привести к лишению всякого смысла нравственной жизни человека. В утопиях совершенного социального строя нравственный опыт человека и его свободные нравственные усилия оказываются ненужными и невозможными» [1].

Оценив всю полноту данной утопии, Бердяев приходит к выводу, что совершенный социальный строй обесценивает нравственную жизнь человека, которая направлена на стремление к совершенству.

Для того, чтобы проверить истинность умозаключений Бердяева, можно сделать допущение, что существует такой социальный строй, который является совершенным. Логично, что люди, живущие при таком социальном строе, тоже будут совершенными и обязательно свободными (т. к. Бердяев очень высоко ценит свободу). Здесь можно столкнуться с парадоксом зла, о котором говорит в своей работе Бердяев: «Это есть в новой форме поставленный все тот же парадокс зла. Должно быть возможно зло, чтобы было возможно добро. Таков мир посюстороннего добра и зла, т. е. мир, возникший после грехопадения. Парадокс зла есть парадокс свободы. И тут опять обнаруживается трагизм нравственной жизни» [1]. Вся проблема в том, что свобода предполагает сопротивление, борьбу, иначе она теряет свое первоначальное предназначение и смысл. Вся идеальная теория совершенного социального строя выдает существенное противоречие: с чем нужно бороться ради необходимой человеку свободы, если зла не существует? И на какое совершенство может претендовать человек в совершенном социальном строе: общее или индивидуальное?

В совершенном социальном строе у людей стирается индивидуальность, и они могут чувствовать себя духовно закрепощенными. Этого нельзя допустить. Следовательно, человек должен бороться с совершенным социальным строем. Чтобы не потерять свою индивидуальность, он должен бороться с строем, который его породил. Но что же это такое — совершенный социальный строй? Совершенный социальный строй — это строй, в котором недопустимы и невозможны никакие безнравственные акты, принуждение, насилие и зло. Если задуматься, то такой социальный строй либо еще не сформировался, либо он является утопичным. Следовательно, на данный момент человек может приблизиться к совершенству лишь на индивидуальном пути развития. До этого логического умозаключения было непонятно, что появилось раньше: совершенный человек, который создал совершенный социальный строй, или социальный строй, который породил совершенного человека. Встав на рельсы индивидуального развития, мы видим, что нравственная деятельность, которая исходит от совершенного человека, может породить социальный строй, более того, человек ответственен за этот строй. Со временем, когда совершенный социальный строй полностью оформится, он сможет порождать новых совершенных людей, тем самым как бы работая на совершенного человека. Но, как уже было сказано ранее, Бердяев отбрасывает идею о совершенном социальном строе: «...трагизм и мучительность человеческой жизни происходят не от социальных причин и социальными причинами не могут быть преодолены» [1].

Бердяев считает, что вся жизнь человека связана с глубоким трагизмом. Этот трагизм обусловлен не существованием в мире зла, а выбором. Причем, этот выбор не между добром и злом, т. к. такой выбор слишком прост, мы всегда выбираем добро. Окружающий мир настолько жесток, что вынуждает человека жертвовать одной ценностью ради другой, например близкими людьми для отечества или для борьбы за правду, деятельностью патриотической или социальной для творчества научного, художественного и наоборот.

«Человек то совершает жертву своим призванием в познании или искусстве во имя ценностей религиозных, во имя аскетического подвига и достижения большого личного совершенства, то жертвует своим личным совершенством во имя творчества поэта или философа» [1]. Возможно, под данным выбором Бердяев подразумевает стремление философа познать мир, что стереотипно осуждается ре-

лигией, но лишь религия может приблизить человека к Богу, а следовательно, и к Его совершенству. Философу приходится жертвовать своей тягой к знанию ради совершенства.

Человек жертвует одной ценностью во имя другой ценности. Но это не обязательно для другого человека, который может поступить наоборот и пожертвовать другой ценностью. В этом случае один человек не имеет преимуществ перед другим.

Любой избранный путь к совершенству ни в коем случае не должен привести человека к фанатизму. Бердяев очень негативно настроен по отношению к фанатикам, он считает их неспособными совершать нравственные оценки. Здесь необходимо подчеркнуть парадоксальность позиции Бердяева: он говорит, что у фанатиков нет свободы совести, хотя они чаще всего выступают в качестве чистых, бескорыстных людей. Все дело в том, что для фанатика самое главное — это идея. Идея выше всего, даже выше человека и других живых существ. Отсюда следует, что фанатики готовы бесстрастно убивать, насиловать и истязать ради своей идеи, причем сами они не будут считать свои действия аморальными, ведь они совершены ради идеи. Бердяев считает, что фанатизм — это умопомешательство и вполне справедливо, ведь у фанатика замутнен разум, будучи полностью поглощен идеей, он теряет способность адекватно воспринимать реальность.

Несмотря на то, что фанатик в некотором плане аскетичен, он на самом деле не имеет понятия, что такое свобода. Ему кажется, что он больше всех приблизился к Богу, но в этом-то и есть его заблуждение. Бог настолько отдален от фанатика, насколько последний считает, что приблизился к совершенству Отца Небесного. Фанатик слишком горд своими достижениями, чтобы заметить, что Бог в основу всего положил свободу и без свободы Ему неинтересно никакое добро, благодетель, праведные деяния. Несвобода фанатика заключается в том, что он слишком заиклен на своей идее и не замечает того разнообразия, которое создал Бог. За идеей он не видит человека, именно поэтому он способен убивать. Человек ничто по сравнению с идеей. Фанатик сам себя загоняет в рамки, дальше которых ничего не видит.

Возникает вопрос: как относиться к фанатикам, у которых в качестве идеи выступает свобода? На самом деле это иллюзия. Подчеркивая вешееуказанную способность фанатиков бесстрастно убивать, можно сделать вывод, что понятие свободы у них очень искажено. Как

человек может бороться за свободу, при этом лишая свободы окружающих? Для фанатиков свобода — это только идея, для них не существует свободы как таковой. Мало того, фанатик отбрасывает все остальные идеи и старательно не замечает их. Бердяев говорит, что фанатики становятся на ложный путь, т. к. они не осознают полноты жизни.

Еще одно этическое требование, указанное в работе Бердяева — это стремление к полноте жизни. Как раз это требование так старательно обходит стороной фанатик, который за своей идеей не видит жизни, искажает ее предназначение и уродует ее. Также фанатики потеряли свою способность созерцать Бога. «И вот в этом случае живой Бог, живое совершенство, живая справедливость, любовь, свобода, наука исчезают, ибо все живое существует лишь в полноте, в гармоническом соотношении частей в целом» [1]. Отсюда следует, что фанатизм или фанатичный аскетизм — это не средство достижения совершенства, это, скорее, шаг назад на пути к совершенству.

Фанатизм ни в коем случае не должен овладевать человеческой жизнью. Кроме того, как было указано ранее, свобода не должна становиться фанатической идеей, т. к. таким образом она может привести к насилию, а совершенство не терпит насилия.

Когда человеком овладевает страх, теряется его способность адекватно оценивать ситуацию. Все его действия не имеют добровольного характера, они выполняются лишь из страха перед насилием. Из-за насилия исчезает истинно-нравственный смысл поведения человека. Действует не человек, а аффект. Все деяния человека под силой страха не могут выразить всю духовную сущность человека и не имеют нравственного значения, ведь нравственность — это чувство, которое обязательно должно исходить изнутри. Ради чистоты оценок и актов необходимо освободиться от аффекта страха и от порождающего его насилия. Это сложно, т. к. социальная обыденность, овладение и религиозной частью человеческой жизни, пытается властвовать над народом с помощью аффекта страха, но делает она это в умеренной форме, чтобы прикрыть свою истинную цель.

Совершенство подразумевает под собой саморазвитие или самосовершенствование. Человек не стоит на месте и старается стать лучше. Он преодолевает препятствия либо заставляет себя что-то делать, стремясь к совершенству совершенству. Возникает противоречие. Совершенство не терпит насилия, но, саморазвиваясь, человек

достигает его через насилие над собой. Возникает вопрос, нужно ли вообще развиваться, если саморазвитие подразумевает насилие или есть какой-то другой путь самосовершенствования без применения насилия по отношению к себе. Все встает на свои места, когда мы обращаемся к самому началу данной статьи, в частности, к мысли, что совершенство для человека всегда является целью. Ставя перед собой цель, человек дает себе отчет в том, что ему придется трудиться и преодолевать препятствия. Это уже не насилие, а труд, который предполагает усилия. Усилие и насилие — это разные понятия. Насилие всегда совершается против воли человека, а усилие происходит по воле человека. Необходимо смотреть на самосовершенствование как на труд над собой, и, в первую очередь, это интеллектуальный труд. Человек ставит перед собой цель — приблизиться к совершенству. Если уж человек поставил для себя такую цель, то это значит, что он нуждается в ней, и, достигнув ее, он получит удовлетворение. На пути к этой цели человек проходит ряд препятствий, делает усилия. Но прохождение каждого препятствия приносит человеку удовлетворение, конечно не такое сильное, как удовлетворение после достижения самой цели, а скорее удовлетворение от того, что человек хоть на чуть-чуть приблизился к ней. Разве можно такой труд над собой назвать насилием?

Подводя итог, хотелось бы еще раз повторить основные мысли Бердяева о природе совершенного человека. Совершенного человека не существует, т. к. совершенство присуще только Богу. Всю свою жизнь человек должен стремиться к совершенству Бога, но, к сожалению, он его не может достичь, а способен только приблизиться к нему. Путь приближения человека к совершенству Отца Небесного лежит через нравственные деяния и жертву одной ценностью ради другой. Избранный человеком путь к совершенству ни в коем случае не должен привести к насилию или фанатизму, т. к. человек должен стремиться к полноте жизни.

Литература

1. Бердяев Н. А. О назначении человека : Опыт парадоксальной этики / Н. А. Бердяев // О назначении человека. — М. : Республика, 1993. — 297 с.

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИЙ «СВЕРХЧЕЛОВЕКА» И «БОГОЧЕЛОВЕЧЕСТВА» В РАБОТАХ Ф. НИЦШЕ И В. С. СОЛОВЬЕВА

Г. И. Мальцева, студентка 3 курса

Научный руководитель – д-р филос. наук, проф. Ю. А. Бубнов

В XIX веке на Западе и в России появляются два оригинальных мыслителя с концептуально противоположными взглядами на человека, его сущность и конечную цель. Это Фридрих Ницше с идеей сверхчеловека и Владимир Соловьев с идеей богочеловечества.

Концепция сверхчеловека возникла на волне волюнтаризма утвержденного Артуром Шопенгауэром. Воля в качестве основной движущей силы способна влиять на мир и изменять его. Посредством воли, решаясь на то или иное действие, поступок, человек вообще обнаруживает себя как свободное существо, отличное от царящей во внешнем мире необходимости.

Такая идея близка и Владимиру Соловьеву, утверждавшему свободу человеческой воли, согласованную с христианством.

Проблема концептуального различия во взглядах Ницше и Соловьева обнаруживает себя в следующем. Развитие человеческой воли рано или поздно подводит к тому этапу, когда обнаруживается, что идеальное, духовное, бесконечное, иными словами, божественное начало десакрализируется, делается конечным, опускается в мир. И тут необходим выбор: пойти по пути безграничного самоутверждения, не считаясь с неуклонным вытеснением идеального, божественного элемента из своего существования (к такому итогу, рано или поздно, приводит убеждение, что человеческая природа и божественная бесконечно противоположны, нигде не могут сомкнуться друг с другом), или сознательно ограничить свою свободу действий сообразно той степени познания божественной истины, которая достигается человеком в каждый настоящий момент. Первый путь сверхчеловеческий, второй – богочеловеческий [1].

Создание сверхчеловека – это возвышение человеком себя самого как существа исключительно посюстороннего, конечного. Отсутствие трансцендентного измерения, которое выражается в удалении божественной составляющей как от человека, так и от мира, ведет к

отказу от устремленности за свои пределы, к высшему смыслу, абсолютной истине и абсолютному бытию. Сверхчеловек характеризуется безграничным энтузиазмом и даже неистовством.

Богочеловечество, напротив, отличает внешнее спокойствие, миролюбие и какая-то идущая изнутри светозарность, имеющая своим источником неколебимую уверенность в том, что абсолютное, божественное бытие образует центр существования человеческого. Богочеловеческое знание — это осознание факта, что есть единая реальность, которая имеет как божественное, так и человеческое измерение, которые столь различны, сколь и тождественны, и, стало быть, человек по понятию своему есть мера, граница, середина между условным и безусловным аспектами единой реальности.

Метафизическое противостояние концепций богочеловечества и сверхчеловека зиждется на различии интерпретации принципа: «Бог есть все, но все не есть Бог». Трудность логического обоснования возможности наличия одновременно и тождества и различия может привести к различным идеям, таким как пантеизм (утверждение тождества мира и Бога, Бога и человека), неоплатонизм или гностицизм (утверждение о чуждости Бога миру). Причем, на мой взгляд, традиция неоплатонизма и гностицизма в отношении к божественному, сохраненная на протяжении всей истории западнохристианской схоластической философии, закрепляет тотальное отличие божественного от человеческого. Таким образом, в принципе «Бог есть все, но все не есть Бог», постоянно происходит утверждение либо первой части — «Бог есть все», либо второй «Все не есть Бог».

В учении Ницше выражается как раз вторая часть данного принципа. Стоит заметить, что идеи Ницше возникли не просто так, это был определенный результат сложившихся устоев в западном христианстве. Утверждение человеческого как лишь только греховного, чья свобода всегда становится порождением греха, провоцирует разрыв и выхолащивание всего божественного, что есть в человеке. Философия Ницше — философия человека, восставшего против Бога как против тирана, не желавшего ничего знать о человеческой свободе. В сущности, это бунт свободы, сознания, воли.

Учение Соловьева о богочеловечестве являет собой альтернативу идее сверхчеловека. Соловьев не отвергал существования исторической тенденции разрывания божественного и человеческого. Но констатируя данный феномен он не проклинает сложившуюся ситуацию, а делает попытку ее преобразования. Отсюда определилась цель,

которую Соловьев сделал важнейшим делом своей жизни: приблизить божественное к человеческому и только таким образом вновь соединить человека и Творца. На деле это означало не что иное, как нахождение тождества, субстанциального единства абсолютного и условного начал, подлинное их примирение через установление их истинного соотношения. У Соловьева о гармонизации богочеловеческого отношения говорится следующее: «Религия есть воссоединение человека и мира с безусловным и всецелым началом. Это начало, как всецелое или всеобъемлющее, ничего не исключает, а потому истинное воссоединение с ним, истинная религия не может исключать, или подавлять, или насильственно подчинять себе какой бы то ни было элемент, какую бы то ни было живую силу в человеке и его мире» [2, с. 240]. При этом Соловьев говорит о божестве, что оно «ничего не исключает». Как раз потому, что божество все в себя включает, оно исключает себя из своего содержимого, не сводится ко «всему», представляет собой абсолютную исключительность. При этом Соловьев четко придерживается персоналистического взгляда на природу абсолютного. Абсолют, именуемый понятием сущее, считает Соловьев, есть всеединство, цельность мирового бытия, так сказать, принципиальная качественность, нерасчленимость последнего. Это сущее по сути превосходит какие-либо конечные характеристики, и о нем можно сказать, что оно есть ничто и все — ничто, поскольку оно не есть что-нибудь, и все, поскольку оно не может быть лишено чего-нибудь. Соловьев эту различенность, удерживаемую в лоне единства, называл идеальным, вечным, божественным миром, в отличие от которого видимая действительность знаменует собой обратное отношение — господство различий над цельностью. Божественный универсум неизмеримо богаче природного мира, и последний является лишь конечным образом бесконечности идеального космоса. Тем не менее, «наш природный мир находится необходимо в тесной связи с этим божественным миром», причем связующим звеном божественного и мирского является человек. Человек стоит на границе противоположных миров и соединяет их в своей душе.

При этом человек должен стремиться обнаружить и познать свою божественную составляющую и идти по пути богочеловечества, которое является высшей целью. Человеческая воля существует как особенная лишь тогда, когда божественный замысел еще не постигнут и, стало быть, необходимо его раскрыть. Углубление познания ведет к ослаблению давления воли, к отказу от ложных, суетных целей,

направленных на экспансию сознания вовне себя. Результатом этого процесса является отказ человека от власти, хотя его, свободного в духе своем, никакая внешняя воля не в силах себе подчинить.

Литература

1. *Ницше Ф.* Так говорил Заратустра. Книга для всех и ни для кого / Ф. Ницше ; пер. с нем. Ю. М. Антоновского. — СПб. : Лениздат, 2012. — 352 с.
2. *Соловьев В. С.* Чтения о богочеловечестве / В. С. Соловьев. — СПб. : Азбука, 2000. — 381 с.

**ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И ОСОБЕННОСТИ
ОРГАНИЗАЦИИ МУЗЕЙНОГО ДЕЛА В РОССИИ НА
СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

Л. Н. Баранова, студентка 3 курса

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. Е. И. Якушкина

Начало нового тысячелетия ознаменовалось рядом перемен, вызванных взрывом информационной революции и бурным процессом глобализации. При этом они сопровождались переходом от плановой экономики к рыночной, от жестко контролируемой политической системы — к менее предсказуемым демократическим процессам. В периоды стремительных трансформаций возрастает тяга к стабильности и своим корням. В. Ю. Дукельский писал: «В погоне за переменами мы находим утешение и вдохновение в архитектуре, артефактах, умениях, ценностях и социальных ритуалов прошлого» [1, с. 86]. И там, где при грамотном руководстве и использовании своего потенциала музеям удастся сохранять актуальность для современности, они становятся источником развития и творческого подхода к будущему.

Музеи отражают прошлое как совокупное творчество народа, которое не только сводится только к постоянному изобретению нового, но и заключается в поиске правильного общения со старым. «Роль музеев состоит не только в том, чтобы прославлять прошлое, но и в том, чтобы помогать видеть будущее» [1, с. 89]. Сегодня музей в полной мере ощущает необходимость конкурентной борьбы за место не только в системе культуры, образования и науки, но и в системе досуга, связанной с организацией свободного времени его посетителей. «Современное общество ориентировано на “потребителя”» [4, с. 91]. И для того чтобы в огромном пространстве рынка свободного времени, которое предоставляется потребителям учреждениями социально-культурной сферы и средствами массовой информации, музей нашел свое место и своего посетителя, ему приходится быть мобильным и гибким, вбирая в себя новые достижения научно-технического прогресса. Происходят поиски новых средств выразительности с использованием в архитектурно-художественных решениях, приемов

дизайна, аудиовизуальных средств, языка сценографии и т. д.; а также расширение форм научно-просветительской деятельности, к которым относятся университеты культуры, клубы по интересам, музейные праздники, театрализованные представления и так далее.

Отсюда следует, что «современная коммуникационная модель музея позволяет его культурному пространству служить “ареной” для разнообразных форм общения с аудиторией» [2, с. 476]. Все они могут быть объединены названием — клубные формы музейной работы. К ним относятся лектории, факультативы, литературные гостиные, разнообразные кружки, музейные праздники, вечера и музейные клубы, которые «объединяют конкретные группы аудитории на основе общего интереса к памятникам истории, культуры, природы, хранимым музеям» [2, с. 477].

Таким образом, изучение культурно-образовательной деятельности современных музеев показывает, что они становятся не только образовательными, культурными центрами, но и центрами общения. И именно клубные формы способствуют объединению людей по социальным, профессиональным, духовным и многим другим интересам. Отсюда следует, что будущее музея — не только в руках музейных работников, оно в живых поведенческих реакциях, разнородном отношении к нему посетителей, которые в равной степени заинтересованы в совершенствовании этих учреждений культуры.

Возрастает и использование в музейной деятельности передовых технологий, в частности, Интернета. Практически все музеи нашей страны имеют свои сайты, что открыло дополнительные возможности доступа к собраниям. Разумеется, «никакое “виртуальное посещение” музейной экспозиции не может заменить богатство реального контакта посетителя с музейным подлинником» [3, с. 24]. Однако такое посещение преследует цель дать посетителям первоначальное представление о конкретном типе культурного наследия путем использования удобной навигации. Также на сайтах можно получить всю необходимую информацию об истории того или иного музея, интерактивных схемах музейных зданий, видах экспозиционных залов, образовательных программ (они как правило редко или недостаточно хорошо представлены), а также расписание работы.

Еще одним помощником музея, помимо Интернета, выступают средства массовой информации. По справедливому замечанию Е. С. Пономаревой, «чем чаще музей обращается в СМИ, тем быстрее появляется у СМИ потребность получения информации из

такого достоверного источника» [6, с. 12]. При обращении музея к СМИ быстро устанавливается обратная связь в обмене информацией: СМИ освещают деятельность музея, а у музея появляется возможность получения быстрого отклика потребителей на предлагаемые музеем услуги.

Не менее важную роль в музейной работе сегодняшнего дня играет реклама. Причем она представляет собой не только выносимые щиты с информацией о его работе. Это и каталог, и сувенир, и видеофильм, купленный в музейной лавке, и даже пластиковый пакет-сумка с фирменным знаком музея, и еще многое другое. Реклама срабатывает не только в качестве стимула посещения данного культурного учреждения, но и на этапе последействия — как средство суммирования и оформления впечатлений.

Благоприятное представление о музее, его преимуществах, целенаправленно формируемое через СМИ, включая рекламу, создает имидж музея. Это понятие подразумевает индивидуальную характеристику, особые достоинства, которые выявляют отличия данного музея от других. Разработка имиджа каждого конкретного музея должна осуществляться на самом высоком уровне. И здесь музеи сталкиваются с еще одной актуальной проблемой в их деятельности — проблемой денежных средств.

Выживание данного культурного учреждения в современных условиях во многом обуславливается его способностью к самофинансированию. «Музей может зарабатывать деньги, не только создавая временные выставки в своих стенах, но и вывозя свои выставки за границу, или же участвуя в совместных проектах» [5, с. 132]. Поэтому, современный руководитель музея должен обладать способностью оценивать сложившуюся ситуацию и побуждать других к действию при помощи тесных межличностных контактов, кроме того, должен быть мобильным, уметь рисковать и принимать жесткие своевременные решения.

Итак, успех современного музея складывается из множества факторов, главными из которых являются: его доходность, поток посетителей, а также высокий имидж. Практика культурного строительства уже сегодня предлагает новые схемы жизнедеятельности музеев (компьютеризация, информатизация и т. д.), обусловленных стремлением всесторонне удовлетворить духовные потребности человека и приобщить его к тем ценностям, которые аккумулированы в этих учреждениях культуры.

Литература

1. *Дукельский В. Ю.* Музеи. Маркетинг. Менеджмент / В. Ю. Дукельский. — М. : Прогресс Традиция, 2001. — 220 с.
2. *Каулен М. Е.* Музейное дело России / М. Е. Каулен, И. М. Коссова, А. А. Сундиева. — М. : ВК, 2005. — 610 с.
3. *Кондратова Н. А.* Музеи в эпоху перемен / Н. А. Кондратова. — М. : Минниатюра, 2001. — 95 с.
4. *Лебедев А. В.* Музеи будущего : информационный менеджмент / А. В. Лебедев. — М. : Алгоритм, 2001. — 312 с.
5. *Пономарев Б. Б.* Несовершенный музей в несовершенном мире / Б. Б. Пономарев. — М. : Русское слово, 2002. — 376 с.
6. Сохранение отечественного культурного наследия : использование информационных технологий в библиотеках, музеях, СМИ : материалы научно-практич. конференции / сост. Е. С. Пономарева. — Воронеж : ВГУИТ, 2012. — Вып. 3. — 99 с.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ПЛАТОНОВСКИЙ ФЕСТИВАЛЬ ИСКУССТВ КАК ИСТОЧНИК РАЗВИТИЯ СОБЫТИЙНОГО ТУРИЗМА

Е. С. Котельникова, студентка 4 курса

Научный руководитель — д-р культурологии, проф. Т. А. Дьякова

Сегодня развитие туризма является приоритетным направлением как политики субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, так и государства в целом. Туристский потенциал России многообразен, мы обладаем уникальными ресурсами, способствующими развитию самых разнообразных видов как въездного, так и внутреннего туризма. В качестве одного из таких видов следует назвать событийный туризм, сравнительно новое, но уже набирающее обороты направление.

Событийный, или в некоторых источниках театрализованный туризм [3, с. 243], это вид туризма, основная цель которого состоит в посещении какого-либо события [1, с. 121]. Отличительными чер-

тами этого вида являются ориентированность на какой-либо крупный праздник, фестиваль или массовое шоу; заключение туроператорами договоров с клубами и другими организациями, занимающимися разработкой этого направления в массовых шоу; чаще всего подобные экскурсии являются составной частью комплексных туристских программ [3, с. 243].

Выделение по тематическим видам в сфере событийного туризма происходит на основании самих мероприятий. Это национальные праздники и фестивали; театрализованные шоу; фестивали кино и театра и т. д. [1, с. 121]. Российские туроператоры сейчас активно занимаются разработкой наших туристских программ, основанных на крупнейших событиях в стране. По словам Н. Новичкова, советника министра культуры Российской Федерации по развитию туризма, лучшим инструментом продвижения являются именно события, которые привлекают внимание потенциальных туристов не только к программе мероприятия и его хедлайнерам, но и к той дестинации, к которой данное событие привязано [4]. Одним из ярких примеров является военно-исторический фестиваль «Поле Куликово», на который ежегодно съезжаются как любители военно-исторической реконструкции, так и простые туристы, жаждущие увидеть красочное шоу и окунуться в атмосферу Руси XIII—XIV вв. Также пользуются популярностью кинофестиваль «Кинотавр» и театральный фестиваль «Золотая маска».

В 2011 г. был создан Международный Платоновский фестиваль искусств под патронатом губернатора Воронежской области А. Гордеева. [4]. За три года значительно увеличилось количество участников и зрителей фестиваля. На мой взгляд, именно этот мегапроект может претендовать в перспективе на роль источника развития событийного туризма в Воронеже. Он уже завоевал свою аудиторию (более 40 000 человек) [2, с. 425] и постепенно становится брендом Воронежа.

Данный фестиваль выгодно отличается богатой и интересной программой для различной целевой аудитории. На официальном сайте размещена информация о направлениях фестиваля — это «Театр», «Музыка», «Изобразительное искусство» и «Литература». Все события фестиваля делятся на три больших блока: «Основная программа», «Платоновская программа» и «Программа актуального искусства» [4].

Согласно докладу «Воронежский пульс», Международный Платоновский фестиваль искусств существенно отличается от других

фестивалей в Воронеже не только по программе, количеству приглашенных «звезд», но и по бюджету, пристальному вниманию первых лиц, масштабу рекламной компании и охвату аудитории. Учредителями фестиваля являются правительство Воронежской области, администрация города Воронежа, фонд Михаила Прохорова и дирекция международного Платоновского фестиваля. Партнерами являются компания Ангстрем, Московский индустриальный банк, группа компаний Хамина, центр галереи Чижова, компания Siemens и другие. Подобная поддержка такого количества организаций позволяет говорить о возможности формирования привлекательности инвестирования в культурные мероприятия подобного масштаба. Кроме того, возможно привлечение внимания к развитию городской инфраструктуры, связанной с событийным туризмом.

Ценовая политика фестиваля ориентируется на широкую целевую аудиторию. Стоимость билетов варьируется от 400 рублей до 3 000 рублей. Таким образом, посетить фестиваль предоставляется возможным различным слоям населения. К другим моментам, выгодно отличающим Международный Платоновский фестиваль искусств, относится удачно выбранное время проведения фестиваля — в начале июня.

Но наряду с сильными следует выделить слабые стороны в организации фестиваля, препятствующие его развитию в качестве основополагающего источника событийного туризма. В первую очередь, это слабая ориентация на соседние регионы как на целевую аудиторию. Был проведен опрос жителей Липецкой, Курской, Белгородской областей с целью выявить информированность о Международном Платоновском фестивале искусств. Всего было опрошено 53 человека в возрасте от 20 лет до 61 года. Из числа опрошенных знают о фестивале лишь 14 человек, не знали — 39 человек. Лишь трое были на фестивале. Тем не менее, можно говорить о сформировавшихся культурных потребностях: 43 человека из 50, не бывавших на Платоновском фестивале ни разу, хотели бы посетить его.

Кроме того, был проведен анализ источников информированности. Из 14 человек, которым было известно о Международном Платоновском фестивале, 35,7 % узнали о нем впервые от коллег, родственников и друзей, из СМИ и сети Интернет — 28,6 %, знают о фестивале, так как работают в сфере культуры, — 21,4 % и из наружной и иной рекламы лишь 14,3 % опрошенных. Результаты исследования позволяют говорить о недостатке рекламных средств на

территории других регионов и в стране в целом, а также о малой эффективности рекламы в СМИ и интернет-ресурсах.

Таким образом, в свете развития туризма как на региональном, так и на федеральном уровнях представляется возможным в качестве нового и быстроразвивающегося направления выделить именно событийный туризм по нескольким причинам. В России сейчас проводится огромное количество мероприятий, праздников и фестивалей, которые носят как развлекательный, так и познавательный характер. В условиях современного темпа жизни, пресыщения другими видами туризма именно событийный туризм может занять ведущие позиции в туристской индустрии, выгодно отличающийся постоянной атмосферой праздника, богатой программой развлечений. В нашем регионе в 2011 г. был создан Международный платоновский фестиваль искусств. Данный проект, являющийся крупнейшим в регионе по масштабам проведения, охвату аудитории и другим признакам, может стать источником событийного туризма в Воронежской области. Это связано с рядом причин, среди которых можно назвать: богатая и интересная программа для различной целевой аудитории; огромное количество приглашенных «звезд» — участников фестиваля мирового масштаба; оказание серьезной поддержки как учредителями, так и большим количеством серьезных партнеров фестиваля; удачное время проведения и ценовая политика, позволяющая посетить фестиваль широким слоям населения.

Но вместе с тем можно выделить слабые стороны данного фестиваля. В их числе следует назвать неразвитую инфраструктуру города, трудности с размещением, передвижением туристов и оказанием услуг гидов и переводчиков; слабая ориентация на жителей соседних регионов как на потенциальную целевую аудиторию, в связи с этим низкая информированность о Международном Платоновском фестивале искусств.

Только при устранении недостатков, популяризации данного события по всей стране и на мировом уровне можно в перспективе говорить о Международном Платоновском фестивале искусств как об источнике развития событийного туризма в Воронежской области, который внесет существенный вклад в экономику региона, увеличит инвестиционную привлекательность региона, будет способствовать повышению культуры населения и сформирует имидж и бренд региона.

Литература

1. *Бабкин А. В.* Специальные виды туризма / А. В. Бабкин. — Ростов-на-Дону : Феникс, 2008. — 229 с.
2. Воронежский пульс. Культурная среда и культурная политика / Рук. проекта Э. В. Бояков. — Воронеж, 2013. — 470 с.
3. *Матюхина Ю. А.* Организация туристической индустрии / Ю. А. Матюхина. — М. : Альфа-М, 2011. — 304 с.
4. Официальная страница Международного Платоновского фестиваля : [сайт]. — URL: <http://www.platonovfest.com/festival> (дата обращения: 25.11.14).

ФОРМИРОВАНИЕ МУЗЫКАЛЬНЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

С. В. Кузавова, студентка 4 курса

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. Т. Н. Волобуева

В периоды резких общественных перемен постоянно возникает вопрос о месте искусства в общественной жизни, о его роли в формировании определенной социокультурной атмосферы. Российское общество на современном этапе своего развития особо нуждается в активных творческих личностях, в людях высокого интеллекта и духовной культуры. Воспитание развивающейся личности невозможно без приобщения к общечеловеческим культурным ценностям, без глубокого овладения всем опытом мирового культурного наследия прошлого. И в этом процессе немалую роль играет музыка. Специфика воспитания заключается не только в развитии эстетических и нравственных потребностей личности, но и в подъеме духовной культуры, что под силу музыке именно с высоким нравственным содержанием.

Сегодня в России музыка заняла лидирующее положение в сфере досуга и эстетических предпочтений современной молодежи. Являясь неотъемлемой частью молодежной субкультуры и выполняя сразу несколько функций (эмоциональную, компенсаторную, функцию межличностного общения, самоутверждения, самоопределения личности), она оказывает значительное влияние на формирование

личностных качеств молодежи, ее эстетических и ценностных ориентаций. Как отмечают исследователи, тревожным остается тот факт, что для большинства подростков и молодежи наибольшей притягательностью обладает музыка упрощенная, малохудожественная, иногда и откровенно низкопробная, а развитие их слушательской культуры идет по наиболее доступному пути, не обогащенному подлинными шедеврами музыкального искусства [1, с. 36].

С распространением средств массовой коммуникации, тиражированием художественного творчества (грамзаписи, магнитофонные и видеозаписи) появились совершенно новые условия для распространения музыкального искусства в обществе. Поп- и рок-культура заняли главенствующие позиции в системе ценностей нового поколения, став одной из наиболее распространенных форм досуга молодежи.

Молодые люди уделяют музыке куда больше внимания, времени и средств, чем старшее поколение. Разнообразные виды популярной музыки, художественные фильмы, мода, танцы в век технической воспроизводимости искусств становятся культурными спутниками молодого поколения уже в раннем детстве. Высокая степень оснащенности аппаратурой, а также книги и картины уже в раннем возрасте благоприятствуют развитию духовных потребностей. Молодые люди являются главными посетителями эстрадных концертов, дискотек, основными потребителями аудиотехники и музыкальной продукции. К молодежи обращаются эстрадные звезды и популярные группы, ей хотят понравиться популярные композиторы и авторы текстов.

Подробнее проанализировать формирование музыкальных предпочтений современной российской молодежи помогут работы исследователей Л. О. Горюновой, Ю. У. Фохт-Бабушкина, Н. С. Ломакиной, И. Н. Милорадовой, а также социологов Н. Р. Исаковой и Р. Р. Болтачева. Именно благодаря их исследованиям, мы можем глубже понять, что влияет на развитие тех или иных музыкальных предпочтений молодежи, и какую роль занимает музыка в ее жизни.

Полученные Н. Р. Исаковой и Р. Р. Болтачевым результаты говорят о том, что музыка сегодня обгоняет другие виды искусства по плотности функционирования, а, следовательно, и по «объему» потребления. Доступность, широкое распространение музыки с помощью современных технических средств массовой коммуникации, эмоциональная выразительность музыкального языка создают благоприятные условия для освоения личностью музыкальных ценностей [2, с. 104].

Анализ проведенных этими авторами исследований, позволяет сделать вывод, что музыкальный вкус окончательно формируется к 25–27 годам. Наиболее радикальные перемены в музыкальных предпочтениях респондентов отмечаются в возрасте от 15 до 24 лет, в то время как у более старших опрошенных перемены во вкусах обычно происходят в русле уже избранного ими музыкального стиля. С возрастом музыкальные вкусы смягчаются. Это связано со сменой стиля жизни респондентов: подростки обычно предпочитают более активные формы досуга, взрослые проводят свое свободное время в более спокойной обстановке, которая требует столь же спокойной музыки [1, с. 49; 2, с. 105].

Исследования, проведенные отечественными авторами Г. Турк, Ю. У. Фохт-Бабушкиным доказывают, что женщины интересуются музыкой намного активнее мужчин. Более того, исследователь Л. О. Горюнова выделила другие особенности гендерных различий в восприятии музыки. Во-первых, исследование показало, что мужчины более «стабильны» в своем интересе к искусству, в отличие от женщин, интерес которых резко снижается с возрастом. Во-вторых, автор считает правомерным говорить о таких явлениях, как «мужская» и «женская» музыка, поскольку были выявлены значительные различия в музыкальных вкусах представителей разного пола. Так, к примеру, выяснилось, что среди женщин более популярны поп-музыка и классика. Мужчины же более склонны увлекаться рок-музыкой и «русским шансоном», а также «альтернативной» и «тяжелой» музыкой [1, с. 68–69]. Анализ интервью, проведенного Л. О. Горюновой, подтверждает, что женщины предпочитают более мягкую, мелодичную музыку. При этом слова песен для них имеют второстепенное значение. Для мужчин же наиболее значительной является смысловая нагрузка произведения. Кроме того, многие участвующие в интервью представители мужского пола отмечали, что им важно наличие в той музыке, которую они слушают, энергии, ритма и напористости, а иногда даже грубости. Это обусловлено необходимостью выплеска агрессивной «мужской энергии», являющейся антиподом женской сентиментальности.

Для определения потребностей молодежи в музыке социологами был задан вопрос: «Какое место занимает музыка в Вашей жизни?». Подавляющее большинство (90 %) респондентов ответили: «Не представляю свою жизнь без музыки», и только 9,9 % мало уделяют ей внимание. Это подтверждает, что музыка глубоко проникла во

внутренний мир каждого человека, независимо от его музыкальных предпочтений. Сегодня наблюдается пристрастие молодежи к легкому жанру, который является частью массовой культуры, а высокая музыкальная культура (классическая, народная и др.), играющая большую роль в формировании общечеловеческих ценностей, у молодежи часто не востребована. У молодежи срабатывает закон влияния «толпы»: «Что слушают другие, то буду слушать и я» [3, с. 156]. Таким образом, одним из факторов влияния музыкальной культуры на формирование общечеловеческих ценностей у молодежи является мода и престиж.

Далее следует рассмотреть влияние СМИ и Интернета на формирование музыкальных предпочтений. В результате анализа И. Н. Милорадовой, 1/3 молодых людей идентифицирует себя в большей мере как «поколение новых технологий», а еще 10 % считают себя «продвинутым поколением». Современная молодежь, действительно, «пропитана» инновационными технологиями, и нормой поведения для нашего поколения становятся повседневное использование сети Интернет в быту или профессиональной деятельности, привычное вступление в диалог со СМИ, а также избирательность в отношении медийных каналов. Среди основных каналов воспроизводства новостной информации о музыке на первое место выходит Интернет, который в силу своей интерактивности позволяет молодежи оперативно получать сведения об исполнителе, авторе и самом произведении. При этом современные молодые люди мало тратят времени на обдумывание найденных в Интернете данных, доверяя им как «первоисточнику» [5, с. 264–265].

Что касается влияния образования на музыкальные предпочтения современной молодежи, то следует отметить, что его уровень является одним из наиболее значительных факторов, влияющих на художественные интересы людей. Выбор респондентами таких направлений как классика, джаз, блюз, арт-рок связан с наличием высшего образования. Более того, наличие интереса к классике для многих опрошенных тесно связано с имиджем «высокообразованного человека».

Учитывая то, что для многих респондентов «большинством» является та социальная группа, к которой они относятся, подтверждается тезис о том, что социальное положение во многом определяет предпочтения в области музыки. Принадлежность к той или иной социальной группе часто передается индивиду «по наследству» от роди-

телей, поэтому целесообразно рассмотреть влияние отцов и матерей на формирование музыкальных предпочтений их детей. При этом выясняется, что вне зависимости от того, как происходит становление музыкальных вкусов подростков, согласно или вопреки семейной традиции, схожесть музыкальных пристрастий «отцов» и «детей» очевидна. Анализ интервью, проведенный И. Н. Милорадовой, показал, что даже в тех случаях, когда респонденты с насмешкой или презрением отзывались о музыке, которую слушали в молодости их родители, они зачастую выбирали современные образцы того же направления [4, с. 29].

Таким образом, нужно констатировать значительный интерес современной молодежи к музыке. Государство, вузы, школы, СМИ не могут стоять в стороне от процесса формирования музыкальной культуры молодежи. Но этот процесс не должен нести в себе запретительные функции, а должен проводить меры по повышению уровня музыкальной культуры. Научное изучение формирования музыкальных вкусов и предпочтений различных категорий молодежи, взаимодействие и сотрудничество наиболее квалифицированных представителей современного музыкального сообщества, организаторов культуры досуга молодежи, могут и должны сформировать обоснованные рекомендации, которые позволят всем, кто причастен к делу формирования воспитания музыкальной культуры молодежи, проводить эту работу на современном уровне.

Литература

1. *Горюнова Л. О.* Музыка в контексте молодежной культуры / Л. О. Горюнова. — Саратов : Изд-во Поволж. межрегион. учебн. центра, 2004. — 100 с.
2. *Исхакова Н. Р.* Музыкальные предпочтения молодежи / Н. Р. Исхакова, Р. Р. Болтачев // Социологические исследования. — 2006. — № 6. — С. 103—106.
3. *Ломакина Н. С.* Влияние современной музыкальной ситуации в обществе на формирование слушательской культуры молодежи / Н. С. Ломакина // Актуальные проблемы высшего профессионального образования : материалы научно-методической конференции. — Кострома : Изд-во КГСХА, 2005. — С. 155—157.
4. *Милорадова И. Н.* Музыкальная культура в духовной жизни современной молодежи / И. Н. Милорадова // Социально-гуманитарные знания : научно-образовательное издание. — 2009. — № 8. — С. 28—32.

5. Милорадова И. Н. Влияние музыки на формирование личности в эпоху Интернета / И. Н. Милорадова, Ю. Л. Воробьев // Известия Тульского государственного университета. — 2011. — № 1. — С. 260—269.

СКУЛЬПТУРА В СОВРЕМЕННОЙ ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

А. С. Курбатова, студентка 1 курса

Научный руководитель — канд. филос. наук, доц. В. Н. Гущина

Скульптура играет значительную роль в формировании городского пространства, выступая в качестве органичного дополнения и объединяющего элемента архитектуры и городского ландшафта. Причем сегодня на первый план выходят скорее не монументы, посвященные историческим событиям или личностям, а именно декоративная жанровая скульптура. Подобные объекты создают акценты в городской среде, выполняют рекреационную и аттрактивную функции. «Скульптура стала тем, в чем мегаполисы, страны, города по всему миру нуждаются, чтобы приобрести статус исключительности» [4]. С целью проследить трансформацию предназначения памятника от запечатления образов богов, монархов и военачальников до создания непосредственно взаимодействующего со зрителем объекта среды, следует обратиться к истории скульптуры на примере России.

Просуществовав долгое время в форме плоского рельефа и деревянной круглой скульптуры, русская скульптура, начиная с XVII в., постепенно выходит на один качественный уровень с работами европейских мастеров. С XVIII и до начала XX в. городская среда активно насыщается произведениями монументального искусства, большую часть которых условно можно разделить на две группы: аллегорические и мифологические (скульптура Летнего сада) и портретно-исторические («Медный всадник» Фальконе, памятник Суворову Козловского). Однако в этот период создаются и жанровые скульптуры, такие как статуи на Аничковом мосту П. Клодта, изображающие покорение коня, и произведения П. Соколова. Подобные работы, несмотря на зависимость от архитектурного сооружения (к примеру,

моста или арки), наряду с аллегорической садовой пластикой можно считать предшественниками городской жанровой скульптуры в современном ее понимании.

После периода застоя на рубеже XIX и XX вв. перед российскими монументалистами ставится новая задача. В 1918 г. Ленин выдвигает план монументальной пропаганды, состоявший в создании революционных надписей на стенах зданий и установке памятников выдающимся деятелям революции. «Многие памятники не сохранились в основном потому, что были исполнены во временных материалах (гипс, бетон, дерево и пр.). Другие являли собой пример откровенной халтуры» [3, с. 330]. Приоритетом для городской скульптуры остается изображение исторической личности (к примеру, работы М. Манизера — памятник Чапаеву в Самаре, памятник Шевченко в Харькове). После Великой Отечественной войны одним из главных объектов изображения становится воин-освободитель. В ходе послевоенного восстановления городов устанавливаются также памятники историческим и культурным деятелям.

Итак, можно сделать вывод, что на протяжении всей истории городской скульптуры в России вплоть до конца XX в. приоритетной задачей для данного вида искусства являлось выполнение мемориальной и образовательно-воспитательной функций. Тем не менее, уже во второй половине XX в. возникает вопрос о необходимости благоустройства жилой среды, в том числе и посредством включения в нее декоративной скульптуры. До 90-х годов прошлого века в провинциальных городах России не было существенных изменений в тематике монументов. Однако исключения все же имеются. Например, среди первых декоративных скульптур, установленных в Воронеже, можно отметить памятник Орленку Ивана Дикунова (1974 г.) и памятник пионерам, находящиеся в Центральном парке культуры и отдыха. Но в основном создание акцентов в облике города до 2000-х гг. вновь сводилось к возведению памятников деятелям культуры: Кольцову, Бунину, Платонову, Пушкину.

С течением времени возрастает потребность городов в привлечении внимания туристов, следовательно, большое значение приобретает уникальность объекта. Однако «большая часть художественной продукции на улицах Воронежа имеет и концептуально, и иконографически “типовой характер” — многие произведения имеют аналоги в других российских городах-миллионниках» [1, с. 256]. Как технологию выполнения (бронза, литье), так и образы, представлен-

ные в воронежских памятниках, нельзя назвать уникальными, а художественная ценность некоторых скульптур сомнительна. Одна из проблем воронежской городской скульптуры, на наш взгляд, состоит в обилии мемориальных памятников на фоне малого числа объектов, интегрированных в городскую среду и тем самым формирующих пространство вокруг себя. Среди немногих произведений, созданных во взаимосвязи с окружением, — «Котенок с улицы Лизюкова» (И. Дикун, М. Дикун, Э. Пак), «Незнакомка» (Ю. Астапченко), «Стул, излечивающий от жлобства» (Ю. Астапченко, С. Горшков). Несмотря на малочисленность этих объектов, интерес к ним растет как со стороны художников, так и со стороны горожан. Основными задачами в области городской скульптуры сегодня являются выявление актуальных тем и поиск способов репрезентации достопримечательностей. Важным также является вопрос художественной ценности, гармоничности городской скульптуры Воронежа. Поскольку проект проходит длительную процедуру согласования, авторская идея часто искажается, как это произошло с памятником О. Мандельштаму, который изначально должен был быть установлен прямо на тротуаре, среди прохожих. Решение о создании той или иной скульптуры зачастую принимается без учета мнения экспертов и жителей города, отчего возникают спорные с художественной точки зрения объекты (памятник В. Высоцкому, памятник А. С. Пушкину). «Экспертная оценка и обсуждение — единственный способ не вредить городу» [2, с. 21]. Однако даже при наличии удачного проекта его воплощение невозможно без достаточного финансирования. Большая часть средств, как правило, поступает не из городского бюджета, а от спонсоров, поиск которых зачастую становится трудновыполнимой задачей.

Помимо применения традиционных средств достижения разнообразия в городском пространстве в последние годы возникают нестандартные подходы к формированию среды. В Воронеже реализуются такие проекты, как фестиваль уличного искусства «Здесь», фестиваль «АртВРН», направленный на создание предметов городского дизайна. Известный воронежский скульптор Сергей Горшков, к примеру, предлагает обратить внимание на звук в контексте города, поскольку введение звука в городскую среду не требует значительных затрат, но может производить сильное впечатление.

В целом, искусство в публичных пространствах, в том числе и городская скульптура, в Воронеже имеет тенденцию к развитию. Очевиден недостаток объектов, привлекательных для туристов и жителей

города, но вместе с тем существуют как инициативы по созданию городской скульптуры, так и возможность их реализации. Проведение вышеупомянутых фестивалей и последовательное увеличение числа декоративных объектов в городе говорит о постепенном осознании важности формирования комфортной городской среды.

Литература

1. *Аллахвердиева Н.* Искусство в общественных пространствах Воронежа / Н. Аллахвердиева // Воронежский пульс. Культурная среда и культурная политика / рук. проекта Э. В. Бояков. — Воронеж, 2013. — 470 с.
2. *Долгов И.* Молчание выливается в бронзу / И. Долгов // Время культуры. — 2012. — № 19. — 24 с.
3. *Ильина Т. В.* История искусств. Отечественное искусство / Т. В. Ильина. — М. : Высшая школа, 1994. — 461 с.
4. *Роуз А.* Генри Мур и скульптура в публичном пространстве : [сайт]. — URL: <http://www.kreml.ru/media-data/blog/genri-mur-i-skulptura-v-publichnom-prostranstve/>(дата обращения: 18.11.14).

ПРИБЛИЖЕНИЕ МОЛОДЕЖИ К ТЕАТРАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ

М. Н. Ласкина, студентка 1 курса

Научный руководитель — канд. ист. наук, доц. Т. Н. Волобуева

В формировании культуры учащейся молодежи важная роль принадлежит театру. Его отличительной чертой является высокая степень контакта со зрителем, своеобразное общение авторов произведений и публики. Связь театра с учебными заведениями осуществляется в виде неких договоренностей, приглашения актеров в школы или массовых посещений спектаклей. Как школа или институт, театр выполняет определенную образовательную функцию. Однако просмотр спектаклей может иметь воспитательное значение. Сопереживание герою, оценка действий персонажей, — все это дает толчок к анализу собственной жизни, меняет взгляд на окружающую действительность. Важна роль театра и в формировании интереса молодежи к классической литературе, музыке, истории своей страны. Ведь пе-

дагог, каким бы профессионалом он ни был, не может воспроизвести атмосферу эпохи так, как это делается в театре. Костюмы, манеры, языковые средства, которыми пользуются актеры, погружают в другой мир, что, несомненно, заинтересовывает, показывая классику просто и понятно раскрывая гениальные замыслы авторов доступным для молодежи средствами.

В России, на протяжении последних двух веков посещение театра молодыми людьми организовано или самостоятельно входило в программу образовательной и воспитательной работы. Особенно важными эти походы были (и есть) для учащихся специальных учебных заведений (таких как музыкальные школы, училища и академии, театральные институты), в которых посещение театра являлось обязательным для формирования будущих профессионалов. Зачастую у студентов были и свои театральные кружки.

Предварительной возможностью приобщения молодежи к театральной культуре являются книги (исследования) по истории театров Воронежа. Одним из наиболее известных исследователей является Э. Я. Анчиполовский. Его работы по возникновению и истории развития воронежских театров, такие как, например, «Старый театр» [1] или «Вчера и сегодня кольцовской сцены» [1] являются основными источниками информации для многих исследований. Эти работы помогают читателям лучше понять процессы, проходившие в период формирования и развития театра, привить любовь к нему.

Говоря о Воронеже, не просто как о городе с высокой культурой, но и как о центре Черноземья, нельзя не выделить его особенную роль и возможности приобщения молодежи к театральной культуре. Наш город славится своими театрами самых разных направлений: это и старинный драматический театр имени А. Кольцова, и современный Камерный. Знаменитые, всеми любимые с детства Кукольный театр и ТЮЗ, Театр оперы и балета — все они поставили такую высокую исполнительскую планку и имеют настолько разнообразный репертуар, что немногие театры других городов-миллионников в России могут конкурировать с ними. На воронежских сценах ставится не только классика, но и современные пьесы. Например, в апреле 2014 г. в рамках фестиваля «Молодость» были представлены такие произведения современных авторов, как «9 месяцев//40 недель» (А. Куличков и С. Шевченко), «Лафкадио» (Ш. Сильверстайн). Наш Камерный театр славится своими оригинальными постановками классических произведений.

В 2013 г. группа экспертов под руководством Э. Боякова подготовила доклад «Воронежский пульс» о культурной среде и политике в Воронеже и области. Их оценка театральной жизни города была в целом положительной. Они писали, что существование в городе классического театра им. Кольцова и более современного по репертуару и возникновению, Камерного дает зрителю разностороннее представление о театре, каждый из них хорош в своем видении спектаклей. Из минусов была отмечена недостаточная конкуренция между театрами, отсутствие организованной критики, специализированного театрального журнала, недостаточное финансирование государством. В некоторых театрах они отметили отсутствие единой линии художественно-го развития [3, с. 348–357].

С нашей точки зрения одной из ключевых проблем задачи приобщения учащейся молодежи к театральной культуре сегодня — это ценовая политика театров. Стремясь к самоокупаемости, театры повышают цены на билеты. Если на рядовые спектакли в Театр оперы и балета, ТЮЗ или Кукольный молодежи попасть еще по силам (в среднем билет стоит 250 рублей), то, к примеру, в Камерном театре и драматическом театре им. А. Кольцова цены начинаются от 600 рублей, что, конечно, становится весьма серьезным барьером на пути к посещению театра молодежью. А что говорить о фестивалях, проходящих в Воронеже? Несомненно, уровень выступающих на них превосходит все ожидания, но и цены на билеты чтобы туда попасть, не менее удивительные. В среднем, на Платоновском фестивале цена билета варьируется от 1500 до 5000 рублей. Концертов, на которые пропускают бесплатно или со скидкой по студенческим билетам крайне мало. Все это не способствует привлечению молодежи, более того, отталкивает ее от театра. Ведь билет в кино стоит 70–250 рублей, что гораздо меньше, но и пользы от фильмов, идущих на экране, никакой.

Еще одна проблема театров, которая становится с каждым годом все более актуальной — это привлечение молодого зрителя. Для ее решения администрация порой решается на неоправданное осовременивание классических шедевров, которое идет во вред замыслам авторов и их художественным идеям. Так, например, на Платоновском фестивале 2013 г. эстонский театр «Театр № 099» представил свой спектакль «Педагогическая поэма» по одноименному роману А. Макаренко и книге К. Станиславского «Работа актера над собой»

(в постановке Тийты Оясоо и Эне-Лийз Семпер). Он вызвал крайне неоднозначную оценку зрителей. В, казалось бы, крайне классическом, по идее, спектакле присутствовали сцены активной пропаганды гомосексуализма, ненормативная лексика, один из актеров разделся догола прямо на сцене. Все это вызвало бурю негодования, многие выходили из зала прямо во время спектакля. Консерватизм ли воронежского зрителя или недостаточно явно выраженная идея авторов помешала взаимопониманию «сцены» и «публики». Скорее всего, это связано с тем, что рамки упрощения подачи материала в разных странах тоже разные. Хотя театр, как и всякое искусство, довольно интернационален.

Эти проблемы должны находиться в поле зрения и руководителей театров, и организаторов фестивалей, чтобы, в погоне за сборами или европейской театральной модой, не потерять молодежную аудиторию.

Несмотря ни на что, театр — незаменимое по своей природе явление. С появлением, кино, телевидения, а затем и Интернета многие предрекали ему гибель. Но театр жив, развивается и будет жить еще бесчисленное количество лет. Живое слово, общение со зрителем, «служение», как говорили раньше, актеров народу, все это дает приходящим туда людям несравненные эмоции, добавляет в жизнь полноту. И привлечение туда молодежи — вопрос, который был актуален всегда, — решается лишь посредством ее знакомства с театром. Чуткие молодые сердца легко поддаются волшебству сцены и остаются в театре навсегда. А задача старших поколений устроить их встречу.

Литература

1. *Анчиполовский З. Я.* Вчера и сегодня кольцовской сцены / З. Я. Анчиполовский. — Воронеж : Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1977. — 224 с.

2. *Анчиполовский З. Я.* Старый театр. Воронеж : 1787–1917 / З. Я. Анчиполовский. — Воронеж : Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1996. — 318 с.

3. Воронежский пульс: культурная среда и культурная политика / рук. проекта Э. В. Бояков. — Воронеж, 2013. — 470 с.

СПЕЦИФИКА ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА ТЕЛЕВЕДУЩЕГО

А. В. Новичихина, студентка 2 курса

Научный руководитель — д-р филос. наук, доц. С. А. Симонова

Каждый из нас в своей жизни сталкивается с проблемой формирования имиджа от обыденного и повседневного до профессионального. У кого-то это формирование происходит стихийно, кто-то же целенаправленно занимается этим. Что же такое имидж? Понятие имиджа имеет множество определений. Часто его сводят исключительно к стилистическим, внешним характеристикам, что, например, характерно для советской традиции. В «Словаре иностранных слов» Н. Комлева имидж (от англ. image — «образ») обозначается как «определенный образ известной личности или вещи, создаваемой средствами массовой информации, литературой, зрелищами или самим индивидом» [2]. Именно в таком значении это понятие используется средствами массовой информации. В социологии имидж понимается как составная часть определенной социальной роли: имидж — совокупность представлений, сложившихся в общественном мнении, о том, как должен вести себя человек в соответствии со своим статусом. В. Даль в своем «Толковом словаре» дает следующее определение понятию: «Представление о чем-нибудь внутреннем облике, образе», при этом под обликом он подразумевает «оклад и черты лица, общность вида и выражение лица, физиономия» [1]. В понимании В. М. Шепеля имидж представляет собой «индивидуальный облик или ореол, создаваемый средствами массовой информации, социальной группой или собственными усилиями личности в целях привлечения к себе внимания» [4]. А. Ш. Санатулова, проанализировав существующие определения данного нам понятия, предложила наиболее точное определение: «Имидж — это некий синтетический образ, который складывается в сознании людей в отношении конкретного лица, организации или иного социального объекта, содержит в себе значительный объем эмоционально окрашенной информации об объекте восприятия и побуждает к определенному социальному поведению» [3]. Можно говорить о том, что имидж становится проявлением человеческого стремления создать привлекательный индивидуальный облик. Поскольку именно благодаря последнему повышается вероятность достижения

крупных успехов в любой деятельности, повышается уверенность в себе, в своем положении в семье, в общении с коллегами и многим другом. Наличие индивидуального имиджа позволяет проявиться лучшим качествам как личностного, так и делового характера, позволяет привнести в повседневное общение комфорт.

Целенаправленным формированием имиджа чаще всего занимаются люди, которые часто появляются на публике. Именно для таких людей важно его грамотное и четкое выстраивание. В связи с изобретением телевидения, которое стало важнейшим средством распространения информации и одним из основных видов досуга, появилась потребность грамотно выстроенной коммуникации с телезрителями, которая бы воздействовала на психологию людей разного возраста и формировала их мировоззрение. Именно этим целям подчинена вся деятельность лиц, фигурирующих на телевидении, в частности, деятельность телеведущих. Именно личностным имиджем телеведущего определяется эффективность телевизионного общения с массовой аудиторией.

Здесь возникает вопрос: каким же тогда должен быть облик телеведущего? Каким должен быть его профессиональный имидж? Например, по мнению известного кинорежиссера Э. Рязанова, для ведущего важно знание информационного продукта, наличие собственного мнения, умение держаться перед камерой и находить контакт с аудиторией. Но не менее важны и другие составляющие имиджа. Так, В. М. Шепель выделяет такие внешние составляющие имиджа, как гигиена кожи лица, макияж, глаза, прическа, одежда, язык жестов [4]. Телеведущему, как человеку публичной профессии, необходимо следить за кожей лица, поскольку он всегда находится под прицелом огромного количества телекамер. На телевидении и женщины, и мужчины должны пользоваться гримом. Перед камерой ведущий должен выглядеть безупречно, поэтому здесь обязательным элементом является профессионально сделанный макияж. Тип макияжа зависит от жанра передачи: в передачах развлекательного характера приемлем яркий, броский макияж, в передачах более серьезного жанра макияж должен быть естественным и менее заметным. Прическа и одежда также подбираются в соответствии с жанром телепередачи. Но они должны обязательно работать на телеведущего, скрывать какие-то видимые недостатки или корректировать их. Что касается языка жестов и мимики, то они должны быть четкими и выразительными, поскольку выдают весьма наглядную информацию о

человеке. Важной составляющей имиджа телеведущего является голос. Голос ведущего должен обладать приятным тембром, быть гибким, пластичным, тепло окрашенным. Также телеведущий должен иметь живой ум, дар импровизации, умение нестандартно мыслить, живо реагировать на происходящие вокруг события. Эти качества вызывают неподдельный интерес у зрителя. Еще одним важным качеством для телеведущего является доверительность. Ведущий призван демонстрировать свое искреннее отношение к тому, о чем он вещает. Важно показать свое уважительное отношение к своему собеседнику по телепередаче, тактичное восприятие различных мнений и переживаний.

Образ телеведущего — это тот образ жизни, который идеологи программы и телеканала предлагают зрителям как образец для подражания. Именно через ведущего автор программы транслирует открытым текстом или в завуалированной форме свою основную идею. Успех программ обусловлен точно найденным имиджем, соответствующим социальному заказу, моде, требованиям времени и настроением в обществе. Имидж ведущего формирует тип контакта с аудиторией. Однако изменение современных требований корректирует и сами имиджи. Это становится научной проблемой, поскольку формирование имиджа — многогранный творческий процесс, который требует профессионального мастерства. Таким образом, можно сделать вывод о том, что имидж складывается из множества факторов: речи, голоса, внешнего вида, жестов, мимики, одежды, интеллектуального уровня, степени доверия ведущему аудитории.

Литература

1. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. — М. : Рус. яз.-Медиа, 2006. — Т. 2 : И—О. — 779 с.
2. *Комлев Н. Г.* Словарь иностранных слов : более 4500 слов и выражений / Н. Г. Комлев. — М. : ЭКСМО-Пресс, 2000. — 669 с.
3. *Санатулова А. Ш.* Имидж как научное понятие / А. Ш. Санатулова // Имиджелогия. Как нравиться людям [Электронный ресурс]. — М. : Народное образование, 2002. — URL: <http://evartist.narod.ru/text9/17.htm> (дата обращения: 03.04.2014).
4. *Шепель В. М.* Введение в имиджелогии / В. М. Шепель // Имиджелогия. Как нравиться людям [Электронный ресурс]. — М. : Народное образование, 2002. — URL: <http://evartist.narod.ru/text9/17.htm> (дата обращения: 03.04.2014).

СПОСОБ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА В «МУЗЕЕ КУКОЛ» (САНКТ-ПЕТЕРБУРГ)

М. А. Озерова, студентка 3 курса

Научный руководитель — д-р филос. наук, доц. С. А. Симонова

В последних исследованиях культуры все чаще говорится о *конструируемой человеком пространственной среде* — своего рода физическом и ментальном выражении организации пространства человеком. Российский академик В. А. Тишков обращает внимание на то, что необходимо рассматривать не просто природный ландшафт, а переходить к осмыслению, конструированию и использованию пространства на разных его уровнях: от глобально-космического до частного и индивидуального. В субстанции пространства важен уровень значений (смыслов), а также сама пространственная среда и ее изменения под воздействием человека, включая различные визуальные проявления пространственной организации. Это составляет то, что можно назвать *культурным пространством* [6, с. 21].

В связи с этим выделяется много разных категорий культурного пространства: 1) *геопространство*, организованное по-разному в разных культурных традициях: от абстрактного геометрического пространства в современных западных поселениях до организованного на принципе религиозной оппозиции профанного и сакрального в организации пространства во многих традиционных культурах; 2) *социальное пространство*, в котором порядок обусловлен характером социальных отношений, групповой иерархией, формальными и неформальными связями, ролевыми факторами; 3) *поведенческое пространство*, определяемое разными диспозициями индивидуального и группового характера; 4) *информационное пространство*, которое в последнее время дополнилось понятием электронного пространства; 5) *воображаемое пространство*, реальное для тех, кто верит в ад, рай, подземный и другие миры [6, с. 22].

На основании изложенного можно выделить еще один вид — *этнокультурное пространство*, которое включает характеристики протяженности, структурности, сосуществования, взаимодействия, координации элементов этнической культуры и соответствующих отношений между народами [2, с. 27]. Этнокультура всегда связана с

историей развития самого народа: его менталитетом, национальными стереотипами, т. е. в конечном счете определяется как средство развития и воспитания базовой этнической личности, носителя национального самосознания [5, с. 111].

Проблема организации этнокультурного пространства тесно связана с *этнокультурным образованием* как системой овладения родным языком, традиционными знаниями, приобщения к культурному наследию, сохранения прогрессивных традиций семьи и быта, самореализации детей в современной реальной жизни. Введение ребенка в мир культуры через знаково-символическую систему (язык, книжный мир, искусство и др.), предполагает, в частности, наполнение этнокультурного образовательного пространства игрушками, куклами, с учетом возраста и опыта детей [1].

В качестве удачного примера репрезентации этнокультурного пространства среди отечественных учреждений культуры можно привести «Музей кукол» г. Санкт-Петербурга. Данный музей представляет собой негосударственное учреждение культуры, основанное в 1998 г. фирмой «Потешный промысел» при научно-методическом руководстве Российского этнографического музея. Анализ работы данного музейного учреждения позволил выявить некоторые его особенности.

Во-первых, в связи с переходом многих музеев к коммуникативной модели функционирования в рамках «Музея кукол» происходят изменения в экспозиционной деятельности [3, с. 17]. На сегодняшний день в 9-ти залах постоянной экспозиции и в фондах «Музея кукол» насчитывается более 5000 экспонатов. В залах представлены фольклорные, театральные, интерьерные и сувенирные куклы, куклы-герои и персонажи детских сказок, а также традиционные и обрядовые куклы (созданные мастерицами этнографического клуба «Параскева»). Также в рамках экспозиционного пространства представлены уединенные куклы разных времен и народов, но с ограничением «Только для взрослых» и, несомненно, в музее есть залы для организации временных выставок [7].

Во-вторых, происходит размывание границ традиционной музейной экспозиции и сближение ее с театрализованными формами [4, с. 10]. Это достигается с помощью применения интерактивного способа репрезентации этнокультурного пространства «Музея кукол». Для совершения самостоятельной экскурсии по музею, как для взрослых, так и для маленьких посетителей разработаны специальные марш-

рутные листы, а для более полного ознакомления предоставляется аудиогид. Все это помогает сориентироваться в пространстве и полностью погрузиться в волшебную кукольную атмосферу.

В-третьих, в практику «Музея кукол» активно вводятся интерактивные формы работы с посетителями, предполагающие взаимодействие между посетителями и музейными предметами. Важным преимуществом интерактивных методов перед обычной лекцией или экскурсией является наличие обратной связи между лектором и аудиторией [3, с. 49].

В «Музее кукол» это положение реализуется следующим образом:

1) для детей от 3–6 лет (при участии родителей) разработана *увлекательная интерактивная игра-путешествие «В поисках Стригушки»*, в рамках которой дети совершают сказочное путешествие: знакомятся с различными видами кукол, старинными русскими праздниками и обрядами, гуляют по Волшебному лесу и общаются со сказочными персонажами. На заключительном этапе игры малыши раскрывают секрет загадочной куклы Стригушки, которую нельзя купить ни в одном магазине;

2) для детей 7–10 лет осуществляется увлекательная программа «Карта сокровищ», она учит ребят работать в команде, развивает воображение и знакомит через игру с экспозицией музея [7].

3) для детей 7–12 лет организуется интерактивная экскурсия «Серьезная профессия для несерьезных людей». Данная экскурсия знакомит детей с профессией кукольника. Ребята узнают, какие существуют типы кукольников, какими качествами нужно обладать, чтобы им стать, и где учат этой профессии. А на заключительном этапе экскурсии ребятам предоставляется возможность поучаствовать в мастер-классе или же импровизированном спектакле с перчаточными куклами. Кроме того, музеем реализуются выездные программы для образовательных учреждений, и каждый воскресный день в музее проводится мастер-класс по изготовлению тряпичной восточнославянской куклы [7].

Таким образом, в условиях глобализирующегося мира большинство музеев перестали быть закрытыми академическими институтами, они представляют гостеприимное и публичное пространство, где внимание сосредоточено на направлениях, формах и методах контакта с потенциальной и реальной аудиторией [3, с. 50]. Поэтому, когда внимание не акцентируется на предметных экспозициях и коллекциях, а

перемещается в сторону активного взаимодействия и исследования целевой аудитории, что не означает отказа от традиционных функций музея, появляются инновационные формы представления экспозиционного пространства — театрализация, игровое, диалогическое общение и т. д. Это реальная возможность для посетителя включиться в диалог культур; установить взаимные деловые, эмоциональные или дружеские контакты на основе общих интересов, связанных с тематикой или содержанием коллекций; прочувствовать характерные особенности музейной историко-культурной среды [3, с. 50]. Поэтому данный аспект репрезентации этнокультурного пространства в музейной экспозиции приобретает все большее значение при контактах с детской и взрослой аудиторией.

Литература

1. *Агапова Д.* Культура участия : миллион диалогов / Д. Агапова // Музей как пространство образования : игра, диалог, культура участия. — М. : Творческая группа «Музейные решения» Фонд Михаила Прохорова, 2012. — С. 8–20.
2. *Бенин В. Л.* Мифы и реальность этнокультурного пространства / В. Л. Бенин, Т. З. Уразметов. — Уфа : Изд-во БГПУ, 2010. — 118 с.
3. *Гиль А. Ю.* Изменения в деятельности музеев с учетом тенденций развития современного общества / А. Ю. Гиль // Вестник Томского государственного университета. — 2012. — № 364. — С. 49–53.
4. *Майстровская М.* Музейная экспозиция: тенденции развития / М. Майстровская // Сборник научных трудов «На пути к музею XXI века». Музейная экспозиция (теория и практика, искусство экспозиции, новые сценарии и концепции). — М. : Российский институт культурологии, 1997. — С. 7–23.
5. *Собильская А. С.* Место человека в этнокультурном пространстве / А. С. Собильская // Сборник научных трудов «Проблемы и перспективы современной науки». — Томск, 2009. — Том 2, вып. 1. — С. 111–112.
6. *Тишков В. А.* Культурный смысл пространства / В. А. Тишков // Этнографическое обозрение. — 2004. — № 1. — С. 14–31.
7. Петербургский «Музей кукол». [Официальный сайт]. — URL: <http://www.museumdolls.ru/> (дата обращения: 06.04.2014).

ЙОГА И ТАНЕЦ: НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ДРЕВНИЕ ПРАКТИКИ

В. Г. Паршина, студентка 4 курса

Научный руководитель — д-р культурологии, проф. Т. А. Дьякова

В современном мире, ориентированном на рационализм, словно в противовес преобладающей системе ценностей, все большее влияние и популярность набирают разнообразные философские учения, в особенности, восточные. Волна восточной культуры все больше и больше оказывает влияние на европейское сознание: музыка, фильмы, психопрактики и религии Востока предоставляют нам уникальную возможность почувствовать мир шире, чем это было возможно еще столетие назад. В результате многие городские жители сегодня, посвящая свою жизнь буддийским, даосским, йогическим и даже индейским практикам, уезжают из густонаселенных районов, предпочитая в уединении вести жизнь, далекую от городской суеты.

Однако не все люди готовы предаться аскезе, чтобы избавиться от проблем со здоровьем, последствий стрессов и плохой экологии. Кроме того, использование методов одной традиции для решения задач другой, без серьезного их переосмысления, не даст какого-либо положительного результата. Так, например, ведические духовные практики имеют смысл только в рамках индуизма и совершенно не подходят для исповедующих даосизм или христианство; тантрические техники, возникшие много столетий назад, совершенно не подходят современному человеку, и без тантры достаточно сексуально раскрепощенному. Что уж говорить про медитации и пение мантр — данные техники выполняют свою задачу только в рамках определенных условий, и влияют только на тех людей, которые находятся под влиянием соответствующей идеологической модели. Поэтому нельзя просто слепо копировать какие бы то ни было формы: использование техник, пусть даже 1000-летней давности, в современных культурных, климатических и географических условиях, без их пересмотра и критического анализа, сводит на нет всю возможную пользу от практики.

По этим причинам многочисленные философские системы сегодня адаптируются под современный темп жизни и становятся более доступными для жителей мегаполисов. Современная йога — это,

прежде всего, использование древних методов для решения новых актуальных задач, и, соответственно, в ней нет места дилетантству и бездумному копированию. Изменился мир, изменились люди, цели и задачи — сегодня человек хочет гармонично общаться с другими людьми, иметь любимую работу, друзей, ощущать наполненность и осмысленность своего существования. Меняется и йога. Времена так называемого «дикого эзотеризма» уходят в прошлое. Современные мастера корректируют свои взгляды, цели и методы, адаптируя их к требованиям времени. Это приводит к возникновению уникальных, принципиально новых течений, из которых одной из самых популярных в наши дни является танцевальная йога.

Йога в танце — это модернизированная форма древних традиций сакральных танцев в сочетании с принципами классической йоги — осознанным дыханием и динамической медитацией. Танец здесь рассматривается не столько как развлекательный процесс, сколько как инструмент для формирования индивидуального двигательного языка. По словам последователей данного направления, его целью является формирование красивого тела и спокойного, радостного состояния через импровизацию, спонтанный танец, «возникающий в работе с внутренними энергиями». Сегодня в йога-центрах и фитнес-клубах преподают совершенно разные «йога-танцы». Иногда это индийские ритуальные (храмовые) движения, иногда — авторские методики, основанные на глубоком понимании энергетической структуры человека и мироздания, как, например, Танец Шивы — разработка Андрея Лаппы или танцевальная йога Владимира Негадаева. Помимо танцевальной йоги, основанной на традициях индийского классического танца, существует множество сочетаний йоги с другими видами танца — танцем живота, суфийскими танцами, классическим балетом и даже различными европейскими народными танцами. Сам по себе танец гораздо ближе человеку, чем сложные позиции йоги. Талант «танцевания» изначально заложен в каждом из нас. Особенно данное направление может быть полезным для женщин. Жизнь женщины опирается на ритм ее тела, поэтому танец — естественная древняя женская практика и источник жизненной силы [1, 48]. Кроме того, танец — это весьма интересная, полезная и насыщенная форма досуга. По этим причинам танцевальная йога идеально подходит для современного человека, утомленного стрессами, агрессивностью окружающего мира и желающего попробовать в практике что-то новое и научиться «танцевать сердцем».

На фоне быстрой популяризации данного направления появляются и абсолютно новые танцевально-йогические практики, отвечающие самым различным запросам эпохи. Например, в современном феминистически настроенном мире, в котором, к сожалению, разрушаются все традиционные женские ценности, все женские жизненные ориентиры, сами женщины все чаще задумываются о том, что, стремясь к равноправию с мужчинами, они теряют исконно женские качества — мягкость, размеренность, плавность движений, искренность выражения своих чувств. Поэтому довольно широкое распространение сегодня получили именно женские духовные практики, направленные на «поддержание красоты тела и раскрытию внутреннего творческого потенциала». Но одна только йога и медитация не помогут приобрести женственную грацию, точно так же, как и чистая хореография не может наполнить движения внутренним спокойствием и чувственностью. По этим причинам танцевальная йога для женщин сегодня является невероятно востребованным направлением. Одним из ярких примеров этому служит танец «Мандала». Йога-танец «Мандала» — это новая практика, которая уже успела полюбить многих женщинам, которые интересуются духовным и физическим развитием (мужским аналогом танца «Мандала» является танец «Ваджра», представляющий собой синтез тантрической йоги, танца и вокала [2]). В основу данного направления легли суфийские традиции и индийские храмовые танцы, а также даосские практики и йога [3]. По словам последователей, корнями этот вид йоги-танца уходит в храмовые ритуалы древности, когда танец женщин был одновременно их молитвой, медитацией: посредством танца они соединялись со своей сутью, раскрывая «божественную природу» [1; с. 21–24]. Естественно, студии, обучающие данному виду танца, обещают «соединение со своей внутренней женской природой», освобождение от эмоциональных блоков, а также развитие гибкости и грации — все то, чего так не хватает современной женщине. Этим и объясняется невероятная популярность подобного рода практик. К слову, в Воронеже данные направления современной йоги-танца представлены во многих школах-студиях йоги и восточных практик, таких как, например, «Shakti», «Сурья», «New Yoga», «Портал» и др.

Таким образом, танцевальная йога становится все более популярной в современном мире. Йога в танце является формой «динамической релаксации», так необходимой современному человеку, особенно жителям больших городов, эта практика дает им способ

избавиться от хронической усталости, энергетической истощенности, агрессивности, раздражительности и стрессовых ситуаций, причем данный способ не порождает зависимости от внешних условий или препаратов, и реализуется самим человеком.

Однако необходимо отметить и негативные тенденции популяризации и модернизации йоги. Несомненно, мода на йогу диктует свои правила, сегодня она должна быть простой, понятной и приятной. Появляются новые подходы, статьи и книги, подкрепляемые разрозненными выдержками из средневековых трактатов по йоге, тантре, буддизму и другим эзотерическим традициям, профанирующие древнее искусство. Целью древней йоги было, прежде всего, духовное, а не телесно-физическое развитие, и само слово «йога» относилось к целой системе, а не просто к определенным позам и движениям [4]. В настоящее же время происходит чрезмерное акцентирование именно на движениях, а сама йога превратилась в своего рода «экзотическую» разновидность фитнеса. Множество некомпетентных учителей сделали йогу, в частности, танцевальную, объектом коммерческой эксплуатации, своеобразным маркетинговым ходом, не несущим никакой духовной и смысловой нагрузки. Коммерциализация йоги привела к тому, что человек, пройдя за деньги курс в так называемых школах (центрах, студиях, курсах, «ашрамах» и т. п.) йоги, сам может стать сертифицированным учителем (инструктором, «гуру» и т. п.), не прочитав ни строчки из классических йога-сутр. А потом многие из таких «учителей» ощущают себя достаточно компетентными для того, чтобы создавать свои собственные направления и школы йоги.

Танцевальная йога в этом отношении не является исключением. «Уникальность» и доступность данного направления широко используется для неискушенной аудитории. Безусловно, в древние времена религия и танец были тесно связаны, и очень многие танцевальные практики древности содержат в себе элементы духовного развития; кроме того, сочетание йоги и танца сегодня является весьма удачным с точки зрения организации приятного и плодотворного досуга. Однако зачастую использование древних названий и терминов вводит в заблуждение последователей этого течения, принимающих его за реальную преемственность традиций. Необходимо понимать, что у йоги после такой адаптации к европейскому образу жизни отобрали многие важнейшие компоненты и добавили новые [4]. Но, возможно, именно это и позволяет ей сохранять в XXI веке свою популярность и актуальность не только для аскетичных последователей индуизма, но и для жителей огромных мегаполисов. Поэтому грамотное «осовре-

меннивание» йоги, трансформация ее в новейшие направления, отвечающие требованиям времени — это не так уж и плохо, это важная часть интеграции йоги и современной западной культуры.

Литература

1. *Буонавентура В.* Рожденная в танце. Женщина и танец в арабском мире / В. Буонавентура. — СПб. : ID Press, 2005. — 156 с.
2. Официальный сайт Танца Ваджры : [сайт]. — URL: <http://www.the-dance-of-the-vajra.org/en> (дата обращения: 06.04.2014).
3. Сакральный танец Мандала: Йога только для женщин : [сайт]. — URL: <http://www.mayamandala.com> (дата обращения: 06.04.2014).
4. Грани эпохи: этико-философский журнал : [сайт]. — URL: <http://grani.agni-age.net> (дата обращения: 06.04.2014).

ТЕХНОЛОГИИ ПРОИЗВОДСТВА ФИЛЬМОВ В СОВРЕМЕННОЙ КИНОИНДУСТРИИ

А. С. Ряскова, студентка 3 курса

Научный руководитель — д-р филос. наук, доц. С. А. Симонова

Кинопроизводство является одной из базисных основ всей кинематографии, в частности оно включает в себя технологию и технику создания фильма, непосредственно творческий процесс, дальнейшее продвижение и реализацию уже готового проекта.

Первые фильмы стали появляться в 1890-е гг., и уже тогда они строились по классическим канонам кинопроизводства: во-первых, писался сценарий, во-вторых, проводился набор творческой группы, в-третьих, запускался сам процесс съемки, и, в-четвертых, производился монтаж.

В современном мире центром кинопроизводства становится киностудия — комплекс творческих и производственных звеньев, включающий съемочные группы, сценарно-редакторские коллегии, музыкальные редакции, осветительные цеха, цеха операторской техники, актерские отделы и многое другое.

Процесс кинопроизводства состоит из пяти основных этапов: развитие (девелопмент — development), подготовительный (пре-

продакшн — pre-production), съемочный (продакшн — production), монтажно-тонировочный (МТП, пост-продакшн — post-production) и реклама, продажа, прокат (дистрибуция — distribution) [1, с. 45–49].

Как правило, у истоков фильма стоит продюсер или продюсерская компания. На стадии развития студия в лице продюсера ищет сценарий. Когда студия покупает сценарий или же получает заказной, она выплачивает автору гонорар и приобретает права на постановку. Кроме того, в этом периоде студия ищет и привлекает в проект финансы и возможных партнеров. Как только окончательно утверждается сценарий и находится первая часть средств, начинается подготовительный период.

Подготовительный период включает в себя: выбор режиссера, кастинг актеров, привлечение руководящих специалистов (творческих и административных), набор членов съемочной группы, разработка съемочного графика и выбор съемочных объектов. Нанятый студией режиссер знакомится со сценарием и согласовывает со студией свое видение сценария и свой замысел. Если студию все устраивает, режиссер становится главным действующим лицом производства и полностью отвечает за готовый результат — фильм. Режиссер знакомит членов съемочной группы со своей концепцией, объясняет, как он хочет снимать, что ему нужно.

В этот момент вступают в работу оператор и художник, которые соответственно производят зарисовки сцен и готовят декорации для павильонов и площадок, занимаются костюмами, гримом, образами героев и всего, что вокруг них находится. Если режиссер планирует использовать музыку, композитор, исходя из характера сцены, продумывает партитуру. Группа должна хорошо понимать, как будет сниматься каждая сцена: как ставить свет, как будет двигаться камера, в какой момент актеры начинают передвигаться и как именно и т. д.

В зависимости от бюджета и сложности фильма состав съемочной группы может быть разным. Документальные фильмы могут сниматься небольшой группой, в которой достаточно режиссера, оператора, звукооператора и директора (например, фильмы производства компании BBC). Полнометражные художественные фильмы снимаются группой, которая может включать свыше ста сотрудников, в зависимости от масштаба и сложности (фильмы К. Тарантино или Дж. Кэмерона).

Кастинг актеров обычно происходит по следующей схеме. Режиссер объясняет кастинг-директору, какими он видит персонажей

фильма, и тот составляет список предполагаемых претендентов на роль. С отобранными предварительно актерами связываются и высылают им сценарий, чтобы они могли изучить его и, главное, продумать, как будет выглядеть их персонаж и отрепетировать пару сцен. После этого актеры-претенденты появляются в студии, где рассказывают, как они представляют своего героя и показывают подготовленные сцены. Все это записывается на видео для последующего обсуждения. После отбора актеров, подходящих на роль, студия заключает с ними контракт, и затем начинаются репетиции.

Рано или поздно подготовительный период заканчивается, и производственный цикл вступает в фазу съемок. Ведь именно съемочный процесс является ключевым звеном всего процесса кинопроизводства.

Съемочный период полнометражного фильма может длиться от нескольких недель до многих месяцев, однако правильная организация съемок и тщательная проработка их плана во время подготовительного периода позволяют сократить съемочный период до минимума, поскольку это наиболее дорогостоящий этап кинопроизводства. Съемочный период самый дорогой, поскольку каждый съемочный день арендуется техника, реквизит, помещения, работают дополнительные службы и оплата многих актеров рассчитывается именно от количества съемочных смен.

После завершения съемок начинается монтажно-тонировочный период, в процессе которого задается ритм и облик фильма. Режиссер-постановщик вместе с монтажной группой осуществляет отбор наиболее удачных дублей и дает указания по монтажу. Параллельно монтажу идет работа со звуком. Звукорежиссер прослушивает весь полученный на съемках материал, чтобы понять, что может быть использовано, что нужно поправить, а что нужно будет переписать заново. После окончания всех процессов получается готовый цифровой фильм [2, с. 21–27].

Необходимым моментом в создании фильма или же сериала является его дальнейшая реализация на рынке. Любой фильм необходимо продвигать и рекламировать, ведь клиенты обычно заинтересованы в успехе своей продукции. Продвижение — это длительная работа продюсера. Продюсер просчитывает заранее, сколько кинотеатров купят фильм, сколько зрителей его посмотрят, а также насколько он окупится и какую принесет прибыль.

Рекламная компания начинается задолго до выхода фильма: проводятся пресс-конференции, репортажи со съемок, рекламные ролики распространяются в интернет-ресурсах, транслируются по радио,

телевидению и показываются в кинотеатрах, фотографии и интервью публикуются в прессе. Один из важных моментов продвижения — организация громкой премьеры фильма с приглашением звезд и знаменитостей, обеспечивающих резонанс в СМИ. Продвижению фильма также способствует участие картины в различных кинофестивалях и номинациях на кинопремии [3, с. 62–65].

Таким образом, процесс кинопроизводства — довольно сложная и трудоемкая процедура, требующая слаженной работы и таланта всех членов команды, от которых напрямую зависит успех и дальнейшая судьба картины.

Литература

1. Барсуков А. П. Аудиовидеобозрение / А. П. Барсуков. — М. : Журнал «Искусство кино», 2003. — 92 с.

2. Розенталь А. Создание кино и видеофильмов от А до Я / А. Розенталь. — М. : Триумф, 2012. — 344 с.

3. Ульянова М. А. Особенности маркетинга кинорынка и специфика кинопродукции как объекта маркетинга / М. А. Ульянова // Маркетинг в России и за рубежом. — М. : Армада, 2000. — 217 с.

ПРЕМИЯ «RUSSIAN EVENT AWARDS» КАК МЕХАНИЗМ РАЗВИТИЯ В ИНДУСТРИИ ТУРИЗМА

В. А. Татаринцева, студентка 3 курса

Научный руководитель — канд. филос. наук, доц. В. Н. Гущина

Национальная премия «Russian Event Awards» учреждена в Воронеже в 2012 г. как отраслевая награда, присуждаемая по итогам открытого конкурса проектов за достижения в области развития индустрии событийного туризма. Совет учредителей разработал и утвердил Положение о Национальной премии «Russian Event Awards» в области событийного туризма [4].

В качестве постоянно действующего консультационного органа управления премией был сформирован попечительский совет. Его председателем является Геннадий Шаталов, член правления Фонда

развития общественных связей «Region PR». В состав попечительского совета входят представители профессиональных ассоциаций и компаний: Андрей Баранников, президент Ассоциации компаний-консультантов в области связей с общественностью; Игорь Березин, действующий президент НП «Гильдии маркетологов» [2].

Существует также экспертный совет премии, в него входят 30 специалистов из разных областей: продюсеры компаний, директора, руководители успешных проектов в области туризма, дизайнеров. Приглашенные эксперты оценивают конкурсные работы в соответствии с разработанными критериями: оригинальностью замысла, социальной значимостью проекта, значением проекта для развития и продвижения территории, масштабом вовлечения аудитории. Лауреаты и дипломанты конкурса определяются по итогам двух этапов на итоговом заседании Экспертного совета.

Учреждение премии и награждение ею должны способствовать, по мнению ее основателей, решению нескольких задач: привлечению большего количества участников и обеспечению качественной и профессиональной оценки проектов, расширению географии конкурса, образованию площадки для обмена опытом, современными технологиями и методиками [5].

К участию в конкурсе приглашаются организаторы культурно-массовых и спортивных мероприятий; исторических реконструкций; фестивалей и праздников; регионального, федерального уровня – авторы или авторские коллективы из числа государственных, коммерческих и некоммерческих организаций, мероприятий деловой направленности [3].

16–17 ноября 2012 г. в Воронеже прошел финал первой национальной премии в области событийного туризма. Организатором премии был Консалтинговый центр «Ингруп». Эта компания работает на региональном рынке с 2006 года и оказывает представительские услуги в Воронеже и Воронежской области Центрально-Черноземного региона: помогает в решении различных задач в коммуникационной, юридической и финансовой сферах. Специалисты компании оказывают широкий комплекс услуг по развитию общественных и деловых связей на всех этапах: от разработки концепции до реализации проекта через СМИ, Интернет, рекламные акции и PR-мероприятия.

На соискание премии в 2012 г. было подано 114 заявок из многих регионов России. На получение национальной премии претендо-

вало 35 участников: из Вологды, Воронежа, Ейска, Ельца, Кирова, Курска, Липецка. В первый день состоялись публичные презентации проектов, вошедших в шорт-лист премии. Лауреаты были названы на торжественной церемонии награждения в Воронеже после двух дней презентаций, с помощью которых участники делились опытом организации международных и всероссийских мероприятий. Им было необходимо доказать влияние своих проектов на развитие региона. Из 25 регионов, принявших участие, 13 стали лауреатами или дипломантами премии [1].

Лучшим проектом в области культуры признан ежегодный международный джазовый фестиваль «Jazz May» Пензенской областной филармонии. «Jazz May» представляет тренды джазовой музыки в исполнении лучших мировых музыкантов, поддерживает начинающих исполнителей. Пензенский проект отличается технологичностью, тиражируется с вовлечением максимального количества самых неожиданных целевых аудиторий.

В области спорта лауреатом стали международные спортивные игры «Дети Азии». Эти международные юношеские соревнования по летним и всесезонным видам спорта проводят один раз в 4 года и охватывают всю Азиатскую часть материка. Они способствуют налаживанию международного сотрудничества, укреплению контактов студенческой молодежи, детей и юношества.

Лучшим проектом исторической направленности был признан Международный фестиваль исторической реконструкции «Русборг». Он проводится два раза в год и реконструирует раннее Средневековье: IX—XI в. («эпоху викингов»). Одной из концепций фестиваля является воспитание подрастающего поколения.

Лучшим проектом по популяризации народных традиций и промыслов стал областной фестиваль мастеров народных промыслов «Вятский лапотъ». Он проходит в поселке Кильмезь Кировской области. Проводятся мастер-классы, народные гуляния, выставки работ. В фестивале участвуют народные коллективы с песнями, танцами, частушками, детский ансамбль и хор ветеранов. На фестивале плетут лапти, ходят в них, и даже проводят спартакиаду в лаптях.

В сфере экологии лучшим проектом стала обучающая программа «Степной край Дивногорье». Разнообразные экскурсионные маршруты знакомят посетителей с меловыми столбами и скалами из мела, с археологическим комплексом памятников времен Хазарского каганата.

Лучший проект деловой направленности — Новосибирский международный инновационный форум «Интерра». Ключевой идеей направления является демонстрация готовности инновационных регионов выступать заказчиками развития инновационной экономики и социальной сферы. Проект стимулирует ее экономическое и культурное развитие, расширяет партнерские связи и инвестиционный потенциал региона.

Проект «Сказочная карта России» удостоен звания лауреата конкурса среди проектов по популяризации событийного туризма. Данный проект также получил специальный приз «За лучшую презентацию». На сказочной карте России обозначаются места обитания исконно русских персонажей сказок.

Призом «За вклад в развитие событийного туризма» награжден заслуженный фермер России, атаман станицы Эртильской, руководитель музея под открытым небом «Деревенька XVII—XIX вв.» Владимир Брежнев. В музее собраны инструменты, предметы утвари XVII—XIX вв. [3].

С 9 по 11 декабря 2013 г. во Владимире и Суздале прошли финальные мероприятия II Национальной премии в области событийного туризма «Russian Event Awards» в рамках Форума «Событийный капитал региона: сохранить и приумножить». Всего на соискание премии было представлено 232 проекта, представляющие 101 регион страны. Свои презентации в финале премии представили авторы 73 проектов из 41 населенного пункта России. Победителями конкурса стали проекты, представляющие 27 регионов [5].

В 2014 г. пройдут региональные конкурсы национальной премии в области событийного туризма «Russian Event Awards» на территории Центрального федерального округа в Ярославле, на территории Сибирского и Дальневосточного федеральных округов во Владивостоке, на территории Южного и Северо-Кавказского федеральных округов в Ростове-на-Дону.

Таким образом, национальная премия «Russian Event Awards» является популярной и значимой в области событийного туризма, привлекая общественными событиями, уникальностью, неповторимостью мероприятий. С каждым годом расширяется состав учредителей премии, увеличивается количество представленных проектов, становятся более разнообразными номинации премии. Премия «Russian Event Awards» является механизмом развития в индустрии событийного туризма.

Литература

1. Вести ПК в Воронеже [Электронный ресурс]. – URL: <http://vrn.vestipk.ru/?p=61302> (дата обращения: 15.03.14).
2. Все включено. Отдых, недвижимость, бизнес [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.magazine-rest.in.ua/ru/> (дата обращения: 22.03.14).
3. НАОМ. Национальная Ассоциация Организаторов Мероприятий. [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.eventros.ru/> (дата обращения: 25.03.14).
4. City Branding blog [Электронный ресурс]. – URL: <http://citybranding.ru/> (дата обращения: 27.03.14)
5. Жукова М. А. Индустрия туризма: менеджмент организации / М. А. Жукова. – М. : Финансы и статистика, 2006. – 197 с.

ТИПОЛОГИЯ РОССИЙСКИХ КИНОФЕСТИВАЛЕЙ

С. Н. Чайкина, студентка 3 курса

Научный руководитель – д-р культурологии, проф. Т. А. Дьякова

С момента появления кинематографа возник вопрос о качественной оценке фильмов. Один из объективных показателей успеха киноленты – кассовый сбор с проката. Но учитывать только этот факт неверно, так как все фильмы изначально находятся в разных условиях. Одни, соответствуя запросам массового зрителя, демонстрируются в большинстве кинотеатров, другие же, в съемочной группе которых нет известных актеров и деятелей кино, не имеют средств на рекламу и показываются далеко не на всех киноплощадках, либо совсем не попадают в прокат. А помимо всего, сбор с проката может отразить лишь успех работы в целом, но не вклад отдельных членов съемочной группы. Для решения указанных проблем оценки кино, в мире регулярно проводится множество кинофестивалей, вручаются кинопремии. Кинофестивали обычно сопровождаются публичным показом фильмов из программы мероприятия и приездом авторов. Кинофестивали организуются для решения определенных кинематографических задач. В рамках мероприятия исследуются современные тенденции в кинематографе, демонстрируются картины, не попавшие

в широкий кинопрокат. Благодаря фестивалям налаживается культурный обмен между странами, укрепляются международные связи.

Каждый год на территории России проводится более 100 кинофестивалей. В последние годы наблюдалась тенденция к увеличению числа смотров, фестивалей, недель кино и т. д. (еще 5 лет назад число кинофестивалей было в два раза меньше). По данным Гильдии кинорежиссеров России, более 50 фестивалей имеют международный статус, почти 40 кинофестивалей — национальный, около 10 фестивалей считаются зрительскими (внеконкурсными) [2, с. 76].

Наиболее престижными кинофестивалями являются смотры с конкурсной программой, имеющие аккредитацию Международной федерации ассоциации кинопродюсеров (фр. Federation International des Associations de Producteurs de Films, FIAPF). Это международные фестивали, которые проводятся ежегодно, пользуются поддержкой местной киноиндустрии, и в одной стране может быть только один такой киносмотр. На сегодняшний день аккредитацию FIAPF имеют 14 конкурсных кинофестивалей, среди которых Московский международный кинофестиваль (ММК). Аккредитованы и 5 кинофестивалей документального и короткометражного кино, в их число входит Международный кинофестиваль «Послание к человеку» в Санкт-Петербурге.

Кинофестивали в России также можно разделить на фестивали, где представлены все виды кинопродукции (игровые, неигровые фильмы, анимация), и на специализированные фестивали по отдельным темам и направлениям.

К первым относятся: вышеупомянутый фестиваль «Послание к человеку» в Санкт-Петербурге — международный кинофестиваль документальных, короткометражных игровых и анимационных фильмов; «Окно в Европу» в Выборге, созданный для укрепления престижа отечественного кино, популяризации его лучших произведений, включая игровые, неигровые и анимационные фильмы, а также содействия развитию киноиндустрии и кинодистрибуции России. Организаторы фестиваля «КиноШок» в Анапе стремятся выявить и поддержать талантливых кинематографистов, работающих во всех жанрах кинематографа.

Среди специализированных фестивалей стоит отметить Открытый российский фестиваль анимационного кино, проводимый в Суздале, «LINOLEUM» в Москве, участники которых стремятся популяризировать интеллектуальную анимацию и медиа-искусства и

расширять кругозор всех желающих путем их ознакомления с работами художников-аниматоров всего мира.

Значимым событием в мире неигрового кино являются фестивали документальных кинокартин «Россия» в Екатеринбурге, «Артодокфест» в Москве [1, с. 15].

Также в разных городах страны проводятся смотры фильмов, отличающихся авторским своеобразием и рассчитывающих на интерес публики. Примерами могут стать: «Open Cinema» в Санкт-Петербурге, на котором демонстрируется высокий творческий потенциал авторского кино; «Арткино» в Москве, целями которого являются возрождение авторских фильмов в России и привлечение внимания широкой публики к экспериментальному кино; «2morrow» в Москве, который призывает поддержать новые тенденции и направления в современном кинематографе.

На территории России проводится ряд фестивалей, представляющих кинематографию других стран. Это международные кинофестивали стран Азиатско-Тихоокеанского региона «Меридианы Тихого» и «Северный характер», который дает возможность познакомиться с уникальной культурой северных регионов [2, с. 77]. Международный фестиваль мусульманского кино в Казани дает возможность обмена опытом деятелей культуры и искусства России и мусульманских стран ближнего и дальнего зарубежья. Кино СНГ, Латвии, Литвы и Эстонии представлены на фестивале «Киношок» в Анапе, «Voices» в Вологде и т. д.

Существуют тематические фестивали фильмов. В качестве примера может послужить кинопоказ в Сочи «Кино без барьеров», призванный привлечь внимание общественности к проблемам, с которыми сталкиваются инвалиды в повседневной жизни. Международный кинофестиваль фильмов о правах человека «Сталкер» в Москве — это неполитический и некоммерческий проект, главная цель которого — формирование правового сознания общества средствами кинематографа.

Проводятся и жанровые показы детективных, комедийных, спортивных фильмов и др. К ним относится «Золотая Вершина» в Санкт-Петербурге, на котором демонстрируются ленты о спорте и туризме; «ДетективФест» — международный смотр детективных фильмов.

Ежегодно на территории главного киноархива страны (Госфильмофонд России) проходит фестиваль архивного кино «Белые Столбы».

Отдельно стоит отметить фестивали, специально организуемые для показа студенческих фильмов и дебютных работ: международный фестиваль «Дух огня» в Ханты-Мансийске, Международный кинофестиваль ВГИКа, участники которого стремятся продемонстрировать свои первые достижения в кино. «Кинометр» создан для налаживания контактов между киностудиями и режиссерами, приобщения творческой молодежи к кино- и видеоискусству, повышения уровня российского кинематографа, поддержания молодых независимых и непрофессиональных режиссеров, сценаристов, операторов, для которых кинематограф является средством самовыражения, и демонстрации востребованности их работ.

Среди фестивалей, отражающих современные тенденции в развитии короткометражного кино, можно выделить «Метры» в Твери. Здесь организаторы создают пространство для общения молодых авторов и профессионалов из разных стран, передачи знаний и опыта на пути к совершенствованию, пространство, где зритель может увидеть весь срез современного короткометражного киноискусства авторов нового поколения [3, с. 17].

Таким образом, жанровое и стилистическое разнообразие кинофестивалей отражает интенсивное развитие российского кинематографа. Большое количество кинофестивалей способствует не только популяризации отечественного кинематографа, но выполняет и общественно важные функции: привлечение внимания зрителей к проблемам инвалидов и состоянию окружающей среды, возрождение национальных традиций, поддержание различных меньшинств и т. д. К тому же и у любителя кино, имеющего свои предпочтения, всегда есть возможность найти «свой» кинофестиваль — и по его итогам ориентироваться в современных отечественных фильмах.

Литература

1. *Дондурей Д.* Неигровое кино: имитация реальности / Д. Дондурей // Искусство кино. — 2010. — № 1. — С. 15–18.
2. *Леонтьев А. М.* Киноиндустрия Российской Федерации / А. М. Леонтьев. — М. : РОССПЕН, 2013. — 218 с.
3. *Малюкова Л.* Заметки о современном короткометражном кино / Л. Малюкова // Искусство кино. — 2004. — № 10. — С. 13–16.

СВЯЗЬ САМООТНОШЕНИЯ ЛИЧНОСТИ С УРОВНЕМ МОТИВАЦИИ ДОСТИЖЕНИЯ

У. С. Курина, студентка 4 курса

Научный руководитель – канд. психол. наук, доц. Н. М. Пинегина

Такие сложные личностные образования как самооотношение и мотивация, влияющие на многие аспекты жизнедеятельности человека, заслуживают самого пристального внимания к себе. Самоотношение играет ведущую роль в развитии межличностных отношений, в процессах мотивации, в способах формирования и разрешения кризисных и конфликтных ситуаций, т. е., детерминирует значимые для человека сферы жизни, а главное – его комфортное психологическое состояние. Для многих людей в нашей стране мотивация избегания неудач является неотъемлемым спутником жизни, страх собственного «неуспеха» воспитывается с детства. При этом нашему обществу необходимы настойчивые, решительные, активные, стремящиеся к развитию и к высоким результатам в своей профессиональной и творческой деятельности люди. Все эти характеристики присущи людям с адекватным и здоровым самооотношением и с преобладающей мотивацией достижения.

Целью исследования является изучение связи самооотношения личности с уровнем мотивации достижения.

В качестве гипотезы исследования выступает предположение о том, что самооотношение личности связано с уровнем мотивации достижения: чем выше уровень самоуважения и аутосимпатии как составляющих самооотношения, тем выше мотивация достижения; чем выше уровень внутренней конфликтности как составляющей самооотношения, тем ниже мотивация достижения; следовательно, чем выше интегральный показатель самооотношения, тем выше мотивация достижения.

Для проверки гипотезы использовался метод стандартизированного самоотчета, который реализовался следующими методиками.

1. Стандартизированный тест-опросник С. Р. Пантилеева «Методика исследования самооотношения» для изучения самооотношения личности.

2. Тест-опросники Т. Элерса «Методика диагностики мотивации к достижению успеха» и «Методика диагностики мотивации избегания неудач» для изучения силы мотивации к достижению успеха в деятельности.

Объектом эмпирического исследования выступили актеры и танцоры из танцевальной студии «Solo Dance Studio» и работники ООО «Т-Системс Рус». Объем выборки 60 человек.

Одной из проблем исследований самоотношения является неопределенность самого понятия. Мы руководствовались обобщенным понятием В. В. Столина и С. Р. Пантилеева: «самоотношение — это выражение личностного смысла «Я» для самого субъекта, порождаемое мотивами личности» [2, с. 265].

В структуру самоотношения входят девять основных компонентов: саморуководство, самоуверенность, отраженное самоотношение и социальная желательность «Я», которые объединены одним общим фактором — самоуважение; самопривязанность, самооценность, самопринятие объединены в аутосимпатию, а внутренняя конфликтность и самообвинение — в самоуничужение. Организованы эти элементы по принципу динамической иерархии, который заключается в том, что тот или иной фактор может выступать как ядро системы, определяя этим содержание общего самоотношения. На содержание ядерной структуры влияет социальная ситуация развития, во-первых, через иерархию деятельностей и мотивов, по отношению к которым происходит осмысление собственного «Я», во-вторых, через те заданные ею эмоциональные переживания, с помощью которых это осмысление осуществляется [2].

Показателем зрелости самоотношения являются упорядоченность и сбалансированность его компонентов, а также их осознанность самим человеком. Исследования Е. В. Селезневой показали, что чем более структурировано самоотношение, тем более высока значимость сферы профессиональной жизни и ценности саморазвития, что ведет к формированию безусловного самоуважения и способности к самоуправлению, а также повышению уровня мотивации достижения. И наоборот, при ухудшении самоотношения наблюдается повышение мотивации избегания неудач [3].

Таким образом, можно предполагать, что определенные характеристики самоотношения детерминируют стремление к достижению, а мотивация достижения и ее особенности способны изменять само-

отношение человека. Чтобы доказать это, перейдем к анализу феномена мотивации достижения.

Мотивация достижения — это мотивация, направленная на возможно лучшее выполнение любого вида деятельности, ориентированная на достижение некоторого результата, к которому может быть применен критерий успешности; это устойчиво проявляемая потребность индивида добиваться успеха в различных видах деятельности. Эта потребность носит генерализованный характер и проявляется в любой ситуации, независимо от ее конкретного содержания, и, следовательно, влияет на всю личность, в том числе и на самоотношение [4].

Мотивация достижения состоит из двух компонентов: стремлений к успеху и к избеганию неудач. Мы придерживаемся точки зрения о том, что у субъекта может преобладать стремление к успеху или к избеганию неудачи при одновременном присутствии того и другого. Причем это преобладание может быть как на высоком, так и на низком уровне выраженности обоих стремлений [1]. Таким образом, можно предположить, что в различных сферах жизни человека (особенно в учебной и в профессиональной деятельности) человек имеет тенденцию по-разному проявлять мотивацию достижения: либо ближе к стремлению к успеху, либо ближе к избеганию неудач, что в определенной мере зависит от качеств личности, в том числе и от самоотношения.

Далее, рассмотрев теоретическую часть исследования, мы можем перейти к полученным эмпирическим данным.

Было выявлено, что связь существует между фактором аутосимпатии и интегральным показателем самоотношения и мотивацией достижения. Таким образом, гипотеза о том, что чем выше аутосимпатия и самоотношение, тем выше показатель мотивации достижения, подтвердилась. Скорее всего, это означает, что в основном высокие показатели самооценности, самопринятия и самопривязанности обуславливают высокий уровень мотивации достижения, являются основой для стремления к успеху. А связь интегрального показателя самоотношения с мотивацией достижения может свидетельствовать о том, что определенные комбинации основных факторов (уровней самоуважения, аутосимпатии и самоуничижения) ведут к высоким уровням мотивации стремления к успеху.

Подводя итог, следует заключить, что самоотношение личности связано с мотивацией достижения. Можно предположить, что

в основном мотивация достижения коррелирует с аутосимпатией, а значит, связана с эмоциональным отношением личности к своей деятельности и своему поведению. Таким образом, на основе полученных данных возникает возможность открывать новые грани связи самоотношения личности с уровнем мотивации достижения с целью использования новых знаний, закономерностей и особенностей психологами и педагогами для помощи детям и взрослым, страдающим от недостатка сил для достижения желаемых целей и неудовлетворенным своим актуальным положением в профессиональной деятельности.

Литература

1. *Ильин Е. П.* Мотивация и мотивы / Е. П. Ильин. — СПб. : Питер, 2002. — 512 с.
2. Психология самосознания : хрестоматия / ред.-сост. Д. Я. Райгородский. — Самара : БАХРАХ-М, 2003. — 672 с.
3. *Селезнева Е. В.* Самоотношение как акмеологический феномен / Е. В. Селезнева // Мир психологии. — 2008. — № 4. — С. 238—249.
4. *Хекхаузен Х.* Психология мотивации достижения / Х. Хекхаузен. — СПб. : Речь, 2001. — 240 с.

ОСОБЕННОСТИ ДЕТСКО-РОДИТЕЛЬСКИХ ОТНОШЕНИЙ ПОДРОСТКОВ ИЗ СЕЛЬСКОЙ И ГОРОДСКОЙ МЕСТНОСТЕЙ

Т. П. Дробченко, студентка 3 курса

Научный руководитель — В. А. Тенькова

Подростковый возраст (отрочество) характеризуется психологами как переходный, сложный, критический и имеет важнейшее значение в становлении личности человека. Изменения, происходящие в этом возрасте, затрагивают и детско-родительские отношения.

Данная тема изучалась в работах следующих ученых: Г. Г. Силласте рассматривала особенности детско-родительских отношений, причины возникновения конфликтов в сельской семье; М. М. Плоткин и В. М. Басов выделяли функции сельской семьи; Г. И. Репринцева исследовала влияние современной сельской семьи на внутри-

семейные отношения и уровень гармоничности детско-родительских отношений.

Актуальность нашей работы обусловлена необходимостью пополнения теоретического и эмпирического материала.

Цель нашего исследования заключается в выявлении особенностей, присущих детско-родительским отношениям подростков в городской и сельской местности, а именно — эмоциональное отношение, общение и взаимодействие, требовательность и контроль со стороны родителей, противоречивость, непоследовательность в воспитании.

Объектом теоретического исследования являются детско-родительские отношения у подростков из городской и сельской местности.

Предмет исследования — особенности детско-родительских отношений подростков из городской и сельской местности.

Объектом эмпирического исследования являются подростки из сельской местности в количестве 30 человек и подростки из городской местности в количестве 30 человек.

Базой эмпирического исследования послужила МОУ «Россошанская школа», Репьевского района, Воронежской области и МБОУ СОШ № 5, г. Воронежа.

При исследовании использовался метод стандартизированного самоотчета — методика «Детско-родительские отношения подростков» П. Трояновской (ДРОП) [1].

В качестве гипотезы исследования выступает предположение о том, что существуют особенности детско-родительских отношений подростков из городской и сельской местности. Сходство наблюдается в особенностях эмоциональных отношений (эмоциональная дистанция, уровень эмпатии является одинаковым для подростков из городской и сельской местностей), в контроле со стороны родителей (родители из городской и сельской местностей предъявляют свои требования и контролируют подростков в одинаковой степени). Различия наблюдаются в особенностях общения и взаимодействия (у сельских подростков сотрудничество с родителями проявляется в большей степени, нежели у городских подростков; детско-родительским отношениям в городской местности характерен меньший уровень конфликтности, чем отношениям в сельской местности) и в противоречивости отношений (для сельских родителей в большей степени, чем для городских родителей характерна непоследовательность в воспитании).

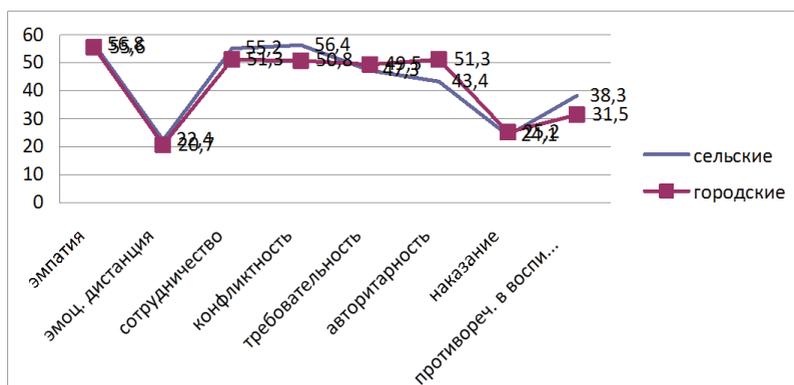

Рис. 1. Различия между детско-родительскими отношениями подростков из городской и сельской местности

В научной литературе отмечается, что детско-родительским отношениям городских подростков присуща большая требовательность, авторитарность, степень наказания за проступки со стороны родителей, меньше понимания родителями чувств ребенка и меньше совместного и равноправного выполнения заданий вместе. Для этих отношений характерна меньшая эмоциональная дистанция, не интенсивность конфликтов и большая однозначность в приемах воспитания у родителей.

Для сельских подростков в отношениях с родителями характерно больше эмпатии со стороны родителей, совместное выполнение различных заданий, меньшее количество и качество декларируемых требований и меньшая демонстрируемость власти родителей. Но, вместе с тем, в сельской семье большая интенсивность конфликтов, невысокое качество эмоциональной связи между родителями и подростками, и часто возникает противоречивость и неоднозначность в методах воспитания у родителей [1, 2].

Математический аппарат, используемый при обработке полученных данных, — критерий Манна — Уитни.

В результате эмпирического изучения особенностей детско-родительских отношений у сельских и городских подростков, были выявлены различия и сходства.

1. В особенностях эмоциональных отношений с родителями не было выявлено различий, что говорит о том, что условия проживания

(сельская/городская местность) не влияют на принятие, эмпатию, эмоциональную дистанцию подростков с родителями.

2. При изучении особенностей общения и взаимодействия, было выявлено существование различий. Для сельских семей характерна большая конфликтность и большая степень сотрудничества родителей с детьми, нежели для семей из городской местности.

3. При изучении блока контроля, включающего в себя требовательность, авторитарность, особенности поощрения и наказания, также были выявлены различия между городскими и сельскими семьями. А именно, родители из городской местности, в отличие от родителей из сельской местности, более требовательны и авторитарны в методах воспитания. Для сельской семьи характерна меньшая степень наказания за проступки подростков, нежели для городской семьи.

4. Различия были выявлены и при изучении противоречивости, непоследовательности и неуверенности в воспитании. Для сельских семей характерна большая степень противоречивости и непоследовательности в воспитании, нежели для семей из города.

Таким образом, в результате проведенного исследования, наша гипотеза частично подтвердилась. Гипотеза подтвердилась в том, что:

1) не было выявлено различий в эмоциональных отношениях с родителями (у подростков, проживающих в сельской и городской местности эмоциональная связь с родителями находится на одном и том же уровне);

2) у сельских подростков сотрудничество с родителями проявляется в большей степени, нежели у городских подростков;

3) детско-родительским отношениям в городской местности характерен меньший уровень конфликтности, чем детско-родительским отношениям в сельской местности;

4) для родителей из сельской местности в большей степени, чем для родителей из городской местности характерна непоследовательность, противоречивость в воспитании.

Итак, в результате нашего исследования было выявлено, что родители из городской местности более требовательны и авторитарны, чем родители из сельской местности, таким образом, данная часть гипотезы не подтвердилась.

Проведя теоретический анализ литературы по данной теме, и эмпирическое исследование, мы можем сделать вывод, что социальные условия проживания играют большую роль в формировании особенностей детско-родительских отношений у подростков.

Литература

1. *Карбанова О. А.* Психология семейных отношений и основы семейного консультирования : учебное пособие / О. А. Карбанова. — М. : Гардарики, 2005. — 320 с.
2. *Мухина В. С.* Возрастная психология. Феноменология развития : учебник для студ. высш. учеб. заведений / В. С. Мухина. — М. : Академия, 2006. — 608 с.

ВЛИЯНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ СИТУАЦИЙ НА ОБРАЗНО-СМЫСЛОВУЮ СФЕРУ ЛИЧНОСТИ

Е. И. Млавец, магистрант 2 курса

Научный руководитель — канд. психол. наук Е. Н. Лисова

Мы живем в таком мире, где чрезвычайные ситуации поджидают нас на каждом шагу. Чрезвычайная ситуация — это обстановка на определенной территории, сложившаяся в результате аварии, стихийного или иного бедствия, которая может повлечь за собой человеческие жертвы, ущерб здоровью людей или окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушения условий жизнедеятельности людей.

Как во время чрезвычайных ситуаций, так и после них, у человека возникают различные негативные психические состояния, которые характеризуются острыми или хроническими эмоциональными переживаниями. В свою очередь, эти переживания — страх, паника, ужас, отчаяние — могут достигать такой степени интенсивности, что оказывают на человека дезорганизующее воздействие. Человек перестает правильно воспринимать окружающую действительность, принимать правильные решения для выхода из сложившейся ситуации и т. д. Одним из самых страшных последствий является то, что человек перестает верить в перспективность своей жизни, а порой, и просто в ее смысл.

Чрезвычайные ситуации характеризуются, прежде всего, сверхсильным воздействием на психику человека, что вызывает у него травматический стресс. Психологические последствия травма-

тического стресса в крайнем своем проявлении выражаются в посттравматическом стрессовом расстройстве (ПТСР), возникающем как затяжная или отсроченная реакция на ситуации, сопряженные с серьезной угрозой здоровью или жизни. ПТСР может развиваться в катастрофических обстоятельствах практически у каждого человека даже при полном отсутствии явной личной предрасположенности [4].

Травматический стресс – особая форма общей стрессовой реакции. Как известно, стресс есть неспецифический ответ организма на любое изменение условий, требующее приспособлений. Стресс становится травматическим, когда перегружаются психологические, физиологические, адаптационные возможности человека и разрушается защита, когда результатом воздействия стрессора является нарушение в психической сфере по аналогии с физическими нарушениями [4]. В качестве стрессора в таких ситуациях выступают травматические события, обладающие мощным негативным последствием.

Согласно Международной классификации болезней (МКБ-10) вслед за травмирующими событиями, которые выходят за рамки обычного человеческого опыта, может развиваться посттравматическое стрессовое расстройство.

Под «обычным» человеческим опытом понимают такие события, как утрата близкого человека, произошедшая в силу естественных причин, хроническая тяжелая болезнь, потеря работы или семейный конфликт. К стрессорам, выходящим за рамки обычного человеческого опыта, относят события, способные травмировать психику практически любого здорового человека: стихийные бедствия, техногенные катастрофы, а также события, являющиеся результатом целенаправленной, часто преступной деятельности (диверсии, террористические акты, пытки, массовое насилие, боевые действия, попадание в «ситуацию заложника», разрушение собственного дома и т. д.)

ПТСР представляет собой комплекс реакций человека на травму, где травма определяется как переживание, потрясение, которое у большинства людей вызывает страх, ужас, беспомощность. Это, в первую очередь, ситуации, когда человек сам пережил угрозу собственной жизни, смерть или травмирование другого человека. Предполагается, что симптомы могут появиться сразу после пребывания в травматической ситуации, а могут возникнуть спустя много лет – в этом особая каверзность посттравматического стрессового расстройства [2].

Как известно из ряда исследований, посвященных изучению посттравматических стрессовых состояний [Н. В. Тарабрина, Е. О. Лазебная, М. Е. Зеленова, 1994, 1996, 1997], некоторые люди, пережившие психотравмирующую ситуацию, связанную с угрозой жизни, продолжают чувствовать, что травма продолжает оставаться актуальным моментом их жизни, заполняя все пространство прошлого, настоящего и будущего. Прошлое «раскалывается» на время «до» и «после» травмы, настоящее мучительно, будущего как будто бы нет или оно «обесточено»: желания, цели, планы — все, что движет человеком в обычной жизни, парализовано. Это состояние обозначено как чувство укороченной жизненной перспективы.

Как правило, жертвы травматического стресса теряют интерес и к жизни в целом, и к тем занятиям, которые раньше имели для них смысл и доставляли удовольствие, а также испытывают чувство отгороженности от других людей [3].

Под воздействием травматической ситуации нарушается также процесс восприятия непрерывности жизни, и разрушаются индивидуальные объяснительные схемы, которые до травматического воздействия делали субъективный мир понятным и предсказуемым. В случае, когда когнитивные схемы нарушены, человек не может предвосхищать будущее и строить планы, поскольку ему просто не на что опереться, а это сопровождается острым состоянием эмоционального дистресса.

Нетравмированная когнитивно-эмоциональная сфера личности позволяет осуществлять жизненную перспективу, руководствуясь намеченными целями, планами, желанием реализовать свою активную позицию [1]. Это становится возможным только в случае, если человек чувствует себя в безопасности, его представления о себе и мире достаточно устойчивы и не подвергались воздействию травмы.

Психологическим механизмом выживания в чрезвычайной ситуации, когда образ жизни приходится почему-либо менять или наоборот, отстаивать вопреки воздействию неблагоприятных обстоятельств, в том числе трагических, является воля к жизни. Чтобы запустить «волю к жизни» как механизм выживания в чрезвычайной ситуации, необходим достаточно сильный мотив, который можно назвать «жажда жизни», ибо воля в качестве аварийного механизма реализации смысла жизни в образ жизни предполагает тотальную

мобилизацию всех сил личности, всего наличного духовного, душевного и физического здоровья. Цель такой мобилизации — преодолеть кризис и вернуться к нормальному состоянию. Таким образом, перед человеком, пережившим экстремальную, кризисную ситуацию, встает необходимость не только справиться с возникшими вследствие травматического воздействия переживаниями и необходимостью восстановления разрушенной когнитивно-эмоциональной структуры, но также становится важным осознание смысла происшедшего и зачастую — смысла своей настоящей и дальнейшей жизни, ее переосмысление, формирование новых смысловых ориентиров. Нарушение восприятия прошлого, настоящего и будущего, чувство «укороченной жизненной перспективы», потеря интереса к жизни в целом, чувство «отгороженности» от других людей, нарушение взаимоотношений с окружающими и самоотношения, разрушение индивидуальных когнитивно-эмоциональных схем, ранее объяснявших и предсказывавших происходящее в субъективном и объективном мире, вследствие чего невозможность осуществления жизненных целей, планов, реализации себя, наконец, ощущение непонимания или отсутствия смысла происходящего и жизни в целом, — все это позволяет говорить о непосредственном травмирующем воздействии кризисных и экстремальных ситуаций на образно-смысловую сферу личности.

Литература

1. *Абульханова-Славская К. А.* Жизненные перспективы личности. Психология личности и образ жизни / К. А. Абульханова-Славская. — М. : Мысль, 1987. — 236 с.
2. *Конторович В. А.* Психологическая помощь в кризисных ситуациях / В. А. Конторович, Е. И. Крукович, В. Г. Ромек. — СПб. : Речь, 2004. — 256 с.
3. *Миско Е. А.* Особенности жизненной перспективы у ветеранов войны в Афганистане и ликвидаторов аварии на ЧАЭС / Е. А. Миско, П. В. Тарабрина // Психол. журнал. — 1994. — № 3. — С. 44–52.
4. *Тарабрина П. В.* Практикум по психологии посттравматического стресса / П. В. Тарабрина. — СПб. : Питер, 2001. — 272 с.

РОЛЕВЫЕ ОЖИДАНИЯ И ПРИТЯЗАНИЯ СУПРУГОВ В БРАКЕ

В. Е. Казмина, студентка 3 курса

Научный руководитель — канд. психол. наук, доц. Н. М. Пинегина

По мнению ряда исследователей, современный брак переживает глубокий кризис, или период кардинальных перемен. Брачно-семейные отношения продолжают оставаться одной из ведущих социальных ценностей, но изменяются по форме и содержанию. Эти изменения приводят к возрастающей популярности гражданского брака.

В семейном благополучии многое зависит от того, с какими идеальными представлениями молодые люди вступают в брак, как они себе представляют супружеское счастье. Между идеальными представлениями и реальными взаимоотношениями людей всегда есть значительные расхождения. Чаще всего причина распада семей заключается в завышенных ожиданиях от брака.

В целом, несовпадение ролевых ожиданий и притязаний супругов является причиной серьезных проблем в браке, особенно у молодых людей без опыта семейной жизни.

Сочетание ожиданий и притязаний супругов и их реализация в семейной жизни определяет ролевое поведение человека в браке.

В целом семейно-ролевая сфера, т. е. совокупность элементов ролевого поведения, подразумевает 2 аспекта.

1. Степень согласованности семейных ценностей.
2. Степень согласованности ролевых представлений о функциях (ролях) мужа и жены в семье [1].

Ролевые ожидания, притязания и ролевое поведение супругов в браке при анализе супружеской совместимости учитывают многие психологические подходы, например, социокультурный подход. По мнению его сторонников, совместимость супругов определяется, прежде всего, соотношением их ролевых ожиданий и притязаний.

Другой исследователь, К. Кристенсон, выделил пять типичных проблем, которые могут возникать по причине неправильного распределения ролей в семье.

1. Несоответствие возможностей данного супруга той роли, которую он должен выполнять в семье.
2. Различия в представлениях супругов о характере выполняемых мужем и женой ролей.

3. Несогласованность партнеров по поводу выполнения каждым из них одной роли.

4. Выполнение конкретной роли не соответствует ожиданиям партнера.

5. Личная неудовлетворенность кого-то из супругов в исполнении собственной роли [2].

Если обобщить эти возможные проблемы, можно сказать, что они являются вариантами проявления ролевой неадекватности партнеров, т. е. несоответствия их ролевых ожиданий и притязаний.

Некоторые исследователи называют ожидания и притязания в браке брачным соглашением. Данное понятие предложено психодинамическим подходом, где традиционно уделяется большое внимание неосознаваемым или плохо осознаваемым элементам поведения. Это представления индивида о том, как должен вести себя в семье он сам и как должен вести себя супруг. Оно может касаться всех аспектов семейной жизни, включая внесемейные контакты, карьеру, физическое здоровье, деньги и т. д. Это соглашение имеет взаимный характер, поскольку содержит то, что каждый предполагает дать и что хочет получить, проще говоря, включает в себя ролевые ожидания и притязания супругов.

При гармоничном супружестве ожидания супругов относительно поведения друг друга совпадают, в этом случае «договор соблюдается». В случае дисгармоничного супружества у супругов присутствует ощущение, что «договор не соблюдается». Это может иметь место в том случае, если взаимные ожидания партнеров слишком различны. Вследствие того, что каждый ведет себя иначе, чем от него ждут, возникает ощущение обмана и чувство беспокойства и тогда речь идет о ролевой неадекватности.

Таким образом, «супружеское соглашение» — это ожидания партнеров в браке относительно друг друга, которые в случае их неосознанности и невербализованности могут препятствовать формированию внутрисемейной коммуникации [3].

Точка зрения К. Роджерса обобщает все вышесказанное. Он говорит о том, что один из факторов, который может играть и положительную, и отрицательную роль в построении семьи в зависимости от придаваемого ему значения, — это набор социальных ожиданий, присущих данной культуре или субкультуре. Жизнь, выстроенная исключительно согласно ролевым ожиданиям, представляется полностью не совместимой со взаимоотношениями, которые к чему-то движутся,

находятся в процессе развития [4]. Например, опыт, приобретаемый ребенком в родительской семье, накладывает отпечаток и на взаимодействие с окружающими, и на формирование ожиданий по отношению к своему избраннику и по отношению к самому себе. Партнеры не должны позволять себе следовать шаблону ролевых ожиданий, какими бы авторитетными те ни казались.

Литература

1. *Ковалев С. В.* Психология семейных отношений / С. В. Ковалев. — М. : Педагогика, 1987. — 159 с.
2. *Лидерс А. Г.* Психологическое обследование семьи : учеб. пособие-практикум / А. Г. Лидерс. — М. : Академия, 2006. — 432 с.
3. *Посысов Н. Н.* Основы психологии семьи и семейного консультирования / Н. Н. Посысов. — М. : ВЛАДОС — ПРЕСС, 2004. — 328 с.
4. *Роджерс К.* Психология супружеских отношений / К. Роджерс. — М. : Эксмо, 2002. — 288 с.

ФЕМИНИЗМ: ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ

О. Е. Бородина, студентка 3 курса

Научный руководитель — канд. психол. наук, доц. Н. М. Пинегина

Для психологической науки неоспоримым фактом является наличие гендерных различий. И, как это часто случается в обществе, различия влекут за собой дискриминацию. Именно здесь и становится актуальным такое понятие как «феминизм». Оно очень широко изучается социологией и недостаточно — психологией. Однако, на наш взгляд, феминизм означает не только и не столько принадлежность к социальному движению. «Феминистками» и «феминистами» называют не исключительно тех, кто состоит в соответствующих организациях, но также и тех, кто придерживается определенного образа жизни, специфических взглядов относительно гендерных стереотипов. Именно это, как нам кажется, позволяет говорить о феминизме как о внутренней, психологической переменной.

В литературе феминизм определяется по-разному: социально-политическая теория, социальное движение, идеология, философская

концепция, методология исследования, стиль жизни и т. д. Единого определения, как и единого направления нет. Насчитывается более 70 направлений, основными из которых являются: либеральный феминизм, марксистский и социалистический феминизм, радикальный феминизм, культурный феминизм, сепаратистский и лесбийский феминизм, анархофеминизм, психоаналитический, сексуально-либеральный (секс-позитивный) феминизм, экофеминизм, постмодернистский (включающий в себя *queer-theory*), постколониальный феминизм, поп-феминизм и др. Более того, встречается идея о том, что феминизм индивидуален и его разновидностей ровно столько же, сколько и феминисток(-ов) [5, 8, 9, 10].

Однако, как правило, все направления группируются следующим образом: либеральный, социалистический, радикальный, психоаналитический и постмодернистский феминизм.

Либеральный феминизм (представители: Бетти Фридан, Эллис Росси, Жанет Рэдклифф, Ричардс Сюзан, Моллер Окин, Натали Блюстоун) отстаивает идею о равенстве мужчин и женщин в понимании одинаковости, необходимости обеспечения для них равных прав и возможностей. Некоторые представители также настаивали на отсутствии при этом каких-либо привилегий для женщин, например, со стороны работодателей. Также, поскольку женщины стремились равняться на мужчин, игнорировались некоторые специфические женские роли, к примеру, материнская.

Социалистический феминизм (представители: Фридрих Энгельс, Александра Коллонтай, Клара Цеткин, Август Бебель, Эмма Голдман, Синтия Кокберн, Мери Эванс, Зилла Айзенштейн, Мэри О'Брайен, Джулиет Митчелл, Хайди Хартманн, Айрис Янг, Алисон Джэггар, Андриенна Рич, Маргарет Бенстон) основывался на социально-экономической природе гендерного неравенства. Основными причинами дискриминации женщин считались частная собственность (половая дискриминация приравнивалась к классовой, а патриархат связывался с капитализмом) и роль женщины в воспроизводстве человека. Поднимались вопросы о двойной нагрузке женщин: как работников и как матерей и домохозяек.

Радикальный феминизм (представители: Симона де Бовуар, Кейт Миллет, Суламифь Файрстоун, Андреа Дворкин, Кристина Дельфи, Мэри Дейли, Ненси Чодороу) поставил проблему подавления женского в культуре. Женщина объяснялась в терминах непатриархатной культуры, как отличная от мужчины, противопоставленная ему.

Особое внимание уделялась вопросам деторождения, материнства и женской сексуальности.

Психоаналитический феминизм (представители: Джулиет Митчелл, Жермина Гриер, Дороти Диннерстайн, Нэнси Чодороу, Альфред Адлер, Карен Хорни, Клара Томсон, Керол Гиллиган) выдвигал идею о большом влиянии культуры на развитие психики человека и социальном объяснении его поведения. Причина проблем во взаимоотношениях мужчин и женщин объяснялась специфической природой мужской и женской психики, продуцируемой эдиповым комплексом и комплексом кастрации. Также развивалась идея двойного родительства, т. е. максимального включения отца в процесс воспитания ребенка и ухода за ним.

Постмодернистский феминизм/постфеминизм (представители: Кристина Дельфи, Моника Плаза, Моника Виттиг, Торил Мой, Алиса Жардий, Люси Иригарэй, Юлия Кристнева, Элен Сиксу, Джудит Батлер, Роза Брайдотти) выдвигает идею женственности как инаковости через способ бытия, мышления и говорения. При этом инаковость (как маргинальность, непривилегированность) утверждалась в позитивном смысле. Бинарная же оппозиция маскулинного и феминного в обществе, с точки зрения постфеминизма, должна быть переконструирована в ценностях открытости, плюрализма и разнообразия. Еще одна идея — создание и репрезентация множественных альтернативных форм феминистской субъективности [1, 2, 7].

Т. А. Клименкова, указывая на многообразие теоретических устремлений феминизма, называет общий круг тем: обсуждение специфики позиции женщины в обществе; проблемы политического, экономического и сексуального подавления женщин; проблема природы женщины и сущности традиционного способа воспроизводства женственности и т. д. [7].

Феминизм как методология исследования заключается, прежде всего, в отходе от мужских моделей, поиске неизученной женской специфики. Сюда входят: развитие идей З. Фрейда о формировании гендерных различий, изучение субъективности, сексуальности и характера желания женщины, сравнение мужской и женской любви, создание концепции «женского языка», изучение queer-субъективности (в том числе лесбийской субъективности) и др. [3, 4].

В настоящее же время феминизм ориентирован не только на проблемы, связанные с женской гендерной ролью, но и на аналогич-

ные мужские проблемы. Более того, поднимается также вопрос об учете и изучении проблем женщин с оглядкой на специфику их культуры, национальности, классовой принадлежности.

Итак, изучив различные варианты проявления феминизма в общественной жизнедеятельности, мы можем вновь обратиться к его определению. Перед этим считаем нужным указать на еще два описания феминизма, которые показались нам наилучшим образом обобщающими различные мнения.

МакКормик под феминизмом понимает движение, объединяющее мужчин и женщин, которые совместно борются за равноправие полов [6].

М. Сабунаева, психолог и активист феминистского движения, составила так называемый «Тест на феминизм», в основу которого легли гендерные стереотипы, ограничивающие женщин. По ее словам, несогласие с большей частью пунктов и является феминизмом [8].

Таким образом, учитывая изложенные трактовки, перечислим все наиболее типичные для представителей феминистских взглядов черты:

- 1) наличие не только феминисток, но и феминистов, т. е. отсутствие половой специализации феминизма;
- 2) несогласие с гендерными стереотипами, оказывающими ограничивающее влияние;
- 3) забота о равных правах, т. е. о равной возможности реализации себя в обществе;
- 4) рассмотрение не только общеженских проблем, но и учет специфики культурной и классовой принадлежности;
- 5) расширение круга вопросов до мужских проблем.

Учитывая все вышеперечисленное, мы можем сформулировать определение феминизма следующим образом.

Феминизм — это субъективное непринятие гендерных стереотипов, создающих ограничения и ущемляющих возможность самореализации для представителей любого из полов.

При таком определении мы получаем возможность изучать феминизм уже как психологическую категорию (качество, которое может в той или иной степени наличествовать у человека независимо от его сознательного причисления себя к тому или иному направлению феминистского движения) и, следовательно, его взаимосвязь с другими психологическими категориями.

Литература

1. *Воронина О. А.* Феминизм и гендерное равенство / О. А. Воронина. — М. : Эдиториал УРСС, 2003. — 320 с.
2. Гендерная психология / под ред. И. С. Клецкиной. — СПб. : Питер, 2009. — 496 с.
3. *Жеребкина И.* «Прочти мое желание...». Постмодернизм. Психоанализ. Феминизм / И. Жеребкина. — М. : Идея-Пресс, 2000. — 256 с.
4. *Жеребкина И.* Страсть. Женское тело и женская сексуальность в России / И. Жеребкина. — СПб. : Алетейя, 2001. — 336 с.
5. *Зарубей Е. А.* Феминистка или женщина: размышления по поводу Internet-ресурсов / Е. А. Зарубей // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. — 2009. — Вып. 92. — С. 250—255.
6. *Ильин Е. П.* Пол и гендер / Е. П. Ильин. — СПб. : Питер, 2010. — 688 с.
7. *Ожигова Л. Н.* Психология гендерной идентичности личности / Л. Н. Ожигова. — Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2006. — 275 с.
8. Я феминистка. Вы хотите об этом поговорить? Сборник феминистских автобиографических текстов / под ред. М. Л. Сабунаевой. — СПб., 2011. — 192 с.
9. *Groeneveld E.* 'Be a feminist or just dress like one': BUST, fashion and feminism as lifestyle / E. Groeneveld // Journal of Gender Studies. — 2009. — Vol. 18, № 2. — P. 179—190.
10. *Winch A.* 'Your new smart-mouthed girlfriends': postfeminist conduct books / A. Winch // Journal of Gender Studies. — 2011. — Vol. 20, № 4. — P. 359—370.

САМООТНОШЕНИЕ ЮНОШЕЙ С РАЗНОЙ СТЕПЕНЬЮ ЗАВИСИМОСТИ ОТ ОНЛАЙН-ИГР

О. Е. Трунова, студентка 4 курса

Научный руководитель — канд. психол. наук А. А. Меланьина

Проблема зависимости в целом, и зависимости от онлайн-игр в частности, является важной в современной психологии. Зависимое поведение понимается как один из типов отклоняющегося поведе-

ния, связанного с формированием стремления к уходу от реальности путем искусственного изменения своего психического состояния посредством приема психоактивных веществ или постоянной фиксации внимания на определенных видах деятельности с целью развития и поддержания интенсивных эмоций [1]. Зависимость оказывает негативное влияние как на общество в целом, так и на каждую личность, подверженную зависимому поведению. Одним из видов зависимостей является зависимость от онлайн-игр, которая в настоящее время приобретает все большую распространенность в связи с развитием и совершенствованием онлайн-игр, становящихся все более разнообразными, реалистичными, красочными.

Психологическому исследованию зависимости посвящено большое количество работ, в которых рассматриваются как исследования зависимости в целом, так и игровой, компьютерной зависимости, в частности. Но, следует отметить недостаточную разработанность темы зависимости от онлайн-игр на данный момент.

Таким образом, актуальность исследования обусловлена распространенностью проблемы зависимого поведения в современном обществе и недостаточной разработанностью проблемы зависимости от онлайн-игр, которая в последнее время становится все более распространенной среди не только подростков, но также юношей и зрелых личностей.

Целью нашего исследования является изучение самоотношения юношей с разной степенью зависимости от онлайн-игр.

Объектом нашего исследования выступают юноши с зависимостью от онлайн-игр, а предметом является самоотношение юношей с разной степенью зависимости от онлайн-игр.

Гипотеза исследования заключается в предположении о том, что самоотношение у юношей с разной степенью зависимости от онлайн-игр различно.

Много исследований посвящено изучению самоотношения в юношеском возрасте. Подчеркивается, что по мере взросления и по мере накопления опыта реальной деятельности и общения, складывается более реалистичная оценка собственной личности и возрастает независимость от мнения родителей и учителей. Позитивная Я-концепция, чувство самоуважения, самооценности благоприятно сказывается на постановке перспективных целей и активном стремлении к их достижению. Отрицательная Я-концепция (проявления которой — низкая самооценка и низкий уровень притязаний, слабая

вера в себя, боязнь получить отказ) воздействует наиболее негативно. Со сниженным самоуважением и негативной самооценкой связывают социальную пассивность, одиночество, конформистскую позицию, деградацию, агрессивность и, наконец, преступность. В этом возрасте происходит открытие Я, собственного мира мыслей, чувств и переживаний, которые самому субъекту кажутся неповторимыми и оригинальными. Тенденция воспринимать свои переживания как уникальные имеет опасность перерасти в отгороженность и замкнутость, основанные на ошибочной убежденности в том, что понять его особый внутренний мир не сможет никто [4]. В настоящее время все явнее прослеживается тенденция отгораживания от реальной деятельности и реального общения виртуальным миром, что не может не сказываться на формировании реалистичной оценки и адекватного самоотношения.

В ходе нашей научной работы мы обращались к анализу понятия зависимости. Аддиктивное поведение — особый тип форм деструктивного поведения, которые выражаются в стремлении к уходу от реальности посредством специального изменения своего психического состояния [2]. Люди стремятся к аддиктивному поведению, потому что оно позволяет достичь чувства внутреннего эмоционального контроля над психической беспомощностью [3].

Юношеский возраст является сложным, многогранным периодом в жизни человека. Наряду с элементами взрослого статуса юноша все же сохраняет определенную степень зависимости, идущую из детства: это и материальная зависимость, и инерция родительских установок, связанных с руководством и подчинением, что ведет за собой неоднозначность положения юношества в семье и обществе и разноразличность требований. Кроме того, происходит развитие Я-концепции, которая имеет значительное влияние на постановку жизненных целей, выстраивание планов, направленность на будущее. В этом возрасте происходит поиск идентичности, юноша ищет ответы на вопросы: «Каков я? Каким мне хотелось бы стать? За кого меня принимают?». Юноше необходимо достичь нового качества идентичности, т. е. объединить различные свойства, связанные с семейными, гендерными, профессиональными ролями, в непротиворечивую целостность, противоречащие ей отбросить, согласовать внутреннюю оценку себя и оценку, данную другими. В этом заключается кризис идентичности. Таким образом, можно говорить о юношеском периоде как о кризисном, насыщенном разнообразными требованиями,

необходимостью самоопределения, адекватной реализации ролей. В связи с тем, что основной особенностью индивида со склонностью к аддиктивным формам поведения является рассогласование психологической устойчивости в случае кризисов, неоднозначности положения, стремление уходить от ответственности в принятии решений, а кроме того, именно в детстве и юности преимущественно возникают зависимости, целесообразно говорить о подверженности юношей зависимостям.

Развитие и растущая доступность интернета привели к созданию принципиально нового направления в развитии компьютерных игр — онлайн-игр, которые характеризуются всеми преимуществами ролевых игр, командной игрой в реальном масштабе времени, широким использованием анимации, специальных эффектов и разнообразием сюжетов с превосходным графическим и звуковым оформлением, анонимностью, возможностью использования любого имиджа, а также быстрым и устойчивым вовлечением игроков в игровую онлайн-аддикцию. По мнению А. А. Денисова (2011) онлайн-игры, как наиболее быстро развивающееся направление сети Интернет, увлекают пользователей не только красивой компьютерной графикой, но и мощным психологическим фактором — возможностью игры по сети с реальными людьми, и предполагают широкие возможности в реализации самых разных потребностей человека. При этом реализация фрустрированных потребностей в условиях онлайн-игр не блокируется социальными ограничениями, а регулируется только ценностно-смысловым уровнем личности [5].

Данные о количестве онлайн-игроков строгому учету не поддаются, поскольку обычно подобная статистика ведется по количеству аккаунтов, созданных на официальном сервере игры. По мнению А. А. Денисова (2011), число пользователей онлайн-игр в России достигает 8 млн человек [5]. Виртуальный мир, дающий возможность быть тем, кем хочешь, без приложения серьезных усилий, удовлетворяющий потребности в независимости от старших во время игры, подчинение только себе и своим желаниям — все это может явиться причиной формирования зависимости от онлайн-игр, в которых можно выстраивать свою собственную виртуальную реальность, уходя от проблем и требований семьи и общества в целом.

В целях выяснения, влияет ли подмена формирования собственной реальной идентичности созданием виртуального образа своего «Я» на самоотношение юношей, нами было проведено эмпириче-

ское исследование, в котором сравнивалось самоотношение юношей с разной степенью зависимости от онлайн-игр. Мы рассматривали такие структуры самоотношения как: самоуважение, аутосимпатия, ожидание положительного отношения от других и самоинтерес, также исследовались установки на те или иные внутренние действия в адрес «Я» испытуемого: самоуверенность, отношение других, самопринятие, саморуководство, самопоследовательность, самообвинение, самоинтерес, самопонимание.

По результатам, полученным в результате проведения исследования, целесообразно говорить о частичном подтверждении нашей гипотезы. Юношам с высокой степенью зависимости от онлайн-игр характерны ярко выраженный самоинтерес и слабо выраженные самоуважение, самоуверенность и самопонимание, которые являются следствием проведения большого количества времени в виртуальном мире игр, нежели в реальной деятельности и общении, в процессе которых непосредственно и формируется самопонимание, самоуверенность и самоуважение. У юношей со средней степенью зависимости выявлены самоинтерес, самоуважение и слабо выраженное самообвинение. Что касается юношей с низкой степенью зависимости от онлайн игр, им свойственен ярко выраженный самоинтерес, самопонимание, установка на отношение других — в юношеском возрасте формируется идентичность, на которую влияет как самопонимание, так и отношение других, в связи с этим данные структуры самоотношения занимают наиболее важные позиции в этом возрастном периоде. Нельзя не заметить, что юношам с любой степенью зависимости характерен ярко выраженный самоинтерес, который связан с активным формированием идентичности, поиском ответов на вопросы относительно своего настоящего, будущего, своего «Я» и отношений с окружающими. Но в процессе размышления о чертах характера, о своих возможностях, достоинствах и недостатках юноше необходимо всматриваться в других людей, сопоставлять их качества и особенности со своими, чтобы глубже понять себя, дать оценку своим свойствам личности. Юноши с высокой степенью игровой зависимости, отгородившись от реального мира общения и деятельности, перекрыли источник самопознания, связанный с наблюдением и сопоставлением себя с другими людьми, вследствие чего у них и наблюдается слабо выраженное самопознание.

Таким образом, на основании данных, полученных в результате эмпирического исследования целесообразно говорить о том, что наша

гипотеза подтвердилась частично — наряду с различными структурами самоотношения, преобладающими у юношей с разными степенями зависимости от онлайн-игр, были также выявлены схожие аспекты самоотношения, а именно самоинтерес, который не ослабевает при наличии даже высокой степени зависимости. Это говорит о том, что юноши вне зависимости от степени аддикции демонстрируют ярко выраженные самоинтерес, стремление к самопознанию и формированию своей идентичности. Мы можем предположить, что в силу недостаточного удовлетворения этих потребностей в реальной деятельности и общении, юноши с высокой степенью зависимости от онлайн игр пытаются удовлетворить их в виртуальном мире.

Литература

1. *Короленко Ц. П.* Психосоциальная аддиктология / Ц. П. Короленко, Н. В. Дмитриева. — Новосибирск : Олсиб, 2001. — 251 с.
2. *Мещеряков Б.* Большой психологический словарь / Б. Мещеряков, В. Зинченко. — СПб. : Прайм—ЕВРОЗНАК. 2004 — 342 с.
3. Руководство по аддиктологии / под ред. В. Д. Менделевича. — СПб. : Речь, 2007. — 768 с.
4. *Шаповаленко И. В.* Возрастная психология (Психология развития и возрастная психология) / И. В. Шаповаленко. — М. : Гардарики, 2005. — 349 с.
5. Психологические особенности пользователей онлайн-игр с различной степенью игровой аддикции. — URL: http://easydraw.ru/aftoreferat_disertacii_Rybaltovic.html (дата обращения: 27.11.14)

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О РОДИТЕЛЬСТВЕ У ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК

А. С. Риммар, студентка 4 курса

Научный руководитель — канд. психол. наук А. А. Меланьина

В современном обществе проблема родительства является одной из наиболее актуальных. Родительство играет значительную роль, как в жизни конкретной личности, так и в жизни общества в

целом. Большинство людей в определенное время становятся родителями. Осознанное исполнение родительской роли в свою очередь определяет состояние общества, института семьи и психологическое здоровье личности последующих поколений. В современном обществе мы наблюдаем трансформацию норм и ценностей: возникают новые социальные нормы поведения родителей, в некоторых случаях обнаруживается деформация семейных ценностей [2]. Сравнительно-исторические данные показывают, что современные представления по вопросу родительства не являются универсальными для каждого человека.

Представление о родительстве — наглядный образ явления родительства, возникающий на основе имеющегося у человека опыта (прежде всего в родительской семье) путем его воспроизведения в воображении. По своей сути представление о родительстве — фантазия, так как явление в реальности еще не существует, а существует лишь его образно сконструированное содержание. В него могут входить образы эмоций, связанных с процессом воспитания детей, отдельные и общие когнитивные схемы: планирование уклада жизни в условиях родительства, планирование воспитательного процесса, а также образы отдельных поведенческих актов и всего поведения в целом.

Юность — чрезвычайно значимый период в жизни человека: планируется свое место среди людей, своя деятельность, свой образ жизни. Именно в юности происходит становление человека как личности. В юношеских мечтах формируется образ желаемого родительства, мечты влияют на целостное представление о родительстве и являются мощным мотивирующим фактором. Раиса Викторовна Овчарова говорит о том, что представления молодежи (17–25 лет) о родительстве в первую очередь связаны с чувством ответственности, любви и заботы. Одновременно с этим молодые люди предполагают столкнуться с различными трудностями в процессе воспитания детей. Они полагают, что им понадобится терпение и воля, понимание, доверие и принятие. В то же время родительство, в представлении многих, принесет радость, счастье и удовлетворенность. Молодые люди считают, что родительство — это трудный и ответственный процесс, который требует затрат времени, и считают, что необходимо быть готовым к нему. Они полагают, что им понадобятся такие качества, как терпение, воля, понимание, доверие и доброта. По их мнению, придется много заботиться о своих детях, испытывая иногда финансовые затруднения, и обеспечивать им хорошее будущее. Представители

данной возрастной группы считают, что родительство потребует от них проявления любви, но и они в свою очередь, будут получать ее от своих детей. В роли отца и матери молодые люди должны быть строгими, но справедливыми, более альтруистичными и менее скептическими и подчиняющимися. Хорошие отношения между родителями в семье, по представлению молодых людей, также необходимы [1].

Нами было проведено исследование, целью которого было сравнить представления о родительстве у юношей и девушек. Мы сравнили представления о родительстве в целом, представления о хорошем родителе и о плохом родителе. Выяснилось, что в представлениях о родительстве у юношей и девушек есть как сходства, так и различия. Как юноши, так и девушки в равной степени связывают представления о родительстве с заботой о детях. Юноши в большей степени связывают родительство с ответственностью, выступающей на первый план их представления о родительстве. Девушки также говорят об ответственности, но в меньшей по сравнению с юношами степени, наряду с ответственностью девушки связывают родительство со счастьем, радостью, любовью, в то время как в представлении юношей данные категории находятся на последних местах.

Что касается представлений о хорошем родителе и о тех качествах, которыми родителю важно обладать, то здесь значимых различий мы не увидели. Как юноши, так и девушки в большинстве своем отметили, что родитель должен быть любящим, заботливым, понимающим, готовым поддержать своего ребенка, интересующимся жизнью ребенка, принимающим ребенка таким, какой он есть. На второй план отошли такие качества, как дисциплинированность и терпение. Единственное отличие в представлениях о хорошем родителе заключается в том, что юноши в отличие от девушек больше выделяют значимость интеллектуальных качеств для хорошего родителя.

Также мы выявили мало различий в представлениях о плохом родителе. Плохой родитель, по мнению как юношей, так и девушек, — в первую очередь родитель авторитарный, агрессивный, применяющий физические наказания, а также эгоистичный. Различие в данной категории представлений заключается в том, что большее количество юношей, по сравнению с девушками, указывают на то, что плохой родитель — это родитель, который безразличен к своим детям.

Что касается количества детей в представлениях юношей и девушек, то тут мы видим, что юноши в подавляющем большинстве пред-

ставляют себя родителем одного ребенка, в то время как девушки представляют себя родителем двух и более детей.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в представлениях о родительстве основное различие заключается в том, что девушки уделяют больше внимания эмоциональной составляющей родительства, говоря о нем как о приносящем положительные эмоции, в то время как юноши в большей степени ориентированы на ответственность и заботу, практически не беря во внимание эмоциональную составляющую. Как юноши, так и девушки сошлись в своих представлениях о хорошем родителе, сконцентрировавшись на эмоциональной стороне взаимодействия родителя с детьми, и о плохом родителе как о родителе агрессивном, авторитарном, эгоистичном либо безразличном.

Литература

1. *Овчарова Р. В.* Психологическое сопровождение родительства / Р. В. Овчарова. — М. : Изд-во Института психотерапии, 2003. — 319 с.
2. *Шнейдер Л. Б.* Психология семейных отношений : курс лекций / Л. Б. Шнейдер. — М. : Апрель-Пресс, ЭКСМО-Пресс, 2000. — 512 с.

ОСОБЕННОСТИ КОММУНИКАТИВНОЙ СФЕРЫ ПОДРОСТКОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ЗАСТЕНЧИВОСТИ

Г. В. Воронкова, студентка 3 курса

Научный руководитель — канд. психол. наук А. А. Меланьина

Коммуникативная сфера, или сфера общения, относится к числу важнейших для подростка сфер жизнедеятельности. Общение подростков со сверстниками и взрослыми можно считать важнейшим условием их личностного развития. Неудачи в общении ведут к внутреннему дискомфорту, компенсировать который не могут никакие объективно высокие показатели в других сферах их жизни и деятельности. Важным условием успеха в данном случае является сформированность основных коммуникативных умений [1, 3].

Одной из особенностей подросткового периода является наиболее полное проявление склонности к застенчивости (по мнению Д. Элкинда) в связи с развившейся к этому времени у детей способностью думать об общественном мнении [2].

Под застенчивостью мы будем понимать внутреннюю позицию человека, которая предполагает слишком большое внимание к тому, что о нем думают окружающие (определение Ф. Зимбардо). Быть застенчивым — значит бояться людей, особенно тех, которые по той или иной причине негативно воздействуют на наши эмоции: незнакомцев (неизвестно, что от них можно ожидать); начальников (они обладают властью); представителей противоположного пола (они провоцируют мысли о возможном сближении). Другими словами, человек становится чрезмерно чувствительным к неприятию его окружающими людьми. Вследствие чего застенчивому человеку труднее общаться с другими людьми, зачастую он сам избегает контакта [1].

Несмотря на наличие достаточно обширной литературы по этой проблеме, обсуждение ее чаще всего носит умозрительный характер и не опирается на конкретные исследования. Единственный человек, который попытался осветить данный вопрос в целом — это известный американский психолог, профессор Стэнфордского университета Филипп Зимбардо. Сегодня можно констатировать, что многие вопросы внутри этой проблемы остаются открытыми.

Целью нашего исследования является выявление различий в коммуникативной сфере подростков с разным уровнем застенчивости.

В качестве гипотезы исследования выступает предположение о том, что у подростков с разным уровнем застенчивости существуют различия в коммуникативной сфере, а именно: в степени сформированности основных коммуникативных умений, в уровне коммуникативной компетентности и в коммуникативных склонностях.

Под основными коммуникативными умениями мы понимаем сформированность у подростка компетентного типа реагирования на 5 типов ситуаций:

- ситуации, в которых требуется реакция на положительные высказывания партнера;
- ситуации, в которых подросток должен реагировать на отрицательные высказывания;
- ситуации, в которых к подростку (старшекласснику) обращаются с просьбой;
- ситуации беседы;

— ситуации, в которых требуется проявление эмпатии (понимания чувств и состояний другого человека).

Коммуникативная компетентность — это способность индивида эффективно взаимодействовать с окружающими людьми. В ее состав входят: 1) умение ориентироваться в социальных ситуациях; 2) умение правильно определять личностные особенности и эмоциональные состояния других людей; 3) умение выбирать и реализовывать адекватные способы взаимодействия.

Под коммуникативными склонностями учащихся понимаются склонности личности, обеспечивающие эффективность ее общения и психологическую совместимость в коллективной деятельности.

Для проверки гипотезы использовался метод стандартизированного самоотчета (Стэнфордский опросник застенчивости Ф. Зимбардо) и объективные тесты (Методика выявления коммуникативных склонностей учащихся Р. В. Овчаровой и тест коммуникативных умений Л. Михельсона). В качестве метода обработки данных выступал коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Объектом эмпирического исследования выступали ученики 6–8-х классов средней общеобразовательной школы № 5 им. К. П. Феоктистова. Объем выборки составил 50 человек.

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Существует прямая линейная связь между уровнем застенчивости подростка и степенью сформированности компетентного типа реагирования на ситуацию, в которой требуется реакция на положительное высказывание партнера, т. е. чем выше уровень застенчивости, тем лучше сформировано умение оказывать и принимать знаки внимания (комплименты), и наоборот, чем ниже уровень застенчивости, тем больше тип реакции на ситуацию отличается от компетентного.

2. В оставшихся аспектах гипотеза не подтвердилась, т. е. уровень застенчивости не оказывает значимого влияния на типы реагирования в следующих ситуациях: когда требуется реакция на отрицательные высказывания; когда к подростку обращаются с просьбой; когда требуется проявление эмпатии; в процессе беседы.

У подростков с разным уровнем застенчивости не наблюдается различий ни в умении ориентироваться в социальных ситуациях и правильно определять личностные особенности и эмоциональные состояния других людей, ни в умении выбирать и реализовывать

адекватные способы взаимодействия, ни в склонностях личности, обеспечивающих эффективность ее общения и психологическую совместимость в коллективной деятельности.

Литература

1. *Зимбардо Ф.* Застенчивость / Ф. Зимбардо. — М., 1991. — 208 с.
2. *Зимбардо Ф.* Застенчивый ребенок / Ф. Зимбардо, Ш. Редл. — М., 2005. — 294 с.
3. *Мухина В. С.* Возрастная психология / В. С. Мухина. — М., 1997. — 365 с.
4. Социальная работа : Введение в профессиональную деятельность / отв. ред. А. А. Козлов. — М., 2005. — 215 с.

ОСОБЕННОСТИ Я-КОНЦЕПЦИИ У ЛИЦ С ВЫСОКОЙ ВЫРАЖЕННОСТЬЮ ЛИДЕРСКИХ КАЧЕСТВ

А. Н. Беляев, магистрант 2 курса

Научный руководитель — канд. психол. наук О. В. Тимофеева

Адекватное представление о себе и своих возможностях необходимо любому человеку, но приобретает особую значимость для лидера. То, как человек воспринимает самого себя, во многом определяет те цели, которые он перед собой ставит, поступки, которые он совершает, и его общее отношение к жизни. Поэтому лидеру так важно сформировать и поддерживать адекватное представление о себе и своих настоящих возможностях.

В настоящее время растет интерес к феномену Я-концепции как центрального личностного образования, оказывающего влияние на все проявления личности человека.

На основе рассмотрения различных точек зрения ученых, затрагивающих проблематику Я-концепции, сформулируем ее сущностную характеристику. Я-концепция (*self-concept*) — интегральное образование психики. Это сложная, переживаемая, многокомпонентная и динамическая система выражения отношений личности к

себе и внешнему миру, природой которой является оценивающая деятельность сознания. Она выступает в качестве санкционирующего механизма по отношению к себе и внешнему миру, формируется по законам логико-речевого мышления, частично существует и в бессознательной сфере. Я-концепция связывает качества личности в отношении себя и внешнего мира в прошлом, настоящем и будущем. С ней согласуются чувства и эмоции, поступки и поведение, психологическое здоровье, действия и ожидания, успех в практической деятельности личности [1].

Я-концепция определяет то, что собой представляет индивид, то, что он думает о себе, как он смотрит на свою деятельность и на свои возможности развития в будущем. Представления индивида о самом себе чаще всего кажутся ему убедительными независимо от того, основываются ли они на объективном знании или субъективном мнении, независимо от того, являются ли эти представления истинными или ложными.

Проблеме лидерства также было посвящено немало работ, но, несмотря на это, сегодня нет какой-то единой позиции, которая внесла бы ясность в изучение этого сложного феномена.

При всей многочисленности интерпретаций термина «лидер» выявляются, как правило, два основных значения. Во-первых, это индивид, обладающий наиболее выраженными «полезными» с точки зрения группы качествами, благодаря которым его деятельность по удовлетворению интереса данного сообщества оказывается наиболее продуктивной. Такой лидер служит своеобразным эталоном, к которому должны стремиться другие [3].

Во-вторых, лидер — это лицо, за которым сообщество признает право на принятие решений, наиболее значимых с точки зрения группового интереса. Авторитет этого лидера базируется на умении сплотить, объединить других для достижения общей цели. Такое лицо, независимо от стиля лидерства (авторитарного или демократического), регулирует взаимоотношения в группе, отстаивает ее ценности в межгрупповом общении, влияет на формирование общих ценностей (целей) и, в некоторых случаях, символизирует их [3]. Что же заставляет людей подчиняться лидеру? Что заставляет признавать (прямо или косвенно) его возможность влиять на общественное мнение, делегировать ему полномочия по принятию решений за всю группу? Как показывают некоторые наблюдения, одним из возможных вари-

антов добровольного подчинения лидеру является механизм идентификации.

Идентификация может рассматриваться как следование поведенческим или личностным характеристикам другого лица, как реальное их воспроизведение либо в сходных поведенческих актах, либо в символических эквивалентах поведения. Последнее подразумевает, что идентификация не сводится к слепой имитации поведения, как это бывает в случае подражания. Скорее речь идет об усвоении мотивации поступков значимого другого (модели) [2]. Это можно объяснить следующим образом: люди стремятся идентифицироваться со значимым другим (как правило, лидером) именно по тем характеристикам, которые для них важны, но реально либо отсутствуют, либо выражены крайне слабо и развитие их они считают для себя необходимым в будущем.

Теперь несколько слов уделим мотивации лидерства.

Мотивацию лидеров могут определять три доминирующие потребности: во власти; в достижении цели (или успехе); во внутригрупповых связях, любви, дружбе (в общем, в позитивных межличностных отношениях) [4].

Что касается стремления к власти, то в работах американского психолога Г. Лассуэлла доказывается, что психологической основой стремления к власти, и в частности стремления к политической деятельности, является бессознательное вытеснение «частных конфликтов», пережитых личностью. По мнению этого автора, потребность во власти имеет компенсаторное происхождение: обладание властью психологически компенсирует ущербность, низкую самооценку, фрустрацию, испытываемую личностью [4].

Мы в своем исследовании, проведенном в рамках написания магистерской диссертации на тему «Особенности Я-концепции у лиц с лидерскими качествами» частично опровергаем теорию Г. Лассуэлла.

В нашем исследовании приняло участие 223 студента из различных высших учебных заведений Воронежа.

При исследовании самооценки у лиц с высокой и низкой выраженностью лидерских качеств мы получили следующие результаты: у 50 % лиц с сильной выраженностью лидерских качеств мы выявили завышенную самооценку, у остальных 50 % в этой же группе – адекватную самооценку. У лиц с высокой выраженностью лидерских качеств показатели, указывающие на заниженную самооценку, как указано в теории Г. Лассуэлла, не обнаружились. В

табл. 1 показаны более подробные результаты этой части нашего исследования.

Таблица 1

Результаты определения уровня самооценки у лиц с высокой и низкой выраженностью лидерских качеств

Лидерские качества	Самооценка		
	завышенная	адекватная	заниженная
Выражены сильно (10 чел.)	5 чел.	5 чел.	—
	50 %	50 %	—
Выражены слабо (87 чел.)	7 чел.	63 чел.	17 чел.
	8 %	72 %	20 %

Кроме исследования самооценки у лиц с высокой и низкой выраженностью лидерских качеств, мы исследовали самоотношение у той же категории лиц, используя при этом методику исследования самоотношения (С. Р. Пантिलеев). Из девяти шкал, представленных в этой методике, приведем примеры некоторых из них. В частности, по таким шкалам, как «Самоуверенность» и «Саморуководство», большинство опрошенных лиц с высокой выраженностью лидерских качеств имеют высокие показатели — 82 и 64 % соответственно, у остальных — средний результат. По таким шкалам, как «Внутренняя конфликтность» и «Самообвинение», показатели, наоборот, низкие — 64 и 55 % соответственно. В целом это характеризует их положительное отношение к себе, а также указывает на баланс между собственными возможностями и требованиями окружающей реальности. И еще можно сказать, что люди, имеющие показатели, представленные выше, довольны сложившейся жизненной ситуацией и высоко оценивают свой духовный потенциал, богатство своего внутреннего мира.

Учитывая результаты нашего психологического исследования, мы можем сказать, что лица с высокой выраженностью лидерских качеств вряд ли считают себя в чем-то ущербными или страдают от заниженной самооценки и, находясь на лидерских позициях, вряд ли пытаются тем самым скрыть свои комплексы.

Литература

1. *Агапов В. С.* Становление Я-концепции в управленческой деятельности руководителей / В. С. Агапов. — М. : ПКЦ Альтекс, 2012. — 487 с.
2. *Кричевский Р. Л.* Психология лидерства / Р. Л. Кричевский. — URL: <http://www.koob.ru> (дата обращения: 03.04.2014).

3. *Ольшанский Д. В.* Основы политической психологии / Д. В. Ольшанский. — URL: <http://www.koob.ru> (дата обращения: 11.03.2014).

4. *Райгородский Д. Я.* Психология и психоанализ власти : хрестоматия : в 2 т. / Д. Я. Райгородский. — Самара : БАХРАХ-М, 1999. — Т. 1. — 608 с.

ОТНОШЕНИЕ ЛИЦ С ПСИХОСОМАТИЧЕСКИМИ ЗАБОЛЕВАНИЯМИ К СВОИМ БОЛЕЗНЯМ

Я. Э. Пожидаева, студентка 3 курса

Научный руководитель — канд. психол. наук О. В. Тимофеева

В настоящее время все чаще можно столкнуться с таким понятием, как «психосоматические заболевания». Безусловно, так называемые прототипы подобного явления имелись достаточно давно. Одним из наиболее ярких доказательств данного факта является такое общеизвестное выражение, как «все болезни от нервов». Сегодня существует множество исследований, которые подтверждают тот факт, что не просто отдельные заболевания, а целые группы их могут возникать именно из-за негативного влияния разнообразных психологических факторов.

Актуальность данной работы обусловлена тем, что у все большего числа людей сегодня определяются именно те заболевания, которые носят психосоматический характер. Таким образом, важным является то, как именно человек относится к заболеванию данного типа. [1].

Психологические реакции на соматические болезни носят строго индивидуальный характер.

Каждый больной по-своему реагирует на имеющееся у него заболевание, поэтому разумно учитывать следующие наиболее важные особенности: психологическое воздействие хронической болезни; отношение к диагнозу — признание или недостаточное понимание; манеру общения и отношение к врачу. Отношение больных к побочным действиям лекарств также играет достаточно важную роль.

У лиц с рецидивирующими или хроническими заболеваниями часто отмечается депрессия, нередко утяжеляющая клиническую

картину страдания по механизму порочного круга. Постепенное нарастание признаков физического неблагополучия вызывает депрессивную реакцию, еще более усиливающую чувство безнадежности. Здесь улучшению состояния существенно способствуют антидепрессанты [2].

В данном случае необходимо уловить зыбкую грань между реактивной депрессией, когда необходимо традиционное психиатрическое лечение, и дисфорическими эмоциональными реакциями, пусть резко выраженными, но соответствующими тяжести физического недуга. Дисфорические эмоциональные реакции являются расстройством настроения, своего рода констелляцией горя, утраты моральных сил и ощущения своей «вырванности» из жизни, душевного и физического упадка. Эти реакции плохо поддаются лечению антидепрессантами и психотерапии. Их динамика определяется в основном общим клиническим состоянием больного [3].

Еще относительно недавно недавно принято было считать, что заболевания данного направления — это, так сказать, прерогатива исключительно взрослых людей. Особо актуальным было мнение о том, что все соответствующие симптомы могут возникать, к примеру, после достижения 35—40 лет [4].

Но сегодня все большее и большее количество специалистов практически единогласно акцентирует внимание на том, что психосоматика может проявляться и в детском возрасте.

Причем, если болезнь возникла именно на данном этапе развития, можно столкнуться с некоторыми закономерностями. В частности, с тем, что при достижении подросткового возраста все соответствующие проявления могут на определенный период исчезнуть. Но по прошествии нескольких лет или даже десятилетий подобная ситуация сможет снова дать о себе знать. Таким образом, особенно высока вероятность развития события в том случае, когда речь идет о сильном эмоциональном потрясении или же о значительном стрессе. Формирование внутренней картины психосоматической болезни у детей и взрослых различно: это различие значительно в большей степени способно проявиться именно у детей младшего возраста.

Психическое развитие ребенка, его личность с раннего возраста до периода зрелости претерпевают разнообразные нарастающие изменения. Для психики детей характерными являются определенные особенности. Можно подчеркнуть наиболее важные ее качества:

большую впечатлительность, ранимость и хрупкость при неблагоприятных ситуациях, робость и стеснительность, недостаточно критическое осмысление происходящего вокруг [5].

В ряде случаев психосоматические жалобы человека могут казаться совершенно безосновательными и приводить в замешательство врачей общей практики, которые во всем склонны винить «нервы».

Тем не менее чаще всего за этими жалобами скрыты не выдуманные, а реальные конфликты, говоря точнее, специфическая устойчивость неблагоприятных отношений [6].

Обычно люди стремятся к прекращению плохих взаимоотношений. Психосоматический клиент ведет себя иначе. Он годами может терпеть отношения, которые не только не доставляют удовольствия, но истощают и разрушают его личность. Трудно объяснить, почему это происходит.

Вместе с этим совершенно ни в коем случае не стоит придерживаться мнения относительно того, что таким людям свойственно что-то наподобие мазохизма.

Психосоматическим клиентам не свойственны мазохистские черты. Если бы такие отношения доставляли мазохистское удовлетворение, не возникали бы психосоматические симптомы. Толерантность к неблагоприятным взаимоотношениям и природу психосоматических симптомов можно объяснить подавлением враждебности, агрессивности, злобы [7].

Стоит обратить внимание на то, что под заболеваниями психосоматического типа принято подразумевать прежде всего недуги, первоочередным толчком для развития которых являются именно те факторы, которые носят психологический характер.

Безусловно, человек, который страдает определенными заболеваниями данного характера, имеет свои специфические особенности. Справиться с их негативным проявлением можно только благодаря помощи высококвалифицированного специалиста. В частности, в данном случае можно использовать специальные методы.

Литература

1. *Александр Ф.* Психосоматическая медицина. Принципы и применение / Ф. Александр. — М. : Ин-т ОГИ, 2004. — 336 с.

2. *Куприянова Г. Г.* Синдром предменструального напряжения при вялотекущей шизофрении / Г. Г. Куприянова // Психосоматические расстрой-

ства при циклотимных и циклотимоподобных состояниях. — М. : Медицина, 2009. — С.132—137.

3. *Мясищев В. Н.* Соотношение психического и соматического при общих системных неврозах / В. Н. Мясищев // Вопросы взаимоотношения психического и соматического в психоневрологии и общей медицине. — Л. : 1963. — С. 193—204.

4. *Невзорова Т. А.* Соматический эквивалент циркулярного психоза и циклотимии / Т. А. Невзорова, Ю. В. Дробышева // Советская медицина. — 1962. — № 12. — С. 45—49.

5. Пограничная психическая патология в общемедицинской практике / под ред. А. Б. Смулевич. — М. : Русский врач, 2010. — 160 с.

6. *Тарнавский Ю. Б.* Под маской телесного недуга: проблемы психосоматики / Ю. Б. Тарнавский. — М. : Знание, 2010. — 63 с.

7. *Тополянский В. Д.* Психосоматические расстройства / В. Д. Тополянский, М. В. Струковская. — М. : Медицина, 2006. — 384 с.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ЛИДЕРСТВА В ЮНОШЕСКОМ ВОЗРАСТЕ

Е. С. Щербатых, студентка 2 курса

Научный руководитель — М. В. Петрушина

Человек, как только рождается, сразу попадает в социум, в различные группы. Сначала это его семья, далее по мере взросления он проходит через школьный класс, рабочий коллектив, неформальные объединения. В каждой группе складываются какие-то внутренние взаимоотношения. И, несомненно, там появляется лидер. То есть человек, живя в социуме, общаясь с людьми, просто не может не коснуться этого феномена. Поэтому изучение лидерства настолько актуально.

Не менее важно изучать лидерство именно в юношеском возрасте, когда человек определяется с выбором жизненного пути, пробует себя в различных сферах, активно общается. Знания в этой области могут помочь и самим юношам понять, как стать лидерами, и взрослым, чтобы помочь молодым людям добиться успеха.

Изучением данного вопроса занимались такие отечественные психологи, как Т. В. Бендас, Е. М. Дубовская, Р. Л. Кричевский, Т. Н. Мальковская, А. С. Чернышев и др. [2].

Лидерство в малой группе — это феномен воздействия или влияния индивида на мнения, оценки, отношения и поведение группы в целом или отдельных ее членов [4]. Феномен лидерства относится к динамическим процессам малой группы. То есть лидерство нужно рассматривать как явление.

Лидер — «такой член малой группы, который выдвигается в результате взаимодействия членов группы для организации группы при решении конкретной задачи» [1; 219]. Понятие лидерства шире, чем понятие «лидер». Лидерство — это феномен. Лидер — это выражение данного феномена в конкретном человеке.

В западной психологии понятия лидерства и руководства часто отождествляли. Во многом это связано и с тем, что оба явления обозначаются в английском языке одним словом *leadership*. В отечественной психологии эти два понятия разграничиваются. Так, лидерство рассматривается как преимущественно психологический по своей природе феномен, спонтанно возникающий и развертывающийся в системе неформальных (неофициальных) отношений людей. Руководство — это скорее социальное явление, основывающееся на формальных отношениях между людьми.

Одним из наиболее популярных направлений в исследовании лидерства является лидерство в учебных группах — школьников и студентов.

Юношеский возраст — это период перехода к самостоятельности, период самоопределения, приобретения психической, идейной и гражданской зрелости, формирования мировоззрения, морального сознания и самосознания.

Становление самосознания и стабильного образа «Я» является главным новообразованием в период юности. В этом возрасте происходит понимание своих внутренних стремлений и желаний, осознание себя как личности и своих индивидуальных особенностей.

Еще одной характерной чертой данного периода является выработка ценностных ориентаций (нравственных, эстетических, научных и т. д.) Начинает складываться мировоззрение, то есть общее представление о мире в целом. Начинается поиск смысла жизни.

Особенность юношеского возраста — это стремление к расширению круга общения, смена значимых лиц и перестройка отношений со взрослыми.

Юношеские группы удовлетворяют в первую очередь потребность в свободном, эмоционально насыщенном общении, которое способствует установлению новых контактов, поиску себя.

Таким образом, можно сказать, что юношество является наиболее благоприятным периодом для становления человека как лидера, так как именно в этом возрасте появляется стремление к реализации собственных возможностей и способностей, желание быть активным, умение взять на себя ответственность.

Лидера выдвигает группа, а роль лидера предполагает выполнение определенного круга обязанностей, что в свою очередь требует наличия у лидера определенных личностных качеств.

Существует взаимосвязь между ценностями личности и ее лидерским потенциалом, так как ценности личности выражаются именно в ее поведении. Доминирование в иерархии ценностей личности таких качеств, как «самостоятельность», «стимуляция», «достижение» и «власть», способствует высокой степени выраженности лидерских качеств как у юношей, так и у девушек. Доминирование таких ценностей, как «доброта» и «традиции», снижает выраженность данных качеств. Также было выявлено, что юноши обладают большей выраженностью лидерских качеств, чем девушки [5].

Д. В. Беспалов провел исследование среди старшеклассников для того, чтобы выявить качества, которыми должен обладать лидер, и сравнил их с данными исследования Т. Н. Мальковской, полученными в 1966 и 1971 гг. Данные этого исследования показывают, что юноши ценят в лидере не только знания, но и умение общаться, позитивное отношение, умение объединять, чуткость, доброту. В то же время в 2002 г. лидером часто становится ученик, обладающий физической силой. Это показывает ужесточение отношений в школьной среде [3].

Также старшеклассников просили написать 20 качеств, необходимых молодежному лидеру. В результате на первом месте оказались такие качества, как доброта и коммуникабельность — 100 % опрошенных, на втором месте целеустремленность — 90 %, далее отзывчивость, харизма — 80 %, умение вести за собой, инициативность — 70 % и т. д.

Можно ли сформировать лидерские качества? К. В. Сельченко считает, что и да, и нет. Можно научить приемам, навыкам, способностям общения, изучить теории, стратегии и тактики лидерства. Но в то же время нельзя легко приобрести интуицию, пронизательность, способность к сочувствию, саму страсть к лидерству. По мнению этого автора, научить можно эффективному руководству, а не лидерству.

И. Ю. Севалкин говорит о том, что все-таки есть возможность создания условий в молодежных объединениях для формирования лидеров. Он выделяет такие аспекты: выявление лиц с врожденными и (или) сформировавшимися лидерскими качествами; целенаправленное формирование и углубление соответствующих качеств и способностей; тесная увязка и интеграция индивидуальных целей и интересов членов группы с организационными целями; достижение сочетания качеств формального и неформального лидера в организаторах деятельности; организационная интеграция лидеров; обеспечение конструктивной направленности их деятельности; устранение деструктивного лидерства [3].

Таким образом, можно сделать вывод: хотя лидерство в юношеском возрасте, а конкретно в учебных группах, довольно обширно исследовано, нет единого мнения по поводу того, как и почему юноши становятся лидерами. Это обусловлено, наверное, сложностью и многоаспектностью самого феномена лидерства.

Литература

1. *Андреева Г. М.* Социальная психология : учебник для высших учебных заведений / Г. М. Андреева. — М. : Аспект Пресс, 2002. — 384 с.
2. *Бендас Т. В.* Психология лидерства : учеб. пособие / Т. В. Бендас. — М. [и др.] : Питер, 2009. — 447 с.
3. *Беспалов Д. В.* Психологические особенности конструктивного и деструктивного лидерства в молодежных группах / Д. В. Беспалов // Концепт. — 2012. — № 9 [Электронный ресурс]. — URL: <http://e-koncept.ru/2014/14335.htm> (дата обращения: 17.09.2014),
4. Социальная психология : учеб. пособие для вузов / В. П. Позняков [и др.] ; под ред. А. Л. Журавлева. — М. : Per Se, 2002. — 350 с.
5. *Фирсова С. В.* Роль лидерского потенциала студентов в системе воспитания / С. В. Фирсова // Известия Российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. — 2009. — № 102. — С. 404—407.

ЭСКАПИЗМ В СПОРТЕ

В. Г. Пасмарнова, студентка 3 курса

Научный руководитель — канд. психол. наук, доц. О. П. Макушина

Эскапизм (англ. *escape* — убежать, спастись) или эскейпизм — стремление человека уйти от действительности в мир иллюзий [1].

Мнимое стремление бежать от реальности может возникать в виде ответной реакции на постоянный и сильный стресс, вызываемый психологическими травмами, напряженной работой, неспособностью создать адекватные мнимому цензу отношения с окружающими субъектами представления. Часто возникает в кризисных ситуациях саморефлексии.

Любая активная деятельность (карьера, искусство, спорт, мода, ролевые игры и т. д.) может стать способом эскапизма, если человек использует ее в качестве компенсации неразрешенных личных проблем. Способом эскапизма может стать и пассивная деятельность (просмотр фильмов, чтение книг, алкогольное или наркотическое опьянение, медитация и т. д.). Эскапизм может проявляться как в виде физического ухода от мира (в глухие деревни, труднодоступные регионы), так и без этого — когда при отсутствии изоляции от общества человек перестает проявлять интерес к известным ему и принятым в обществе ценностям, предпочитая мир своих грез.

Эскапизм не является болезнью и не занесен ни в какие медицинские справочники, хотя, будучи доведен до крайности сторонними причинами, может стать навязчивой манией (например, крайний эскапизм короля Людвига II Баварского был признан следствием психического расстройства, а у основателя группы *Pink Floyd* Сиды Баррета вызван злоупотреблением ЛСД). С другой стороны, в умеренной форме эскапизм является родом рекреации и может помочь в преодолении стресса.

Эскапизм может принимать как деструктивную, так и продуктивную форму. Деструктивный эскапизм — это уход в иллюзорный мир фантазии, сказки, в котором, по сути, человек не может достичь реализации своего социального потенциала, потому что его возможности искусственно ограничиваются.

Цель продуктивного эскапизма — отдых, временное переключение на деятельность, отличную от повседневной [2].

В наше время явление эскапизма имеет место и в такой сфере жизни людей, как спорт. Эскапизму могут быть подвержены как сами спортсмены, так и спортивные болельщики. Однако стоит отметить, что для активных участников спортивной деятельности — спортсменов, тренеров, всех тех, для кого спорт является работой, делом жизни, «реальностью» — эскапизм принимает несколько иную форму.

Длительное общение на сборах с одними и теми же партнерами даже при социальной зрелости группы может приводить к эскапизму — избеганию партнеров. Следствием этого является несовместимость, развивающаяся в психически здоровом первоначально коллективе. Стремление и одновременно невозможность избежать навязанной на сборах системы общения, излишнего объема контактов (с точки зрения потребностей спортсмена) приводят к неадекватной оценке партнеров, появлению агрессивных тенденций, резкому снижению эффективности деятельности спортсмена и группы в целом.

Эскапизм же спортивных болельщиков имеет все характеристики «стандартного», рассмотренного нами эскапизма.

Люди нередко устают от размеренной рутины и серости будней, и накал страстей на стадионе является для них хорошей эмоциональной встряской, «глотком адреналина». Особенно притягивает неизвестность исхода соревнований, ощущение происходящего в реальном времени.

Спорт позволяет фанатам отстраниться от их повседневной реальности, от давления социума за счет свободного самовыражения во время поддержки объекта и нападков на его противников.

Одна из теорий находит корни фанатской психологии в древних временах, когда люди жили малочисленными племенами и воины, сражающиеся ради защиты всего племени, действительно были генетическими представителями своего народа.

В современном обществе, утверждает та же теория, атлеты играют подобную роль в стилизованных сражениях на игровом поле. Их подвиги объединяют болельщиков, причем получаемые при этом эмоции сравнимы с теми, что испытывали наши предки от межплеменных войн и которые современное общество не позволяет проявлять.

Среднестатистический футбольный болельщик прочно отождествляет себя с командой, за которую болеет. В случае победы он испытывает сильные положительные эмоции, он рад и горд достижениям

команды точно так же, как если бы сам был ее фактической частью, президентом или тренером либо выходил на поле в качестве игрока. Поражение же любимого клуба в полной мере приносит чувство горя, уныния, иногда и стыда. Фанату кажется, что это он неудачно сыграл в защите или пропустил гол. То есть у человека-болельщика существует некое организованное пространство, в котором действуют простые правила. Здесь, в этом его мире действует уравнение «Я = это моя любимая команда».

Джон Херд (*John Herde*), 65-летний бухгалтер из Манхэттена (*Manhattan*), следит за играми «Рейнджеров» (*New York Rangers*) с детства и покупает сезонные абонементы.

«Это освобождение, — говорит он. — Ты можешь кричать, визжать и делать все, что придет в голову. Это как терапия» [3].

Литература

1. *Беляков А.* Большая актуальная политическая энциклопедия // А. Беляков, О. Матвейчев. — М.: Эксмо, 2009. — 412 с.

2. *Куновская А.* Эскапизм: причины, формы, следствия / А. Куновская. — URL: http://www.km.ru/nedvizhimost/dinamo_predlagaet_kurani_zarplat (дата обращения: 26.03.2014).

3. Гармония человека и общества : [сайт]. Психология спортивного болельщика: больше чем игра. — URL: <http://zolausa.info/sport> (дата обращения: 26.03.2014).

К ВОПРОСУ О ПОНЯТИИ СОЦИАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЗАРУБЕЖНОЙ ПСИХОЛОГИИ

Ю. С. Королев, магистрант 1 курса

Научный руководитель — канд. психол. наук, доц. Н. М. Пинегина

Социальный интеллект — понятие, которое вошло в современную психологию во второй половине XX века усилиями таких известных исследователей, как Г. Айзенк, Дж. Гилфорд, Г. Оллпорт и др.

Понятие «социальный интеллект» впервые было использовано в психологии Э. Торндайком в 1920 г. при анализе им пробле-

мы «дальновидности в межличностных отношениях». Он определял «социальный интеллект» как способность понимать других и мудро, адекватно вести себя по отношению к ним. Работы Торндайка были направлены на исследование интеллектуального поведения. В своих экспериментах он изучал закономерности адаптации организма к необычным условиям. Согласно Торндайку, существует три вида интеллекта:

- абстрактный интеллект как способность понимать абстрактные вербальные и математические символы и производить с ними какие-либо действия;
- конкретный интеллект как способность понимать вещи и предметы материального мира и производить с ними какие-либо действия;
- социальный интеллект как способность понимать людей, действовать или поступать мудро в отношении других.

Таким образом, Торндайк рассматривал социальный интеллект как специфическую познавательную способность, которая обеспечивает успешное взаимодействие с людьми. Считая социальный интеллект видом общего интеллекта, он не определил отношения между ним и другими видами интеллекта. Основная функция социального интеллекта, по мнению ученого, — прогнозирование поведения [4].

В 1937 году Г. Оллпорт полагал, что социальный интеллект — социальный дар, необходимый для тонкого равновесия в поведении, обеспечивающем гладкость в отношениях с людьми. Для того чтобы тактично говорить и поступать, необходимо прогнозировать наиболее вероятные реакции другого человека. Поэтому социальный интеллект связан со способностью высказывать быстрые, почти автоматические суждения о людях. Вместе с тем социальный интеллект имеет отношение скорее к поведению, чем к оперированию понятиями: его продукт — социальное приспособление, а не глубина понимания [2].

В данном определении социальный интеллект рассматривается как свойство, необходимое для успешного взаимодействия с людьми, которое проявляется в умении прогнозировать поведение другого человека. Однако автор связывает его более с поведенческим умением, чем с познавательной способностью.

Концепция социального интеллекта Р. Селмана опирается на достижения современной когнитивной психологии и рассматривает становление социального интеллекта в контексте социализации личности. Селман выделяет пять стадий развития социального интеллекта, внутри которых разворачиваются четыре линии социального

взаимодействия: понимание себя, близкие дружеские отношения, отношения в группе сверстников и с родителями [5].

Британский ученый-психолог, психотерапевт Г. Ю. Айзенк исходит из того, что интеллект, несмотря на трудности его дефиниции, — это столь же научное понятие, как гравитация, электричество, химические связи: от того, что они не видны, не ощутимы, а, следовательно, по мнению некоторых исследователей, не «материальны», они не утрачивают своей познавательной ценности в качестве научных концепций. Остановившись на трудностях определения интеллекта, он указывает, что во многом это вытекает из того, что существуют три относительно различающиеся и относительно самостоятельные концепции интеллекта.

Главным компонентом поведения выступает биологический интеллект, который служит физиологической, нейрологической, биохимической и гормональной основой познавательного поведения. Иными словами, речь здесь идет главным образом о функционировании и строении коры головного мозга. Вторым элементом трехкомпонентного построения интеллекта, по Айзенку, является психометрический интеллект, который измеряется стандартными тестами интеллекта. При этом ученый отмечал важную роль социокультурных факторов, которые в значительной мере определяют уровень развития как биологического, так и психометрического интеллектов. Под социокультурными факторами он подразумевает культуру в целом, воспитание, образование, социоэкономический статус и т. д. И, наконец, третья концепция — это социальный интеллект. Под социальным интеллектом Айзенк понимает интеллект индивида, формирующийся в ходе его социализации, под воздействием социокультурных условий. Таким образом, социальный интеллект — результат развития общего интеллекта. Но, по мнению исследователя, социальный интеллект намного шире и биологического, и психометрического интеллектов.

Как показывает данное изложение теории Айзенка, ученый также подчеркивает связь общего и социального интеллектов, однако признает особую специфику последнего и не пытается свести его к общему интеллекту или же вообще подвергнуть сомнению его онтологический статус [3].

Особого рассмотрения заслуживает концепция социального интеллекта, разработанная Дж. Гилфордом. Он рассматривал социальный интеллект как систему интеллектуальных способностей, независимых от фактора общего интеллекта и связанных с познанием

поведенческой информации. Таким образом, социальный интеллект есть интегральная интеллектуальная способность, определяющая успешность общения и социальной адаптации [1].

Концепция социального интеллекта была разработана Гилфордом в рамках его трехмерной теории интеллекта. Модель Гилфорда предполагала наличие 120 способностей, основанных на всех возможных комбинациях пяти категорий, описывающих когнитивные операции (познание, память, дивергентное мышление, конвергентное мышление, оценивание), четырех категорий, описывающих содержание (образы, символы, семантика, поведение), шести категорий, описывающих результаты обработки информации (элементы, классы, системы, отношения, трансформации, импликация). При этом поведенческое содержание соотносилось с социальным интеллектом.

На основе этих теоретических положений был разработан тест социального интеллекта. Гилфорд определил категорию «познания поведения» как способность судить о людях, их чувствах, мотивах, мыслях, намерениях, установках и других психологических диспозициях, которая может влиять на социальное поведение индивида. Эта способность не может и не должна отождествляться с пониманием людей в целом, стереотипным пониманием, и не имеет никакого отношения к познанию самого себя, а основывается на распознавании «экспрессивного поведения» (жесты, мимика, язык поз, интонация).

Таким образом, социальный интеллект — достаточно сложное, неоднозначно трактуемое психологическое явление. Отсутствие единого, целостного подхода к пониманию социального интеллекта отражает его сложность, но одновременно открывает перед учеными и более широкие возможности в поиске путей исследования социального интеллекта, рассмотрения его различных аспектов и проявлений.

Литература

1. *Гилфорд Дж.* Три стороны интеллекта / Дж. Гилфорд // Психология мышления / под ред. А. М. Матюшкина. — М. : Прогресс, 1965. — 23 с.
2. *Ильин Е. П.* Психология общения и межличностных взаимодействий / Е. П. Ильин. — СПб. : Питер, 2011. — 576 с.
3. *Корчагина Н. В.* Проблема соотношения академического и социального интеллекта в отечественной и зарубежной психологии / Н. В. Корчагина // Прикладная психология и психоанализ. — 2006. — № 4. — С. 12–23.
4. *Савенков А. И.* Социальный интеллект как проблема психологии одаренности и творчества / А. И. Савенков // Психол. журнал Высшей школы экономики. — 2005. — Т. 2, № 4. — С. 94–101.

5. Смирнова П. В. Роль социального интеллекта в становлении профессиональной идентичности / П. В. Смирнова // Одаренный ребенок. — 2006. — № 2. — 14 с.

ПОНЯТИЕ «МАТЕРИНСТВО» В ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ. ФУНКЦИИ МАТЕРИ

И. В. Новичихина, магистрант 1 курса

**Научный руководитель — канд. психол. наук,
доц. И. В. Завгородняя**

Материнство изучается в русле различных наук: истории, культурологии, медицины, физиологии, биологии поведения, социологии и психологии. Каждая наука изучает и определяет материнство, исходя из своих целей и задач. Интерес к комплексному изучению материнства появился сравнительно недавно, в 90-е годы XX века. Этому способствовало появление общественного и научного интереса к работам по изучению особенностей матери и ее отношений с ребенком, а также формулирование запроса на психологическую помощь во время беременности и родов.

С. А. Минюрова, Е. А. Тетерлева отмечают, что все психологические работы в области материнства позволяют выделить два основных направления современных исследований. Первое посвящено обсуждению качеств, поведения матери, изучению их влияния на развитие ребенка. Мать рассматривается в терминах долженствования как детерминант развития личности ребенка, как объект — носитель родительских функций, лишенный субъективной психологической реальности. Второе направление анализа материнства акцентирует внимание на идее субъективности женщины-матери. Поэтому, анализируя материнство, авторы определяют его как уникальную ситуацию развития самосознания женщины, которая становится этапом переосмысления собственного детского опыта с родительских позиций, периодом интеграции образа родителя и ребенка [3]. Рассмотрим некоторые определения понятия «материнство».

Е. В. Матвеева определяет материнство как особый тип деятельности женщины, опираясь на положение В. В. Давыдова о типологии деятельности. Давыдов выделял типы деятельности, которые сложились и возникли в процессе онтогенеза. Последние обозначены как воспроизводящие. Матвеева считает, что к этому типу деятельности и относится материнство [4].

В. И. Брутман исследует материнство как одну из социальных женских ролей, на содержание которой детерминирующее влияние оказывают общественные нормы и ценности [1].

Ф. Хорват рассматривает материнство как личностные качества женщины, ее биологические и психологические особенности, которые женщина имеет как бы в себе, как какую-то художественную способность, вроде врожденного таланта. Материнство всегда будет главной частью жизнедеятельности женщины, по мнению Ф. Хорват. Из материнства женщина черпает сознание смысла своей жизни во всей полноте. Оптимистическое отношение к жизни является результатом счастливого материнства. Ничто не может с такой силой принести удовлетворение женщине-матери, дать ей более полное сознание осмысленности прожитой жизни, как убежденность в том, что ее материнское предназначение реализовано успешно.

Г. Г. Филиппова анализирует материнство как часть личностной сферы женщины, системное образование, включающее потребности, ценности, мотивы и способы их реализации [5].

Таким образом, мы видим, что материнство как психосоциальный феномен исследуется с двух основных позиций: материнство как обеспечение условий для развития ребенка и материнство как часть личностной сферы женщины.

Для целостного видения материнства необходимо обозначить функции, присущие матери. Они достаточно сложны и многообразны и состоят в удовлетворении всех физиологических потребностей ребенка, обеспечении его эмоционального благополучия, в развитии привязанности, базовых структур отношения к миру, общения, основных личностных качеств ребенка и его деятельности.

Филиппова выделяет две взаимосвязанные группы материнских функций. Первая группа функций названа видотипичной. Она призвана обеспечить особенности развития ребенка, соответствующие данному виду как в когнитивной, так и в эмоциональной сфере.

К группе видотипичных функций относятся следующие функции матери:

- обеспечение стимульной среды для пренатального и постнатального развития когнитивных и эмоциональных процессов;
- обеспечение условий (в форме разделения деятельности с ребенком) для развития видотипичной структуры деятельности;
- обеспечение условий для возникновения прижизненно формирующихся видотипичных потребностей: потребности в эмоциональном взаимодействии со взрослым, в получении положительных эмоций от взрослого, включения взрослого в чувственно-практическую деятельность, потребность в оценке взрослым своей активности и ее результатов, познавательная потребность и др., а также формирование привязанности;
- обеспечение условий для освоения видотипичных средств отражения как системообразующих для сферы общения в виде формирования потребности в общении;
- обеспечение условий для развития мотивационных механизмов.

Вторая группа функций – конкретно-культурная – предполагает формирование таких особенностей когнитивной и эмоциональной сфер ребенка, которые будут соответствовать конкретно-культурной модели материнства. К группе конкретно-культурных функций относятся:

- обеспечение матерью (родителями) предметной среды и условий чувственно-практической, игровой деятельности и общения, которые способствуют образованию культурных особенностей когнитивной сферы и моторики;
- обеспечение условий для формирования культурной модели привязанности;
- обеспечение условий для формирования культурных особенностей социально-комфортной среды;
- организация условий для формирования культурных особенностей стиля мотивации достижения;
- обеспечение условий для формирования у ребенка основных культурных моделей: ценностно-смысловых ориентаций, семьи, материнства и детства и др.

Филиппова отмечает, что далеко не все эти функции осознаются матерью. Однако мать успешно выполняет эти функции много тысячелетий. Некоторые из материнских функций, такие, как удовлетворение органических потребностей ребенка, формирование у него некоторых личностных качеств, в достаточной мере осознаются матерью и обществом. Другие существуют в общественном сознании и созна-

нии матери в преобразованной форме, представления об их значении для ребенка в разной степени приближаются к биологическим и социокультурным задачам его развития [2].

Взгляд Филипповой относительно материнских функций не является единственно правильным и окончательно определенным. Различные направления в психологии имеют свой предмет исследования и в зависимости от этого оценивают и интерпретируют функции матери.

Таким образом, правильная подготовка женщины к выполнению функций матери включает в себя позитивное видение материнства, которое дает новые возможности для мобилизации своего потенциала в качестве матери.

Литература

1. *Брутман В. И.* Некоторые результаты социологического обследования женщин, отказавшихся от своих новорожденных детей / В. И. Брутман, М. С. Панкратова, С. Н. Ениколопов // *Вопр. психологии.* – 1994. – № 5. – С. 24–27.

2. *Винникот Д. В.* Маленькие дети и их матери / Д. В. Винникот. – М. : Класс, 2007. – 80 с.

3. *Исупова О. Г.* Социальный смысл материнства в современной России / О. Г. Исупова // *Социс.* – 2000. – № 11. – С. 15–19.

4. *Матвеева Е. В.* Анализ материнства с позиции теории деятельности / Е. В. Матвеева. – Курск : ВГГУ, 2004 – 326 с.

5. *Филиппова Г. Г.* Психология материнства : учеб. пособие / Г. Г. Филиппова. – М. : Изд-во Института психотерапии, 2002. – 240 с.

СВЯЗЬ ВИКТИМНОГО ПОВЕДЕНИЯ С УДОВЛЕТВОРЕННОСТЬЮ БРАКОМ

В. А. Стожко, студентка 3 курса

Научный руководитель – канд. психол. наук, доц. О. П. Макушина

В настоящий момент в России участилось количество разводов. Мы считаем, что важную роль в увеличении количества разводов в нашей стране играет виктимное поведение супругов. В связи с этим

была проведена работа по установлению связи виктимного поведения с удовлетворенностью браком. Этот доклад представляет результаты проведения данной работы.

Исследованием различных аспектов виктимного поведения занимается наука виктимология. Виктимность как отклонение от норм безопасного поведения реализуется в совокупности социальных (статусные характеристики ролевых жертв и поведенческие отклонения от норм индивидуальной и социальной безопасности), психических (патологическая виктимность, страх перед преступностью и иными аномалиями) и моральных (интериоризация виктимогенных норм, правил поведения виктимной и преступной субкультуры, виктимные внутриличностные конфликты) проявлений [2].

Интерпретацию понятия удовлетворенности браком дает Е. Ю. Алешина [1]. Она обозначает удовлетворенность браком как характеристику субъективной оценки каждым из супругов характера их взаимоотношений. Часто употребляемыми синонимами термина «удовлетворенность браком» являются «успешность брака», «сплоченность семьи», «совместимость супругов», «стабильность брака».

Проведенное нами исследование связи виктимного поведения с удовлетворенностью браком дало следующие результаты.

В результате исследования удовлетворенности браком у тридцати человек мы получили значения, показывающие степень удовлетворенности — неудовлетворенности браком. Из них, по результатам диагностики, 3 % принадлежат к абсолютно неблагополучной семье, 3 % — к скорее неблагополучной семье, 3 % — к переходной семье, 14 % — к скорее благополучным семьям, 43 % — к благополучным семьям и 34 % человек — к абсолютно благополучным семьям.

В результате исследования склонности к виктимному поведению были получены следующие результаты.

Показатель агрессивного виктимного поведения у 36 % человек находится на уровне ниже нормы. У 64 % человек показатель агрессивного виктимного поведения находится на нормальном уровне.

Показатель самоповреждающего и саморазрушающего поведения у 64 % человек находится на уровне ниже нормы. У 36 % человек этот показатель находится на нормальном уровне.

Показатель гиперсоциального поведения у 7 % человек находится на уровне ниже нормы. У 60 % человек этот показатель находится на нормальном уровне. У 33 % человек этот показатель находится на высоком уровне.

Показатель зависимого и беспомощного поведения у 33 % человек находится на уровне ниже нормы. У 67 % человек этот показатель находится на нормальном уровне.

У 60 % человек показатель некритичного поведения находится на уровне ниже нормы. У 40 % человек этот показатель находится на нормальном уровне.

Показатель реализованной виктимности у 93 % человек находится на уровне ниже нормы. У 7 % этот показатель находится на нормальном уровне.

В целях установления связи между показателями удовлетворенности браком и склонности к виктимному поведению был проведен корреляционный анализ. По его результатам можно констатировать, что связи между удовлетворенностью браком и агрессивным поведением, самоповреждающим и саморазрушающим поведением, гиперсоциальным поведением, некритичным поведением не установлено. Нельзя констатировать также наличие связи между удовлетворенностью браком и реализованной виктимностью.

Однако коэффициент корреляции между удовлетворенностью браком и зависимым и беспомощным поведением попал в зону неопределенности. Это говорит о том, что следует отклонить гипотезу о наличии их связи. Но можно сказать, что была установлена тенденция связи зависимого и беспомощного поведения с удовлетворенностью браком. Установление этой связи возможно при проведении дополнительных исследований с увеличением числа испытуемых. Эта связь может быть объяснена тем, что при низкой удовлетворенности браком человек уходит в зависимость, чтобы получить удовлетворение, положительные эмоции, которых ему не хватает в браке.

Таким образом, нами была проведена работа по установлению связи между виктимным поведением и удовлетворенностью браком. В результате этой работы мы констатируем тенденцию связи зависимого и беспомощного поведения с удовлетворенностью браком. Со всеми остальными видами виктимного поведения, рассмотренными выше, эта связь не обнаружена.

Литература

1. *Алешина Ю. Е.* Индивидуальное семейное консультирование / Ю. Е. Алешина. — М. : Класс, 1999. — 208 с.
2. *Туляков В. А.* Виктимология / В. А. Туляков. — Киев : Наука, 2003. — 148 с.

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ КЛИМАТ В УЧЕБНЫХ ГРУППАХ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ РАЗВИТИЯ

О. В. Губина, студентка 5 курса

Научный руководитель – канд. психол. наук О. В. Тимофеева

На протяжении всей жизни человек является членом тех или иных групп. Именно в них происходят социализация и обучение человека, общение и взаимодействие с окружающим миром и людьми. В группе человек раскрывает свой социальный и психологический потенциал.

Группа – это определенное число лиц (не меньше трех), связанных системой отношений, регулируемых ценностями и отделенных от других общностей определенным принципом обособления [1].

Особый интерес представляют учебные группы, в частности студенческие. В групповой деятельности происходит не просто обучение, подготовка к высококвалифицированному профессиональному труду, но самое главное – интенсивное становление, воспитание личности каждого члена группы и профессиональное формирование специалиста.

Студенческая группа способна существенно повысить эффективность индивидуального процесса усвоения знаний. Но для этого нужно, чтобы в группе установился благоприятный социально-психологический климат.

Социально-психологический климат коллектива является существенным фактором жизнедеятельности человека, оказывающим влияние на всю систему социальных отношений, на образ жизни людей, на их повседневное самочувствие, работоспособность и уровень творческой и личностной самореализации [3].

Актуальность данного исследования диктуется, с одной стороны, необходимостью дополнения имеющихся в литературе сведений о социально-психологическом климате за счет его рассмотрения в учебных группах, находящихся на разных уровнях развития, а с другой – запросами практики, обусловленными усиливающимся характером групповой деятельности и проблемами эффективности последней.

Целью нашего исследования является изучение социально-психологического климата в учебных группах с разным уровнем развития.

В качестве объекта нашего исследования выступает социально-психологический климат в группе. Предметом является социально-психологический климат в учебных группах с разным уровнем развития.

Гипотеза исследования состоит в предположении о том, что социально-психологический климат различается в группах с разным уровнем развития, а именно: в группах низкого уровня развития (ассоциациях) отмечается общая неблагоприятность социально-психологического климата и в его структуре наиболее выражен эмоциональный компонент, в группах среднего уровня (кооперациях) доминируют эмоциональный и поведенческий компоненты, социально-психологический климат отличается неустойчивостью и в целом может быть как благоприятный, так и неблагоприятный, а в группах с более высоким уровнем развития (автономизациях и коллективах) преобладает когнитивный компонент и наблюдается благоприятный социально-психологический климат.

Эмпирическое исследование проводилось на базе ФГБОУ ВПО «Воронежский государственный университет» (факультет философии и психологии, геологический и исторический факультеты) и Г(О) БОУ СПО «Задонский политехнический техникум».

Объектом эмпирического исследования выступили 36 студенческих групп общей численностью 329 человек.

По итогам применения методики «Диагностика уровня развития малой группы» Л. И. Уманского [4] были получены данные относительно уровня группового развития. Таким образом, все студенческие группы были разделены на 3 категории:

1) группы низкого уровня развития, к которым мы отнесли группы-ассоциации в количестве 11 учебных групп;

2) группы среднего уровня в развитии, представленные группами-кооперациями в количестве 15 групп;

3) группы высокого уровня развития — группы-автономии и коллективы в количестве 10 групп.

На основании «Методики для определения социально-психологического климата в группе» Л. Н. Лутошкина [2] был выявлен тип социально-психологического климата в студенческих группах с разным уровнем развития.

Применение «Экспресс-методики по изучению социально-психологического климата в трудовом коллективе» О. С. Михалюк, А. Ю. Шалыто [5] позволило выявить структуру социально-психоло-

гического климата в учебных группах с разным уровнем развития. На основании соотношения компонентов социально-психологического климата нами была дана характеристика этого климата в целом.

В дальнейшем была проведена статистическая обработка полученных данных. Так, для определения различий в типах социально-психологического климата в учебных группах с разным уровнем развития мы использовали критерий Манна — Уитни. Различия в структуре СПК мы выявляли с помощью критерия χ^2 — Пирсона.

По итогам проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Между студенческими группами с разным уровнем развития существуют значимые различия относительно типа социально-психологического климата. Для групп низкого уровня развития характерен среднеблагоприятный, проблемный тип; для учебных групп среднего уровня развития — благоприятный, неустойчивый; для групп высокого уровня — благоприятный, устойчивый.

2. Учебные группы с разным уровнем развития различаются по структуре социально-психологического климата. В структуре СПК групп с низким и высоким уровнем развития преобладает эмоциональный компонент, в группах среднего уровня — когнитивный компонент.

3. В целом социально-психологический климат в группах с низким и высоким уровнем развития может быть описан как неопределенный, а в группах со средним уровнем возможны несколько вариантов: неопределенный, в целом благоприятный и благоприятный социально-психологический климат.

Таким образом, гипотеза нашего исследования частично подтвердилась относительно различий в типах социально-психологического климата в учебных группах с разным уровнем развития и не подтвердилась относительно преобладания компонентов социально-психологического климата.

В качестве перспективного направления исследований можно выделить изучение динамики социально-психологического климата от момента образования группы до ее распада. Данное исследование поможет оценить роль различных факторов в формировании того или иного типа социально-психологического климата, проследить изменения, происходящие в нем в разные периоды существования группы.

Литература

1. *Коломинский Я. Л.* Психология взаимоотношений в малых группах / Я. Л. Коломинский. — Минск : ТетраСистемс, 2000. — 431 с.
2. *Лутотшкин А. Н.* Эмоциональные потенциалы коллектива / А. Н. Лутотшкин. — М. : Педагогика, 1988. — 128 с.
3. *Парыгин Б. Д.* Социально-психологический климат коллектива / Б. Д. Парыгин. — Л. : Наука, 1981. — 192 с.
4. *Уманский Л. И.* Психология организаторской деятельности школьников / Л. И. Уманский. — М. : Просвещение, 1980. — 160 с.
5. *Шалыто А. Ю.* Изучение социально-психологического климата в трудовом коллективе с помощью «экспресс-методики» / А. Ю. Шалыто, О. С. Михалюк // Социально-психологические проблемы в производственном коллективе. — М. : Наука, 1983. — 187 с.

САМООТНОШЕНИЕ ВЗРОСЛЫХ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ МАНИПУЛЯТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Ю. А. Красных, студентка 3 курса

Научный руководитель — канд. психол. наук О. В. Тимофеева

Благодаря определенным историческим и социальным условиям на современном этапе развития отечественной психологии представляется возможным более глубокое исследование внутреннего мира конкретной личности, одним из главных внутренних динамических процессов которой является самоотношение. В ходе жизни человек познает себя и накапливает о себе знания, эти знания составляют содержательную часть его представлений о себе. Однако знания о себе самом, естественно, ему безразличны: то, что в них раскрывается, оказывается объектом его эмоций, оценок, становится предметом его более или менее устойчивого самоотношения. Самоотношение может быть позитивным или негативным. Во многом это зависит от наличия конфликта человека с самим собой, проблем во взаимоотношениях с другими людьми, неспособности любить и т. д. [2].

Особый интерес вызывает период взрослости, так как он является периодом расцвета личности, самоактуализации, достижения «акме». Самоотношение в этот период во многом зависит от успехов

человека на работе, в семейной жизни, от разрешения кризисных периодов. К данному возрастному порогу у личности уже сформировался свой индивидуальный стиль взаимодействия с окружающим миром и другими людьми.

Отталкиваясь от принципа системности, который говорит о том, что в личности человека все взаимосвязано, мы предположили, что позитивное или негативное самоотношение имеет связь с уровнем манипулятивных отношений у человека. Манипуляция — это один из способов психологического воздействия на личность или группу, направленный на достижение манипулятором своих целей (вне зависимости от последствий для объекта манипуляции) путем незаметного для объекта его подталкивания к осуществлению желаемых манипулятором проявлений активности, как правило, не совпадающих с изначальными намерениями объекта манипуляции [3]. Манипуляции могут иметь как намеренный характер, так и стихийно-неосознанный. Мы рассматриваем манипуляции в контексте психологии личности, где важным является предрасположенность человека к использованию данной стратегии социального взаимодействия. Е. Л. Доценко считает, что манипуляции свойственны в основном невротическим личностям. Она также описывает следующие причины манипуляций: конфликт человека с самим собой (Ф. Перлз); недоверие по отношению к другим людям, неспособность к любви (Э. Фромм); ощущение абсолютной беспомощности (представитель экзистенциальной психологии); боязнь тесных межличностных контактов и т. д. [1].

Таким образом, мы видим, что причины, которые вызывают у личности предрасположение к манипуляциям, часто сопутствуют и людям, у которых есть проблемы с самоотношением. Дальнейшим нашим шагом в изучении данной проблемы будет исследование связи между уровнем манипулятивных отношений и составными компонентами самоотношения (аутосимпатия, самоуважение, ожидаемое отношение от других, самоинтерес).

Литература

1. *Доценко Е. Л.* Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита / Е. Л. Доценко. — М. : Речь, 2003. — 355 с.
2. *Столин В. В.* Самосознание личности / В. В. Столин. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1983. — 288 с.
3. *Кондратьев М. Ю.* Социальная психология. Словарь / М. Ю. Кондратьев — М. : Речь, 2006. — 398 с.

К ВОПРОСУ О ВИДАХ МОТИВАЦИИ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СТУДЕНТОВ

Тхаптхом Манунпон, магистрант 2 курса

Научный руководитель – канд. психол. наук О. В. Тимофеева

Авторы называют разные мотивы как поступления в вуз, так и учебной деятельности в нем, что во многом зависит от ракурса изучения этого вопроса, а также от произошедших за последнее время социально-экономических и политических изменений. Все же можно отметить стабильно проявляющиеся мотивы, не утрачивающие своего значения при различных укладах общественной жизни.

Обратимся сначала к обзору мотивов поступления в высшее учебное заведение.

Основными мотивами поступления в вуз являются: желание находиться в кругу студенческой молодежи, большое общественное значение профессии и широкая сфера ее применения, соответствие профессии интересам и склонностям и ее творческие возможности. Имеются различия в значимости мотивов у девушек и юношей. Девушки чаще отмечают большую общественную значимость профессии, широкую сферу ее применения, возможность работать в крупных городах и научных центрах, желание участвовать в студенческой художественной самодеятельности, хорошую материальную обеспеченность профессии. Юноши же чаще отмечают, что выбираемая профессия отвечает интересам и склонностям. Ссылаются и на семейные традиции.

Можно заключить, что мотивация поступления в вуз представлена как внешними, так и внутренними мотивами.

В процессе учебной деятельности в вузе исследователи также отмечают их присутствие. Так, В. Я. Кикоть и В. Я. Якунин, разделяя цели обучения и учения, заключают, что первые задаются извне и выделяют общественные запросы и ценности, которые по отношению к студентам являются внешними. Вторые определяются индивидуальными потребностями студентов, сформировавшимися на основании предшествующего опыта. Обе цели могут совпадать лишь в идеальном случае, когда первые воспроизводят себя в структуре индивидуальных мотивов [1].

«Мотивы учебной деятельности делятся на внешние и внутренние. Внешние мотивы не связаны с усваиваемыми знаниями и вы-

полняемой деятельностью. В этом случае учение служит учащемуся средством достижения других целей. Например, ученик не любит математику и мечтает стать психологом. Но он знает, что без хорошего владения математикой поступить в университет на факультет психологии невозможно. И вот желание стать психологом заставляет ученика старательно заниматься математикой. При внутренней мотивации мотивом служит познавательный интерес, связанный с данным предметом. В этом случае получение знаний выступает не как средство достижения каких-то других целей, а как сама цель деятельности учащегося. Только в этом случае имеет место собственно деятельность учения как непосредственно удовлетворяющая познавательную потребность; в других же случаях ученик учится ради удовлетворения других потребностей, непознавательных. В этих случаях говорят, что у учащихся мотив не совпадает с целью. Итак, учение может иметь различный психологический смысл для учащегося: а) отвечать познавательной потребности, которая и выступает в роли мотива учения, т. е. в качестве «двигателя» его учебной деятельности; б) служит средством достижения других целей» [2, с. 80–82].

П. М. Якобсон предложил для мотивов учебной деятельности свою классификацию.

Первый вид — мотивы, названные им «отрицательными». Под этими мотивами он понимал побуждения учащегося, вызванные осознанием определенных неудобств и неприятностей, которые могут возникнуть в том случае, если он не будет учиться: выговоры, угрозы родителей и т. д. По существу, при таком мотиве — это обучение без всякой охоты, без интереса к получению образования и к посещению учебного заведения.

Вторая разновидность мотивов учебной деятельности тоже связана с внеучебной ситуацией, имеющей, однако, положительное влияние на учащегося. Воздействие общества формирует у учащегося чувство долга, которое обязывает его получить высшее образование, в том числе и профессиональное, и стать полноценным гражданином, полезным для страны и своей семьи.

Третий вид мотивации связан с самим процессом учебной деятельности. Эти мотивы побуждают учиться, стимулируют потребность в знаниях, любознательность, стремление познать новое. Учащийся получает удовлетворение от роста своих знаний при освоении нового материала; мотивация учения отражает устойчивые познавательные интересы.

Кроме этого, есть сведения о динамике мотивов учебной деятельности. Ведущими учебными мотивами у студентов являются «профессиональные» и «личного престижа», менее значимыми — «прагматические» (получить диплом о высшем образовании) и «познавательные». Правда, на разных курсах роль доминирующих мотивов меняется. На первом курсе ведущий мотив — «профессиональный», на втором — «личного престижа», на третьем и четвертом — оба этих мотива, на четвертом — еще и «прагматический».

Литература

1. *Ильин Е. П.* Мотивация и мотивы / Е. П. Ильин. — СПб. : Питер, 2000. — 512 с.

2. *Талызина Н. Ф.* Формирование познавательной деятельности подростков / Н. Ф. Талызина. — М. : Просвещение, 1988. — 175 с.

ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ВОЗРАСТА В НАУКЕ

Ю. А. Бусыгина, студентка 4 курса

Научный руководитель — канд. психол. наук, доц. О. П. Макушина

Возраст — объективная, культурно-исторически изменчивая, хронологически и символически фиксированная характеристика и стадия развития индивида в онтогенезе. Абсолютный (или календарный, паспортный) возраст датируется в единицах измерения времени (год, месяц, день). В науке (психологии) используется условный возраст, определяемый методом периодизации онтогенеза человеческой жизни. Обычно выделяются: пренатальный, младенческий возраст, раннее детство, дошкольный, младший школьный, подростковый, юношеский возраст, молодость, зрелость, старость [3]. Периодизация позволяет разбить жизненный путь индивида на отрезки и придать возрасту содержательное значение. Для каждого возраста определяются нормативы развития — психофизического, мыслительного, эмоционального, личностного и т. д.

Иногда в науке специально выделяются биологический, социальный и психологический возраста, определяемые соотношением не-

которой суммы биологических, социологических и психологических параметров индивида с совокупностью среднестатистических особенностей того или иного возраста. Биологический возраст определяется состоянием обмена веществ и функций организма по сравнению со статистически средним уровнем развития. Социальный возраст измеряется путем соотнесения уровня социального развития человека (например, овладение определенным набором социальных ролей) с тем, что статистически нормально для его сверстников [5].

Возраст характеризуется теми специфическими задачами освоения форм культуры, которые решаются человеком на данной стадии развития.

Необходимо разделить объективно-нормативный подход к определению возраста и субъективно-нормативный. Последний включает в себя многообразие человеческих установок и распространенные в современном обществе негативные и позитивные стереотипы в отношении разных возрастных категорий людей.

Объективно-нормативный подход к определению возраста основан на исследовании текущего состояния в биологическом, психологическом или социальном развитии человека и сравнении данного состояния с нормативными характеристиками, установленными для разных возрастов в массовых обследованиях с использованием научных методов и статистических показателей.

Существуют формальные возрастные нормы, которые являются продуктом традиционной культуры, законодательства. Их изучают этнографы, историки, культурологи, социологи и т. д. Формальные нормы особенно эффективны в понимании поведения людей, которые в силу своего социального положения должны следовать этим нормам («играть» соответствующие социальные роли) [4].

Такой подход к изучению возраста как дифференцированной меры времени человеческой жизни, предполагающий отдельное измерение биологического, социального и психологического возраста, в современной науке называется полиизмерительным [1]. При этом возникает проблема множественности нормативных критериев, в соответствии с которыми возможно получение интегративных возрастных показателей.

В настоящее время исследования психологического возраста актуализируются в связи с разработкой проблемы жизненного пути личности и необходимостью психологического обоснования возрастной периодизации индивидуальной жизни [2].

Понятие «психологический возраст» нередко упоминается в научной литературе. Однако, как правило, считается, что оно определяется путем соотнесения уровня психического (умственного, эмоционального и т. д.) развития индивида с соответствующим нормативным среднестатистическим симптомокомплексом. То есть психологический возраст чаще всего ассоциируется с возрастом психических или психофизиологических функций, наиболее ярким примером чего является «интеллектуальный возраст», определяемый путем сравнения результатов решения человеком различных тестов со средними результатами в данной хронологической группе. Такое понимание возраста, несмотря на свою распространенность, представляется теоретически некорректным. Проблемой психологического возраста занимались такие ученые, как Евгений Иванович Головаха и Александр Александрович Кроник. Согласно их мнению понятие возраста имеет вполне определенную временную нагрузку, являясь характеристикой длительности существования той или иной системы [1] и выступая по существу мерой ее прошлого. Поэтому понятие возраста производно от понятия «время» и не может быть определено без понимания того, о каком времени идет речь и что выступает единицей измерения этого времени. Определить интеллектуальный возраст как действительно временную характеристику невозможно, т. к. непонятно, о каком времени идет речь, мерой какого прошлого является этот возраст. «Интеллектуальный возраст», точно так же, как и любой другой «функциональный» возраст, есть лишь статистическая характеристика положения индивида в общем выборочном распределении, но не его временная характеристика. Использование понятия возраста теоретически оправдано лишь в том случае, если оно носит именно временной смысл с возможностью измерения соответствующих ему единиц времени [2].

Наряду с известными измерениями возраста существует также и особый аспект, связанный с его субъективной оценкой. Самооценка возраста определяется в сознании личности на основе обобщенного отражения особенностей жизненного пути в целом и его отдельных этапов.

Можно предположить, что истинный, «календарный возраст» не всегда будет совпадать с оценкой, подсказанной внутренним чувством. Для подтверждения данного предположения проводились исследования, в которых испытуемым предлагалось представить, что они не знают своего истинного календарного возраста и ответить на

вопрос, сколько им, по их ощущениям, лет. Большинство опрошенных (55 %) считали себя более молодыми, чем это было в действительности. В исследовании была обнаружена определенная тенденция, феномен консервации возраста. Это выражается в различии между испытуемыми, принадлежащими к разным возрастным группам. Во-первых, с возрастом увеличивается число лиц, чувствующих себя более молодо, чем на самом деле. Во-вторых, степень занижения собственного возраста в самооценках также значительно увеличивается в группе свыше 30 лет [1].

Вероятно, формирование оценки собственного возраста предполагает принятие позиции внешнего наблюдателя по отношению к собственным внутренним процессам — наблюдателя, независимого от содержания этих процессов. Поскольку это невозможно, то оценка собственного возраста может не совпадать с его объективной величиной.

Второе возможное объяснение этого несовпадения может быть найдено в социальных факторах, обуславливающих оценку личностью собственного возраста. Таким фактором может выступить существующая в обществе система возрастно-ролевых ожиданий, предъявляемых к достижению личностью определенного статуса, соответствующего тому или иному возрасту. С этой точки зрения самооценка возраста является результатом сопоставления личностью своих имеющихся достижений в различных сферах жизнедеятельности с предъявляемыми к человеку возрастно-ролевыми ожиданиями. В случае, если достижения человека опережают социальные ожидания по отношению к нему, он будет чувствовать себя старше истинного возраста; если же человек достиг меньшего, чем от него ждут в данном возрасте, то он будет чувствовать себя моложе. Существуют исследования, подтверждающие действие данного механизма [2].

Однако время жизни личности — это не только прожитые годы, но и те, которые предстоит прожить в будущем. Представление о них может выступать субъективным фактором, воздействующим на самооценку возраста. Самооценка возраста выступает соотношением прошлого и будущего, т. е. мерой реализованности времени жизни. В связи с этим целесообразно объяснить феномен консервации возраста влиянием на самооценку возраста представлений личности о времени жизни в будущем. Занижение самооценки возраста может быть обусловлено таким субъективным фактором, как стремление человека в условиях ограниченного общего времени жизни и объективно умень-

шающегося с каждым прожитым годом будущего времени замедлить реальный процесс его проживания, заимствуя из неопределенного прошлого некоторое количество лет и как бы передавая их в фонд будущего [2]. Степень реализованности психологического времени является интегральным субъективным фактором формирования самооценки возраста. Здесь находят отражение и представления личности о наиболее вероятной для нее продолжительности жизни, о числе прожитых и предстоящих лет, и событийное содержание личного прошлого, настоящего и будущего. Однако только событийные единицы не всегда оказываются адекватными для измерения реализованности психологического времени. Подсчет числа событий ненамного будет отличаться от подсчета прожитых лет. Учитывая значимость событий для самой личности, возможно приблизиться к измерению реализованности ее психологического времени. Реализованность психологического времени осознается человеком в форме особого переживания своего «внутреннего» возраста, который в отличие от хронологического, биологического и социального может быть назван психологическим возрастом личности.

Психологический возраст личности — мера психологического прошлого человека. Для того чтобы определить психологический возраст, достаточно знать ее собственные особенности психологического времени.

Психологический возраст обратим, т. е. человек не только стареет в психологическом времени, но и может молодеть в нем за счет увеличения психологического будущего или уменьшения прошлого. Кроме того, психологический возраст многомерен. Он может не совпадать в разных сферах жизнедеятельности. К примеру, человек может чувствовать себя почти полностью реализовавшимся в семейной сфере и одновременно ощущать нереализованность в профессиональной [1].

Методы измерения психологического возраста личности позволяют определить количественные показатели субъективной реализованности жизни, на основе которых возможна качественная интерпретация соотношения психологического и хронологического возраста. Если по данным измерений человек чувствует себя значительно моложе своего хронологического возраста, это свидетельствует о том, что его представления о будущем чрезмерно оптимистичны, поскольку его планы и ожидания рассчитаны на больший диапазон хронологического времени, чем тот, которым он располагает на самом

деле. И наоборот, когда психологический возраст значительно превышает хронологический, это свидетельствует о неоправданном пессимизме, так как годы и десятилетия будущего оказываются «пустыми», незаполненными планами, надеждами, стремлениями. Поэтому данные результаты, по мнению Е. И. Головахи и А. А. Кроника, с одной стороны, могут найти применение в психологической диагностике таких личностных характеристик, как уровень оптимизма — пессимизма, а с другой — могут способствовать рациональному планированию личностью времени в биографическом масштабе и его содержательному использованию [1].

Литература

1. Головаха Е. И. Психологическое время личности / Е. И. Головаха, А. А. Кроник. — Киев : Наукова думка, 1984. — 127 с.
2. Кроник А. А. Психологический возраст личности / А. А. Кроник, Е. И. Головаха // Психол. журнал. — 1983. — № 5. — С. 57–65.
3. Большой психологический словарь / под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. — 3-е изд. — М. : Прайм-Еврознак, 2003. — 633 с.
4. Психология. Словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. — 2-е изд., испр. и доп. — М. : Политиздат, 1990. — 494 с.
5. Сапогова Е. Е. Психология развития человека : учеб. пособие / Е. Е. Сапогова. — М. : Аспект Пресс, 2005. — С. 33–52.

ИССЛЕДОВАНИЕ ОБРАЗА «ТЕЛЕСНОГО Я» У ЖЕНЩИН

Е. О. Горькаева, магистрант 1 курса

Научный руководитель — канд. психол. наук О. М. Бабич

В современном мире на внешний облик женщины влияют не только объективные физиологические факторы, но и — в большей мере — социальные, которые могут выражаться в суждениях, мнениях, стереотипах, культурных эталонах. Активность средств массовой информации в пропаганде идеального тела приводит к тому, что значительное количество женщин оценивает свою внешность на предмет ее соответствия заданному стандарту.

Телесность, или «телесное Я», является неотъемлемым звеном самосознания и вносит значимый вклад в целостное ощущение человеком собственного Я. Особенно большое значение «телесное Я» приобретает в подростковом возрасте, когда собственное Я начинает выходить для человека на передний план, а другие стороны Я еще отстают в своем развитии. Однако следует отметить, что во многих современных исследованиях практически не уделяется внимания телесному самосознанию.

Таким образом, актуальность нашего исследования обусловлена тем, что в современном обществе средствами массовой информации активно создается культ «идеального тела». Следовательно, в сознании женщины формируются идеальный и реальный образы «телесного Я», отношения между которыми могут иметь конфликтный характер.

Разработка проблемы телесности началась в психоаналитической школе и в дальнейшем развивалась в нескольких направлениях. В своей теории З. Фрейд, рассматривая ранние стадии развития Я, относил его проявления во многом к телесной сфере. А. Адлер отмечал связь между самооценкой и образом телесного «Я», обращая внимание на то, что можно рассматривать некоторые типы поведения людей как попытку компенсации истинной или воображаемой ущербности их физического тела. Следовательно, представления личности о своем собственном теле оказывают существенное влияние не только на самооценку, но и на отношения с другими людьми. Человек, получая оценку своего физического облика окружающими, формирует в своем сознании идеальный образ тела, которого стремится достичь. К. Г. Юнг предположил, что существует телесное сознание и телесное бессознательное, причем образы тела и способность управлять ими находятся в области сознания, а аффективные переживания и неконтролируемые процессы телесной организации — в области бессознательного [4].

К. Хорни центральным моментом самосознания считала условные иллюзорные представления о себе. Такое «идеальное Я» позволяет чувствовать себя в псевдобезопасности. Таким образом, Хорни рассматривает самосознание человека через взаимодействие «реального Я» и «идеального Я». При этом отношение к себе, в том числе и к собственному телу, формируется прежде всего под влиянием родителей, в значительной степени определяя «знак» этого отношения [6]. Практически сходную позицию, с использованием той же терминологии, занимает Э. Берн. В его работах понятие «образа тела» рас-

сма­три­ва­ет­ся как пси­хо­ло­гическое обра­зо­ва­ние, вклю­чаю­щее пред­став­ле­ния лич­но­сти о себе в физио­ло­гическом и соци­аль­ном пла­нах, при этом под­чер­ки­ва­ет­ся зна­чи­мость для че­ло­ве­ка пред­став­ле­ний о том, как дру­гие лю­ди вос­при­ни­ма­ют его тело [2].

В на­сто­я­щее время сре­ди ис­сле­до­ва­те­лей от­сут­ствует еди­ный под­ход к по­ни­ма­нию та­кого фе­но­мена, как образ «те­лес­ного Я». М. В. Ага­рев опре­де­ля­ет образ «те­лес­ного Я» как ка­че­ство лич­но­сти, со­став­ляю­щее те­лес­но-чув­ствен­ную ос­но­ву соз­на­ния, вклю­чаю­щее в себя мен­таль­ное пред­став­ле­ние о теле, обра­зу­ю­щее зри­тель­ную кар­ти­ну, в ос­но­ве ко­то­рой на­хо­дятся обра­зы-впе­чат­ле­ния че­ло­ве­ка о себе [1]. В. Н. Ни­ки­тин счита­ет, что образ «те­лес­ного Я» — это ин­те­граль­ное пси­хическое обра­зо­ва­ние, соци­аль­но-куль­тур­ный про­дукт, скла­ды­ва­ю­щий­ся в про­цес­се раз­ви­тия и по­сти­же­ния лич­но­стью сво­ей те­лес­ной са­мо­иден­тич­но­сти. А. Ш. Тхо­стов опре­де­ля­ет образ «те­лес­ного Я» как пред­став­ле­ние субъ­ек­та о сво­ем теле, со­от­вет­ст­вую­щее раз­лич­ным со­сто­я­ни­ям и жиз­нен­ным си­ту­а­ци­ям че­ло­ве­ка [5]. Сле­до­ва­тель­но, дан­ный фе­но­мен яв­ля­ет­ся из­мен­чи­вым пси­хо­ло­гическим обра­зо­ва­нием.

Как ви­дим, образ тела, пред­став­ля­е­мый че­ло­ве­ком, яв­ля­ет­ся сим­во­лической про­ек­ци­ей его со­сто­я­ния, лич­но­стных осо­бен­но­стей и меж­лич­но­стных вза­имодей­ст­вий. В сво­ем ис­сле­до­ва­нии мы выд­ви­нули пред­по­ло­же­ние о том, что у жен­щин, не­удов­ле­тво­рен­ных сво­им телом, су­ще­ст­вует зна­чи­тель­ное рас­хо­же­ние меж­ду иде­аль­ным и ре­аль­ным обра­за­ми «те­лес­ного Я» по срав­не­нию с жен­щи­нами, удов­ле­тво­рен­ными сво­им телом.

Для про­вер­ки ги­по­те­зы на­ми бы­ло про­ве­де­но пи­ло­таж­ное ис­сле­до­ва­ние, в ко­то­ром при­няли уча­стие 100 жен­щин. Для оцен­ки не­удов­ле­тво­рен­но­сти — удов­ле­тво­рен­но­сти жен­щи­нами сво­им телом был ис­поль­зо­ван мо­ди­фи­ци­ро­ван­ный ва­ри­ант ме­то­ди­ки «Тест цве­то­ука­за­ния на не­удов­ле­тво­рен­ность соб­ст­вен­ным телом» (О. Ву­лей и С. Ролл.) [3]. Ре­аль­ный и иде­аль­ный обра­зы «те­лес­ного Я» изу­ча­лись с по­мо­щью ме­то­ди­ки «Лич­но­ст­ный диф­фе­рен­ци­ал», яв­ляю­щей­ся ва­ри­ан­том «Се­ман­ти­чес­кого диф­фе­рен­ци­ала», раз­ра­бо­тан­ного Ч. Ос­гудом.

Ана­лиз эм­пи­ри­чес­ких дан­ных по­ка­зал, что в ис­сле­ду­е­мой вы­бор­ке боль­ше по­ло­ви­ны ис­пы­ту­е­мых (56,4 %) ин­ди­ффе­рен­тно от­но­сятся к соб­ст­вен­ному телу. Мож­но по­ла­гать, что эти жен­щи­ны в це­лом при­ни­ма­ют соб­ст­вен­ное тело, но от­но­сятся к нему ли­бо ней­траль­но, не ис­пы­ты­вая си­льно вы­ра­жен­ных эмо­ций, ли­бо кон­тра­стно — де-

монстрируя равно выраженное позитивное и негативное отношение. Треть женщин удовлетворены своим телом и принимают его таким, каково оно есть, испытывая в основном положительные эмоции и переживания. И у 13,6 % женщин выявлено неудовлетворительное отношение к своему телу. Данные испытуемые не принимают собственное тело и относятся к нему неприязненно.

В итоге статистического анализа эмпирических данных нами были выявлено значимое расхождение между идеальным и реальным образами «телесного Я» в группе женщин, неудовлетворенных собственным телом. Можно полагать, что данные, полученные в результате исследования, подтверждают теоретические положения концепций Р. Бернса и А. Адлера о существовании тесной взаимосвязи между самооценкой личности и ее отношением к собственному телу. Эмоционально-ценностное отношение женщин к своей внешности определяется прежде всего их самоотношением и в свою очередь влияет на степень расхождения между идеальным и реальным образами тела. Кроме того, теоретический анализ данной проблемы способствовал выявлению фактов, касающихся особенностей восприятия женщинами своей внешности на разных этапах онтогенеза.

Таким образом, исследование образа «телесного Я» у женщин позволило нам определить дальнейший этап исследования, в ходе которого предполагается изучить данный феномен у женщин разных возрастных групп.

Литература

1. *Агарев М. В.* Образ телесного Я ребенка как педагогическая проблема / М. В. Агарев // Теоретические и методологические проблемы современного образования : материалы VI Международной научн.-практ. конференции. — М., 2011. — С. 20 — 22.
2. *Бернс Р.* Развитие Я-концепции и воспитание / Р. Бернс. — М. : Прогресс, 1986. — 424 с.
3. *Бурлачук Л. Ф.* Словарь-справочник по психодиагностике / Л. Ф. Бурлачук, С. М. Морозов. — СПб. : Питер, 2001. — 528 с.
4. *Мак-Нилли Д.* Прикосновение: глубинный анализ и телесная терапия / Д. Мак-Нилли. — М. : Институт общегуманитарных исследований, 1999. — 144 с.
5. *Тхостов А. Ш.* Психология телесности / А. Ш. Тхостов — М. : Смысл, 2002. — 287 с.
6. *Хорни К.* Психология женщины / К. Хорни. — М. : Эксмо, 2003. — 352 с.

СВЯЗЬ УРОВНЯ СТРЕССА С НАПРАВЛЕННОСТЬЮ ЛОКУСА КОНТРОЛЯ

Ю. С. Мухина, студентка 4 курса

Научный руководитель — канд. психол. наук, доц. Н. Е. Есманская

Резкое повышение темпа жизни, увеличение эмоциональных и информационных нагрузок придают проблематике психического стресса и в особенности проблеме индивидуальной устойчивости к нему особое значение [1].

На отношение человека к стрессогенным событиям влияет множество факторов: личностные характеристики, жизненный опыт, значимость проблемы, нюансы ситуации.

Целью данного исследования является установление зависимости уровня стресса от направленности локуса контроля личности.

Объектом нашего исследования являются индивидуально-личностные особенности людей.

Предмет исследования: связь уровня стресса с направленностью локуса контроля.

Гипотезы исследования: люди с интернальным локусом контроля являются более стрессоустойчивыми, чем люди с экстернальным локусом контроля. С возрастом стрессоустойчивость повышается.

Исследование проводилось на базе Воронежского государственного университета. Выборка составила 80 человек, отбор респондентов проводился случайным образом: 40 человек в возрасте от 22 до 30 лет и 40 — в возрасте от 30 до 53 лет. В данном докладе представлены результаты для 60 человек.

Для определения устойчивости респондентов к стрессу применялась методика определения нервно-психической устойчивости (НПУ) и риска дезадаптации в стрессе «Прогноз». Результаты для возрастной группы от 22 до 30 лет представлены в табл. 1, для возрастной группы от 30 до 53 лет — в табл. 2.

Таблица 1

НПУ (от 22 до 30 лет), %

Хорошая НПУ	10
Удовлетворительная НПУ	53
Неудовлетворительная НПУ	37

© Мухина Ю. С., 2014

В возрастной группе от 22 до 30 лет 10 % испытуемых обладают хорошей нервно-психической устойчивостью, 53 % испытуемых обладают удовлетворительной НПУ и 37 % обладают неудовлетворительной НПУ.

Таблица 2

НПУ (от 30 до 53 лет), %

Хорошая НПУ	0
Удовлетворительная НПУ	13
Неудовлетворительная НПУ	87

В возрастной группе от 30 до 53 лет 13 % испытуемых обладают удовлетворительной нервно-психической устойчивостью, 87 % испытуемых обладают неудовлетворительной НПУ.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что наша гипотеза о том, что испытуемые в возрастной группе от 30 до 53 лет обладают более высокой стрессоустойчивостью, чем испытуемые в возрастной группе от 22 до 30 лет, не подтвердилась. Возможно, это связано с тем, что у испытуемых возможен кризис среднего возраста, или с тем, что в старшем возрасте снижаются адаптационные ресурсы.

Для определения направленности локуса контроля нами была использована шкала экстернальности – интернальности Дж. Роттера. Результаты представлены для возрастной группы от 22 до 30 лет в табл. 3, для возрастной группы от 30 до 53 лет – в табл. 4.

Таблица 3

Направленность локуса контроля (от 22 до 30 лет), %

Экстернальность	45
Интернальность	55

Таблица 4

Направленность локуса контроля (от 30 до 53 лет), %

Экстернальность	42
Интернальность	58

Анализ результатов позволяет сделать следующие выводы: экстернальной направленностью локуса контроля в возрастной группе от 22 до 30 лет обладают 45 % испытуемых, интернальной – 55 % испытуемых. В возрастной группе от 30 до 53 лет экстернальной направленностью локуса контроля обладают 42 % испытуемых, интернальной – 58 %.

Для определения взаимосвязи локуса контроля и НПУ мы сопоставили показатели направленности локуса контроля с группами испытуемых, отличающихся разными уровнями нервно-психической устойчивости. Результаты представлены на диаграммах 1 и 2.

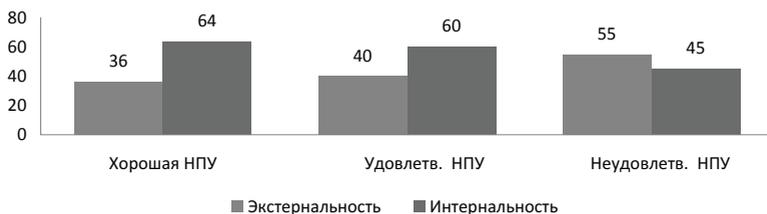

Диаграмма 1. Усредненные показатели интернальности — экстернальности у разных групп НПУ (%), возрастная группа от 22 до 30 лет

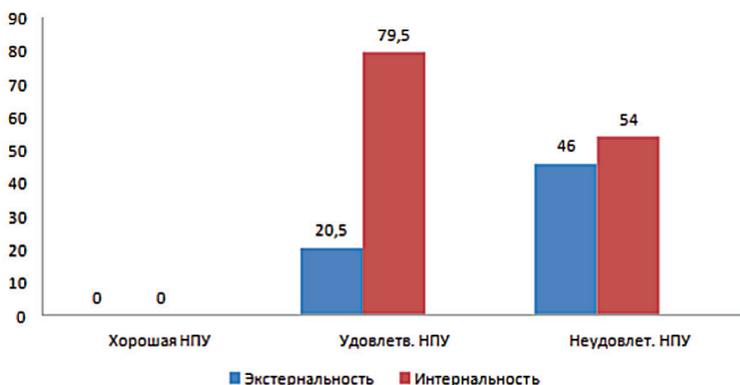

Диаграмма 2. Усредненные показатели интернальности — экстернальности у разных групп НПУ (%), возрастная группа от 30 до 53 лет

Приведенные результаты позволяют сделать следующие выводы.

В группе испытуемых с хорошей нервно-психической устойчивостью преобладают лица с завышенными показателями интернальности (64 %). В группе испытуемых с удовлетворительной нервно-психической устойчивостью и в возрастной группе от 22 до 30 лет, и в возрастной группе от 30 до 53 лет преобладают лица с завышенными показателями интернальности (60 % и 79,5 % соответственно). В группе испытуемых с неудовлетворительной нервно-психической

устойчивостью в возрастной группе от 22 до 30 лет преобладают лица с завышенными показателями экстернальности (55 %), а в возрастной группе от 30 до 55 лет преобладают лица с завышенными показателями интернальности (54 %), но у них показатели завышены в меньшей степени, чем у испытуемых с удовлетворительной нервно-психической устойчивостью.

Таким образом, мы можем сделать вывод, что наша гипотеза подтвердилась, люди с интернальным локусом контроля являются более стрессоустойчивыми, чем люди с экстернальным локусом контроля. Для статистической проверки гипотезы рекомендуется провести дальнейшее исследование.

Литература

1. *Василюк Ф. Е.* Уровни построения переживания и методы психологической помощи / Ф. Е. Василюк // *Вопр. психологии.* — 1996. — № 7. — С. 34–35.

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ ОДИНОЧЕСТВА И ДЕПРЕССИИ У ДЕВУШЕК С РАЗНОЙ СИБЛИНГОВОЙ ПОЗИЦИЕЙ

М. А. Моторина, магистрант 2 курса

**Научный руководитель — канд. психол. наук,
доц. И. В. Завгородняя**

Депрессия и одиночество в XXI веке переживаются все большим количеством людей, несмотря на развитие общества в целом и расширения способов и форм взаимодействия.

Юношеский возраст как период целостного становления личности является проблемным и сложным для молодых девушек. Сложности, встречающиеся на пути в этот период, порождают внутреннюю отстраненность девушки, неверие в себя и свои силы. Это формирует состояние одиночества и депрессии.

Под одиночеством мы понимаем психическое состояние человека, отражающее переживание своей отдельности, субъективной не-

возможности или нежелания чувствовать адекватный отклик, принятие и признание себя другими людьми [1, 25].

Под депрессией мы понимаем аффективное состояние, характеризующееся отрицательным эмоциональным фоном, изменением мотивационной сферы, когнитивных представлений и общей пассивностью поведения. [2, 89]

Переживание одиночества и депрессии может быть связано как с актуально сложившейся ситуацией, так и с привычным психологическим проявлением, закрепляющимся в условиях семейного воспитания, в частности той сиблинговой позиции, которую занимает ребенок.

Сиблинговая позиция, или порядок рождения — это порядок, который ребенок занимает в семье среди братьев и сестер. Она подразумевает под собой три параметра: сам порядок рождения (единственный, старший, средний и младший), пол и интервал между рождениями [3]. В нашем исследовании мы рассматривает первые два параметра, останавливаясь на следующих позициях рождения — единственный, старший и младший. Данные позиции имеют наиболее яркие личностные и социальные характеристики. Порядок рождения показывает предрасположенность сиблинга к определенным чертам и проявлениям в жизненных ситуациях.

Целью нашего исследования является изучение особенностей проявления одиночества и депрессии у девушек с разной сиблинговой позицией. Изучались следующие характеристики: уровень одиночества, преобладающий вид одиночества (отчуждающее, диффузное и диссоциированное), преобладающие симптомы, характерные для депрессии. Для этого использовались анкета с вопросами для выявления сиблинговой позиции и три методики: диагностика уровня субъективного ощущения одиночества Д. Рассела и М. Фергюсона, опросник для определения вида одиночества С. Г. Корчагиной, опросник шкалы депрессии А. Т. Бека.

В исследовании приняли участие 185 девушек в возрасте от 17 до 23 лет, из которых единственные — 88 человек, старшие — 53, младшие — 44. Статистическая обработка данных осуществлялась с помощью факторного анализа (варимакс — вращение) с использованием статистического пакета SPSS 11.0 for Windows.

Уровень одиночества (табл. 1) и депрессии (табл. 2) у всех сиблинговых позиций представлен следующим образом.

Таблица 1

Сиблинговая позиция	Уровень одиночества, %		
	Высокий	Средний	Низкий
Единственный	6	33	61
Старший	—	34	66
Младший	2	32	66

Таблица 2

Сиблинговая позиция	Наличие депрессии, %				
	Отсутствует	Легкая	Умеренная	Средняя	Тяжелая
Единственный	35	33	10	20	2
Старший	41	19	19	17	4
Младший	27	36	25	5	7

У «единственных» девушек преобладающим является отчуждающий вид одиночества, характеризующийся отстранением от других людей, норм, ценностей, мира, чувством покинутости, потерянности, невозможностью найти отклик и понимание. У «старших» и «младших» девушек преобладает диссоциированный вид одиночества, для которого характерно принимать одни стороны своей личности и категорически отвергать другие.

Для всех позиций девушек одним из ведущих проявлений одиночества является неудовлетворенность жизнью. Она обусловлена сложностями юношеского возраста. Неудачи в реализации себя во взрослом социальном мире провоцируют недовольство собой и жизнью в целом. Однако наряду с неудовлетворенностью есть и другие симптомы, описывающие одиночество девушек. Так, для «единственных» девушек это снижение настроения, которое связано с неудачами в освоении новых ролей, с уменьшением возможности контролировать свое поведение и эмоциональное состояние. Для «старших» — ощущение наказания, под которым девушки понимают лишение любви родителей, а в дальнейшем, возможно, и других людей. Для «младших» одиночество связано с чувством вины, которое может закрепляться с детства как проявление самоосуждения в силу своей некомпетентности на фоне более старших детей в семье. Все неудачи в юношеском возрасте могут восприниматься девушкой как очередное доказательство этой роли.

В депрессии общим симптомом для всех девушек является самообвинение (критика себя, своих поступков). Это связано с трудностями юношеского возраста. Сталкиваясь с неудачами при входе во взрослую жизнь, девушки склонны в первую очередь обвинять

себя. В силу «юношеского максимализма» такие обвинения довольно критичны. В симптоматику депрессии «старших» девушек еще добавляется чувство вины, которое для них означает понимание своей «неидеальности», а для «младших» девушек — ощущение наказания, которое переживается данной позицией довольно остро в силу того, что младших детей могут наказывать гораздо реже, прощая им то, что не прощалось их старшим сибсам.

Таким образом, уровни переживания одиночества и депрессии у девушек с разными сиблинговыми позициями не имеют существенных различий. Однако они четко прослеживаются в содержательных характеристиках этих переживаний, что может объясняться спецификой взаимоотношений в семье и выступать привычным способом реагирования на жизненные ситуации.

Литература

1. *Корчагина С. Г.* Психология одиночества : учеб. пособие / С. Г. Корчагина. — М. : МПСИ, 2008. — 228 с.
2. Психология. Словарь / под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. — М. : Политиздат, 1990. — 494 с.
3. *Ричардсон Р. У.* Силы семейных уз : руководство по психотерапии в помощь семье / Р. У. Ричардсон. — СПб. : Акцидент, 1994. — 136 с.

ОСОБЕННОСТИ АГРЕССИВНОСТИ В МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ МЛАДШИХ И СТАРШИХ ПОДРОСТКОВ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В. Е. Пищикова, студентка 3 курса

**Научный руководитель — д-р психол. наук,
проф. Е. А. Корсунский**

Наше исследование посвящено изучению гендерных особенностей агрессии старших и младших подростков. Цель исследования — выявить гендерные особенности в уровнях и типах проявления агрессивности младших и старших подростков.

Единой точки зрения на источник агрессии нет, что значительно усложняет понимание данной проблемы. Кроме того, мало изучен такой аспект агрессии, как ее устойчивость. Агрессивность в личностных характеристиках подростков формируется в основном как форма протеста против непонимания взрослых, из-за неудовлетворенности своим положением в обществе, что проявляется и в соответствующем поведении. Вместе с тем на развитие агрессивности подростка могут влиять природные особенности. Кроме того, агрессия может быть вызвана необходимостью защитить себя или удовлетворить свои потребности в ситуации, в которой растущий человек не видит иного выхода, кроме драки. В подростковом возрасте в силу сложности и противоречивости особенностей растущих людей, внутренних и внешних условий их развития могут возникать ситуации, которые нарушают нормальный ход личностного становления, создавая предпосылки для возникновения и проявления агрессивности.

Гипотеза исследования представлена следующим суждением: с возрастом при переходе от младшего подросткового возраста к старшему у младших девочек-подростков на смену косвенной агрессии приходит прямая физическая, а у младших мальчиков-подростков прямая физическая агрессия сменяется косвенной.

С помощью методического инструментария (методика диагностики склонности к агрессивному поведению А. Ассингера, методика агрессивного поведения Е. П. Ильина и П. А. Ковалева и методика диагностики состояния агрессии Басса — Дарки) нами были выявлены гендерные особенности агрессивного поведения у подростков младшего и старшего возраста [3]. База для эмпирического исследования: учащиеся лицея № 3 и МОУ СОШ № 52; 5-й класс, общее количество 22 человека, из них мальчиков — 11, девочек — 11, средний возраст 11—12 лет; 9-й класс, общее количество 38 человек, из них мальчиков — 11, девочек — 27, средний возраст 15—16 лет.

В практической части мы исследовали отличительные особенности агрессивности старших и младших подростков, мальчиков и девочек.

Исследование частично подтвердило исходную гипотезу в том, что в подростковом возрасте агрессивность выступает как относительно устойчивое личностное образование и существуют различия в проявлении уровня агрессивности, обусловленные гендерными особенностями в младшем и старшем подростковом возрасте.

Мальчики, учащиеся в 5-м классе, имеют более высокий уровень агрессивности в сравнении с девочками того же возраста.

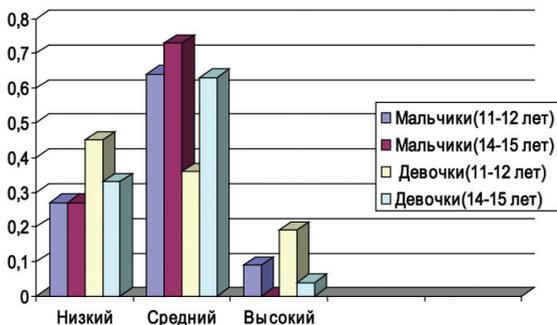

Рис. 1. Процентное соотношение уровней агрессии младших и старших подростков (данные по методике А. Ассингера)

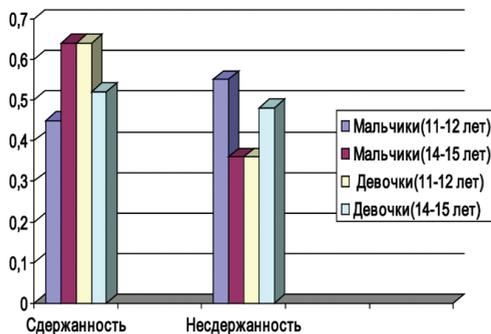

Рис. 2. Процентное соотношение по степени сдержанности агрессии младших и старших подростков (результаты по методике Е. П. Ильина и П. А. Ковалева)

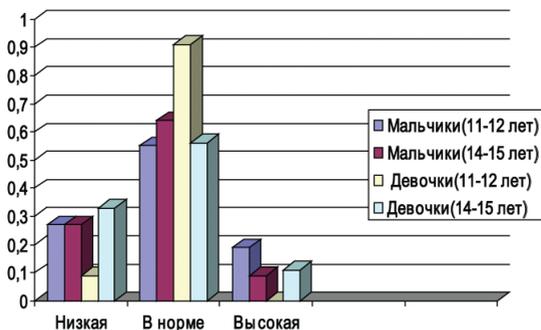

Рис. 3. Процентное соотношение по степени проявления агрессивности младших и старших подростков (показатели по методике Басса – Дарки)

У мальчиков преобладает прямая физическая агрессии, а у девочек — косвенная вербальная.

В то же время мальчики, учащиеся в 9-м классе, обладают умеренной агрессивностью, как и девочки, являющиеся ученицами 9-го класса. У мальчиков преобладает прямая вербальная агрессия, а у девочек проявляются две доминирующие тенденции: прямая вербальная и прямая физическая агрессии.

Ведущая роль в предупреждении и коррекции агрессивности у подростков принадлежит семье, родителям. Но велико значение и педагогов, и, разумеется, психологов.

Исходя из того, что развитие ребенка осуществляется в деятельности, а подросток стремится к утверждению себя, своей позиции как взрослый среди взрослых, то необходимо обеспечить включение подростка в такую деятельность, которая лежит в сфере интересов взрослых, но в то же время создает возможности подростку реализовать и утвердить себя на уровне взрослых. Прежде всего, необходима организация системы развернутой деятельности, создающей жесткие условия и определенный порядок действий и постоянный контроль [1].

Литература

1. *Аверин В. А.* Психология детей и подростков / В. А. Аверин. — СПб. : Михайлов В. А., 1998. — 379 с.
2. *Бандура А.* Подростковая агрессия. Изучение влияния воспитания семейных отношений / А. Бандура, Р. Уолтерс ; [пер. с англ.]. — М. : Апрель Пресс : Эксмо-пресс, 2000. — 510 с.
3. *Ильин Е. П.* Эмоции и чувства / Е. П. Ильин. — СПб. : Питер, 2001. — 752 с.

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ СТУДЕНТОВ-ПСИХОЛОГОВ С РАЗНЫМ УРОВНЕМ ТРЕВОЖНОСТИ

Е. А. Самойлова, студентка 4 курса

Научный руководитель — М. В. Петрушина

В последнее десятилетие концепция эмоционального интеллекта как альтернативы традиционного интеллекта стала широко известной

в психологической науке. Многие сторонники данной концепции утверждают, что эмоциональный интеллект играет существенную роль в успешности повседневной деятельности.

Понятие «эмоциональный интеллект» появилось в контексте разработки проблематики социального интеллекта такими исследователями, как Дж. Гилфорд, Х. Гарднер и Г. Айзенк.

Эмоциональный интеллект рассматривается как подструктура социального интеллекта, которая включает способность наблюдать собственные эмоции и эмоции других людей, различать их и использовать эту информацию для управления мышлением и действиями [1].

В своем исследовании мы опирались на представления эмоционального интеллекта Д. В. Люсина, который трактовал его как способность к пониманию своих и чужих эмоций и управлению ими [2].

И способность к пониманию, и способность к управлению эмоциями может быть направлена и на собственные эмоции, и на эмоции других людей. Соответственно Люсин говорил о внутриличностном и межличностном эмоциональном интеллекте [2].

Современные психологи подчеркивают значимость развития эмоциональной компетентности — открытости человека своим эмоциональным переживаниям. Особенно большое значение это имеет у студентов-психологов, у которых в ходе обучения развиваются профессионально значимые качества, среди которых есть компоненты эмоционального интеллекта.

Развитый эмоциональный интеллект позволяет студенту-психологу за большим количеством негативных эмоций увидеть их причину, адекватно оценить ситуацию и отреагировать на нее разумно. Такие студенты способны управлять своей эмоциональной сферой, и поэтому в обществе их поведение более адаптивно, они легче добиваются своих целей во взаимодействии с окружающими.

Однако стоит обратить внимание на то, что юношеский возраст является более сенситивным к повышению уровня тревожности. А высокая тревожность студентов-психологов является помехой, отрицательно влияя на все сферы жизнедеятельности — не только на учебу, но и на общение, в том числе и за пределами вуза, на здоровье и общий уровень психологического благополучия [3].

Мы провели исследование, целью которого являлся анализ эмоционального интеллекта у студентов-психологов с разным уровнем тревожности.

В качестве гипотезы выступало предположение о том, что студенты-психологи с разным уровнем тревожности имеют различные особенности эмоционального интеллекта.

Для проверки гипотезы использовались следующие методики:

- 1) методика измерения уровня тревожности (шкала Дж. Тейлора);
- 2) методика измерения эмоционального интеллекта «ЭМИн» Д. В. Люсина;
- 3) методика самооценки уровня развития эмоционального интеллекта и его компонентов И. Н. Мещеряковой.

Объектами исследования выступали студенты ВГУ факультета философии и психологии — юноши и девушки 20–22 лет.

В результате проведения исследования мы выявили, что студенты-психологи с высоким уровнем тревожности с трудом понимают эмоциональное состояние других людей на основе внешних проявлений эмоций (мимика, жестикуляция, звучание голоса), также у этих студентов наблюдаются сложности в способности вызывать у других людей те или иные эмоции и снижать интенсивность нежелательных эмоций. Это мы обозначили особенностями межличностного эмоционального интеллекта. Относительно внутриличностного эмоционального интеллекта мы утверждаем то, что у студентов-психологов с высоким уровнем тревожности есть трудности в распознавании и идентификации своих эмоций, в управлении и контроле внешнего выражения своих эмоций.

Межличностный эмоциональный интеллект студентов-психологов со средним уровнем тревожности характеризуется тем, что они понимают эмоциональное состояние другого человека, но могут делать неверные выводы на основе внешних проявлений эмоций, а внутриличностный эмоциональный интеллект — тем, что студенты-психологи со средним уровнем тревожности способны осознавать свои эмоции, однако могут не понимать причин, их вызвавших. У данных студентов возникают трудности в сдерживании нежелательных эмоций, и поэтому они не всегда способны контролировать свое эмоциональное состояние.

Характеризуя межличностный эмоциональный интеллект студентов-психологов с низким уровнем тревожности, отметим, что они способны хорошо понимать эмоциональное состояние других людей. У них выражена чуткость по отношению к внутренним состояниям окружающих. Эти студенты могут вызывать у них те или иные эмоции и снижать интенсивность нежелательных эмоций. Что же касается внутриличностного эмоционального интеллекта, то мы можем

сказать, что студенты-психологи с низким уровнем тревожности распознают и идентифицируют свои эмоции, а также понимают причины, вызвавшие их. Данные студенты способны управлять своими эмоциями, а именно поддерживать желательные эмоции и держать под контролем нежелательные. Они способны достаточно хорошо контролировать свое эмоциональное состояние.

Таким образом, мы видим, что тревожность оказывает негативное влияние на развитие эмоционального интеллекта (и его компонентов), который является необходимой составляющей в профессиональной деятельности психолога.

Литература

1. *Андреева И. Н.* Эмоциональный интеллект: исследование феномена / И. Н. Андреева // *Вопр. психологии.* — 2006. — № 3. — С. 78–86.
2. *Люсин Д. В.* Современные представления об эмоциональном интеллекте / под ред. Д. В. Ушакова, Д. В. Люсина. — М. : Институт психологии РАН, 2004. — С. 29–36.
3. *Милашина О. Г.* Психологический портрет тревожной личности юношеского возраста / О. Г. Милашина // *Вестник ТГПУ.* — 2009. — № 5. — С. 109–111.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИЗУЧЕНИЯ АДАПТИРОВАННОСТИ ЛИЧНОСТИ К НОВОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

В. Б. Пятибратов, магистрант 1 курса

Научный руководитель — д-р психол. наук, доц. К. М. Гайдар

Проблема адаптации представляет собой важную область научных изысканий, расположенных на стыке различных отраслей знаний, приобретающих в современных условиях все большее значение.

Термин «адаптация» был впервые введен Х. Айберхом в 1865 году в контексте биологического знания для обозначения изменения чувствительности анализаторов под влиянием приспособления орга-

нов чувств к действующим раздражителям [1]. Он происходит от латинского слова *adaptacio* и означает процесс приспособления, приравливания к изменяющимся условиям существования.

Понятие адаптации в его наиболее широком определении означает соответствие между живой системой и внешними условиями, причем адаптация — это и процесс, и результат, т. е. определенная организация. В такой формулировке адаптация относится к числу фундаментальных понятий в целом комплексе наук.

В сферу психологического знания понятие адаптации ввел основоположник функционализма У. Джемс, на взгляд которого поведение, его психическая регуляция являются активной формой адаптации [2]. В психологии под термином «адаптация» понимается перестройка психики индивида под воздействием объективных факторов окружающей среды, а также способность человека приспосабливаться к различным требованиям среды без ощущения внутреннего дискомфорта и без конфликта со средой.

Существует много определений феномена адаптации. В обобщенном виде адаптация описывается как приспособление, необходимое для адекватного существования в изменяющихся условиях, а также как процесс включения индивида в новую социальную среду, освоение им специфики новых условий. Человек в отличие от животных способен и вынужден приспосабливаться к общественным условиям, поскольку любая социальная среда требует определенного поведения. Помимо биологической адаптации, человек способен и к социально-психологической [2].

Социально-психологическая адаптация представляет собой процесс интегрирования индивида в социальную группу, предполагающего принятие им групповых норм, ценностей, стандартов, стереотипов и требований. Приспособление организма, индивидуума, коллектива к изменяющимся социальным условиям среды или к собственным внутренним изменениям приводит к повышению эффективности их существования и функционирования.

Потребность в социально-психологической адаптации у человека возникает тогда, когда он начинает взаимодействовать с какой-либо системой в условиях определенного рассогласования с ней, что порождает необходимость изменений. Эти изменения могут быть связаны с самим человеком или системой, с которой он взаимодействует, а также с характером взаимодействия между ними. То есть пусковым механизмом процесса адаптации человека является смена окружающей его среды, при которой привычное для него поведение оказыва-

ется малоэффективным или вообще неэффективным, что порождает необходимость в преодолении затруднений, связанных именно с новизной условий. Так, по мнению Ж. Г. Сенокосова, «сущность адаптации — приведение субъекта адаптации в оптимальное соответствие с требованиями среды (объекта адаптации). При нарушении стабильности (перемещении субъекта в другую среду, другие условия или при изменении самой среды) наступает рассогласование взаимодействия субъекта и объекта в системе, что приводит к функциональному расстройству, потере целостности. В результате возникает адаптивная ситуация, когда система (или ее отдельные элементы) стремится к восстановлению нарушенного равновесия. Такая ситуация характерна для всех видов адаптации человека, понимаемой как активный, целенаправленный процесс разрешения противоречий, возникающих при взаимодействии его с новой природной и социальной средой» [4, с. 9].

В. А. Якунин понимает под адаптацией процесс взаимодействия человека и окружающей среды, в результате которого у человека возникают модели и стратегии поведения, адекватные меняющимся в этой среде условиям. Автор считает возможным применение данного общего определения к условиям образовательной среды [5].

При всех существующих разногласиях и особенностях трактовки адаптации во всех выделяется главное — универсальный характер тенденции к установлению равновесия между компонентами реальных систем.

В результате реализации личностного адаптационного потенциала в процессе адаптации достигается определенное состояние личности — адаптированность как результат, итог процесса адаптации.

Адаптированность личности к социальной среде характеризуется успешностью ее социализации, формированием в соответствии с требованиями среды установок системы мотивации, ценностных ориентаций, включенностью в социальные и профессиональные группы и т. д.

Общеизвестно, что одной из важнейших психологических задач любого вуза является работа с иногородними студентами и студентами первого курса, направленная на более быструю и успешную их адаптацию к новой системе обучения, к новой системе социальных отношений, на освоение ими новой роли студентов. Задача вуза в этот сложный для молодого человека период помочь ему как можно быстрее и успешнее адаптироваться к новым условиям обучения, влиться в ряды студенчества.

Е. В. Осипчукова выделяет в адаптации личности студента-первокурсника и соответственно учебной группы, в которую он входит, к новой для него социокультурной среде вуза следующие стадии:

– начальная стадия, когда индивид или группа осознают, как они должны вести себя в новой для них социальной среде, но еще не готовы признать и принять систему ценностей новой среды вуза и стремятся придерживаться прежней системы ценностей;

– стадия терпимости, когда индивид, группа и новая среда проявляют взаимную терпимость к системам ценностей и образцам поведения друг друга;

– аккомодация, т. е. признание и принятие индивидом основных элементов системы ценностей новой среды при одновременном признании новой социокультурной средой некоторых ценностей индивида, группы;

– ассимиляция, т. е. полное совпадение систем ценностей индивида, группы и среды [3].

К сожалению, не у каждого студента и не в каждой группе все стадии проходят благополучно, в результате у студентов-первокурсников может возникнуть кризис в адаптации.

Таким образом, адаптация студентов-первокурсников и иногородних студентов к учебному процессу в вузе является одним из факторов гармоничной и последовательной подготовки специалистов, осознания собственной значимости, а значит и проявления осознанного мотивационного интереса к профессии.

Литература

1. *Дружинин В. Н.* Психология общих способностей / В. Н. Дружинин. – СПб. : Питер, 2000. – 368 с.

2. *Налчаджян А. А.* Психологическая адаптация: механизмы и стратегии / А. А. Налчаджян. – М. : Эксмо Пресс, 2010. – 368 с.

3. *Осипчукова Е. В.* Адаптация студентов первого курса к системе высшего профессионального образования: от теории к практике / Е. В. Осипчукова, А. В. Пономарев // Образование и наука : Известия УрО РАН. – 2007. – № 1. – С. 42–50.

4. *Сенокосов Ж. Г.* Социально-психологическая адаптация молодых солдат к воинской службе : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Ж. Г. Сенокосов. – М., 1989. – 22 с.

5. *Якунин В. А.* Педагогическая психология (высшее профессиональное образование) / В. А. Якунин. – СПб. : Михайлов В. А., 2000. – 348 с.

ОТНОШЕНИЕ К МИРУ И САМООТНОШЕНИЕ У ОНКОЛОГИЧЕСКИХ БОЛЬНЫХ С РАЗНОЙ ГЕНДЕРНОЙ РОЛЬЮ

С. В. Мамедова, студентка 5 курса

Научный руководитель — канд. психол. наук О. В. Тимофеева

В последние годы в мире резко возросло количество людей, страдающих онкологическими заболеваниями. Проблема человека, находящегося в ситуации онкологического заболевания, должна рассматриваться не только как медицинская, но и как социальная и психологическая [2].

Актуальность нашего исследования, таким образом, обусловлена психоэмоциональным отношением к себе и к миру онкологических больных. В этой связи особенно актуальны вопросы о том, как они относятся к себе, ощущают ли ценность собственной личности, чувствуют ли себя уверенно, принимают ли себя такими, какие они есть. Так же важно их отношение к окружающим, к своей семье и друзьям, изменяется ли оно после заболевания. Что касается гендерной роли, можно сказать, что проделанные ранее исследования в области гендерной психологии позволяют нам различать мужчину и женщину не только с точки зрения пола, но и с точки зрения их отличительных черт, которые представляют собой маскулинность и фемининность. Эти отличительные черты нашли свое место и в наши дни, причем имеют достаточную популярность в психологии [1].

Цель исследования состоит в изучении отношения к миру и самоотношения у онкологических больных с разной гендерной ролью.

Объектом исследования выступает отношение личности, предметом — отношение к миру и самоотношение у онкологических больных с разной гендерной ролью.

В качестве основной гипотезы исследования выступает предположение о том, что отношение к миру и самоотношение у онкологических больных с разной гендерной ролью имеют сходства и различия.

В качестве частных гипотез исследования выступают следующие предположения:

1. Отношение к миру у онкологических больных с разной гендерной ролью будет сходным, а именно: а) отношение к себе, семье,

мужу / жене, дочери / сыну, друзьям, своему здоровью, врачам, будущему, коллегам по работе у маскулинных, феминных и андрогинных онкологических больных будет позитивным; б) отношение к медицинским учреждениям, к процессу лечения, к прошлому, настоящему у маскулинных, феминных и андрогинных онкологических больных будет негативным.

2. Самоотношение у онкологических больных с разной гендерной ролью будет иметь как сходства, так и различия, а именно: а) у онкологических больных как с феминной, так и маскулинной гендерной ролью будут высокие показатели по «самообвинению», «конфликтности» и низкие показатели по «самоценности», «самопринятию»; б) у маскулинных онкологических больных предполагаются высокие значения по «самоуверенности», «саморуководству», а у феминных онкологических больных низкие значения по этим сферам самоотношения; в) у феминных онкологических больных высокие значения по «открытости», «самопривязанности», у маскулинных по этим сферам самоотношения — низкие; г) у андрогинных онкологических больных по сферам самоотношения предполагаются средние значения.

В исследовании использовались:

1) методы сбора теоретической информации: анализ, синтез и систематизация имеющейся в специальной литературе информации, теоретических положений по теме исследования;

2) методы сбора эмпирической информации: метод стандартизированного самоотчета, проективный метод. Первый был реализован с помощью методики исследования самоотношения С. Р. Панталева и опросника по изучению маскулинности — феминности С. Бэм. Проективный метод был реализован методикой цветового теста отношений (ЦТО) Е. Ф. Бажина и А. М. Эткинды [3].

3) методы обработки и анализа эмпирических данных: качественные и количественные, в том числе статистические (ранговый критерий Манна — Уитни и критерий ϕ^* — угловое преобразование Фишера).

Базой эмпирического исследования являлся Воронежский областной клинический онкологический диспансер. Объектом эмпирического исследования выступили испытуемые в возрасте от 21 года до 65 лет. Объем выборки составил 60 человек.

Применение методики «Маскулинность — феминность» С. Бем позволило выявить выраженность маскулинных, феминных или андрогинных качеств у онкологических больных. Из 40 испытуемых

онкологических больных 25 человек, т. е. 62,5 %, проявляют доминирование феминных качеств, 12 человек, т. е. 30 %, — маскулинных и 3 человека, т. е. 7,5 %, — андрогинных. По методике исследования самоотношения С. Р. Пантилеева у феминных и маскулинных онкологических больных получены следующие данные.

В результате статистической обработке по критерию Манна — Уитни у феминных, маскулинных, андрогинных онкологических больных различий по самоуверенности, саморуководству, самооценности, отраженному самоотношению, самопривязанности, закрытости, самопринятию, самообвинению и по внутренним конфликтам не выявлено. Большинство испытуемых проявляют открытые отношения с самими собой, у них достаточно развита рефлексия, они глубоко понимают себя, довольны собой, уважают себя, ощущают себя способными противостоять внешним влияниям. Испытуемые общительны, эмоционально открыты, высоко ценят себя, ощущают самодостаточность, довольны сложившейся жизненной ситуацией и собой, отрицают свою вину в конфликтных ситуациях.

Можно предположить, что проявление таких особенностей связано с защитными механизмами: онкологические больные ставят блок на восприятии себя.

В результате использования критерия φ^* Фишера и сравнения показателей феминных и маскулинных онкологических больных в проявлении позитивного или негативного отношения к миру получены следующие значения.

По отношению к себе, семье, мужу / жене, дочери / сыну, друзьям, своему здоровью, врачам, будущему, коллегам по работе у феминных и маскулинных онкологических больных выявлено позитивное отношение. Сопоставив полученное эмпирическое значение φ^* с критическими значениями по данным категориям, можем сказать о незначимости различий в данных выборках.

По отношению к медицинским учреждениям, процессу лечения у феминных и маскулинных онкологических больных выявлено негативное отношение. Сопоставив полученное эмпирическое значение φ^* с критическими значениями по данным категориям, можем сказать о незначимости различий в данных выборках.

У феминных и маскулинных онкологических больных, испытуемых по отношению к настоящему и прошлому, выявлены позитивные отношения. Сопоставив полученное эмпирическое значение φ^* с критическими значениями, также можем сказать о значимости различий.

Литература

1. Бендас Т. С. Гендерная психология : учеб. пособие / Т. С. Бендас. — СПб. : Питер, 2006. — 431 с.
2. Мясищев В. Н. Психология отношений : Избранные психологические труды / В. Н. Мясищев. — Воронеж : Модэк, 1998. — 362 с.
3. Пантилеев С. Р. Самоотношение как эмоционально-оценочная система / С. Р. Пантилеев. — М. : Изд-во Моск. ун-та, 1991. — 108 с.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О КАРЬЕРЕ У СТУДЕНТОВ С РАЗНОЙ МОТИВАЦИЕЙ ДОСТИЖЕНИЯ

А. Ю. Абрамова, студентка 5 курса

Научный руководитель — канд. психол. наук О. В. Тимофеева

Прогрессивное развитие современного общества актуализирует проблему более эффективного использования человеческого потенциала, поиска новых возможностей построения специалистом успешной карьеры.

Актуальность нашего исследования определяется тем, что изучение представлений о карьере позволит рассмотреть проблему становления современного профессионала, проблему построения карьеры с учетом субъективной позиции. Студенчество же в свою очередь является той социальной группой, для которой проблема построения карьеры наиболее актуальна. Хотя изначально люди, получающие высшее образование, должны быть нацелены на карьеру и иметь положительные представления о ней, в настоящий момент можно говорить о несоответствии данного постулата реальности [3].

Цель исследования заключалась в изучении представлений о карьере у студентов с разной мотивацией достижения.

Объектом исследования выступили представления о карьере, а предметом — представления о карьере у студентов с разной мотивацией достижения.

В соответствии с целью, объектом и предметом гипотеза исследования заключалась в предположении о том, что представления о ка-

рьере у студентов с разной мотивацией достижения имеют различия, а именно:

1) в эмоциональном компоненте преобладают положительные оценки карьеры, в когнитивном компоненте карьера представляется как «интересная сама по себе», в мотивационно-ценностном компоненте карьера связывается с внутренними мотивами, поведенческий компонент отражает спланированность карьеры у студентов с мотивом достижения успеха и студентов без доминирующей мотивации достижения;

2) в эмоциональном компоненте преобладают отрицательные оценки карьеры, в когнитивном компоненте карьера представляется как «неинтересная», в мотивационно-ценностном — карьера связывается с внешними мотивами, поведенческий компонент характеризуется отсутствием планов построения карьеры у студентов с мотивом избегания неудач.

Под понятием «представление о карьере» мы понимали наглядный образ поступательного продвижения личности в области общественной, служебной или другой деятельности, возникающий на основе прошлого опыта в памяти или воображении. Было установлено, что студенчеству, представляющему собой особую социально-профессиональную группу, присущи такие особенности представлений о карьере, как комплексность, интегральность и детерминированность профессиональным самоопределением [2]. Благодаря систематизации взглядов относительно категории «мотивация достижения» мы установили, что она может реализовываться через мотивы достижения успеха и мотивы избегания неудач. Нами было отмечено, что особенности мотивации достижения проявляются в выборе трудности задачи, объяснении причин успеха или неудачи [3].

В качестве базы эмпирического исследования выступил ФГБОУ ВПО «ВГУ». Общий объем выборки составил 229 человек (студенты разных курсов и специальностей). В качестве методов сбора эмпирической информации выступили метод стандартизированного самоотчета, который реализован методикой семантического дифференциала, предложенной Ч. Осгудом, и тестом-опросником А. Мехрабиана «Измерение мотивации достижения» в модификации М. Ш. Магомед-Эминова. Проективный метод реализован методикой незаконченных предложений Сакса — Леви в модификации Л. М. Карамушка. Праксиметрический метод реализован с помощью методики мини-сочинения на тему «Карьера для меня это...» [1].

Для выявления различий в представлениях о карьере у студентов с разной мотивацией достижения использовались такие статистические критерии, как t -критерий Стьюдента и критерий согласия Пирсона χ^2 .

По результатам, полученным с помощью теста-опросника измерения мотивации достижения, вся выборка была разделена на три группы — студенты с доминирующей мотивацией достижения успеха (24,45 %), студенты с доминирующей мотивацией избегания неудач (23,15 %) и студенты без доминирующей мотивации достижения (52,40 %).

Результатом эмпирической части нашего исследования послужили следующие выводы.

Во-первых, значимые различия в представлениях о карьере у студентов с разной мотивацией достижения успеха были отмечены в эмоциональном и поведенческом компонентах.

Во-вторых, хотя по многим параметрам когнитивного компонента карьера представлялась одинаково интересной студентам с разной мотивацией достижения, но относительно категорий «Фактор силы», «Карьера руководителя», «Препятствия в построении карьеры» и «Помеха для других сфер жизни» представления студентов с мотивацией избегания неудач отличались от представлений других групп студентов.

В-третьих, ценностно-мотивационный компонент представлений о карьере имеет различия в представлениях студентов с разной мотивацией достижения, если говорить о категориях, касающихся ценности карьеры, и не имеет различий, если речь идет о мотивационном аспекте.

В-четвертых, представления студентов, не имеющих доминирующей мотивации достижения, относительно эмоционального, ценностно-мотивационного, частично когнитивного и поведенческого компонентов представлений о карьере сходны с представлениями студентов с доминирующей мотивацией достижения успеха.

Таким образом, мы можем говорить о следующих особенностях представлений о карьере у данных групп студентов.

Для студентов с мотивацией достижения успеха характерны положительная оценка карьеры, наличие планов по ее построению, представление о ней как о ценной и интересной самой по себе.

Для студентов без доминирующей мотивации достижения также характерна положительная оценка карьеры и признание ее ценности;

интерес к ней связан не только с внутренним ее содержанием, но и с внешними обстоятельствами; путь построения карьеры намечен, но является нечетким.

Студенты с мотивацией избегания неудач более склонны давать карьере негативную оценку, у них нет как такового плана по построению карьеры, интерес к карьере связан и с ее содержанием, и с внешними обстоятельствами; они также не признают ее ценность.

Литература

1. *Васильев И. А.* Мотивация и контроль за действием / И. А. Васильев, М. Ш. Магомед-Эминов. — М. : Изд-во МГУ, 1991. — 143 с.

2. *Лясников Н. В.* Социально-экономические условия формирования духовной культуры студенческой молодежи / Н. В. Лясников, Ю. В. Лясникова. — М. : ВНИИФК, 2003. — 142 с.

3. *Поленц И. А.* Формирование системы управления карьерой в организации : автореф. дис. ... канд. экон. наук / И. А. Поленц. — Екатеринбург, 2006. — 24 с.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ О СТЫДЕ В ЮНОШЕСКОМ И МЛАДШЕМ ШКОЛЬНОМ ВОЗРАСТЕ

Н. А. Стрельникова, студентка 4 курса

Научный руководитель — канд. психол. наук А. А. Меланьина

Способность испытывать чувство стыда присуща исключительно человеку в связи с включенностью его в социальные отношения. Это чувство, которое является одним из ключевых рычагов воспитательного процесса, берет свое начало еще в детстве, когда, совершив социально осуждаемый поступок, мы слышим от родителей примерно одинаковые фразы: «Как тебе не стыдно?» или «Что о тебе подумают другие?». Со временем в сознании формируется паттерн, который базируется на основе чувства стыда. Этот паттерн, включающий в себя совокупность психических состояний и реакций личности на события, превращается в один из мощнейших механизмов построения невротического поведения.

Современное общество закладывает в человека множество основ для развития чувства стыда: несоответствие общепринятому представлению о внешности, отклонение от «приемлемого» поведения, особенности выражения реакции, в целом любое отклонение от центральной тенденции, наличие индивидуальных особенностей, не вписывающихся в рамки понимания социума. Но, несмотря на тесную взаимосвязь чувства стыда и развития невротической личности, эта базовая категория рассматривается очень поверхностно в современной теоретической психологии.

Наше исследование возникло ввиду того, что проблема стыда достаточно остро стоит в современном обществе, а в каждом запросе на терапию так или иначе затрагивается стыд. Перед нами встает задача как можно более подробного изучения стыда как механизма, находящегося в тесной взаимосвязи с центральной идентичностью, что возможно с помощью изучения представлений о стыде у лиц разного возраста, в частности младшего школьного и юношеского.

В литературе существуют разные определения стыда. Так, Кэрол Э. Изард считает, что стыд — это осознание собственной неумелости, непригодности или неадекватности в некой ситуации или при исполнении некоего задания, сопровождаемое негативными переживаниями — огорчением, беспокойством или тревогой [1].

Е. П. Ильин рассматривает стыд как сильное смущение от осознания совершения предосудительного поступка или попадания в унижительную ситуацию, в результате чего человек чувствует себя опозоренным, обесчещенным [2].

В ходе анализа литературы по изучаемой теме мы сформулировали свое определение стыда. Итак, стыд — это базовая эмоция, вызванная расхождением между оценкой личности своих проявлений и представлением того, как их оценивает социум, сопровождающаяся субъективно неприятными переживаниями.

Наше эмпирическое исследование проводилось на базе воронежского МОУ «Гимназия № 9», а также на базе ФГБОУ ВПО «ВГУ».

Объектом исследования выступали дети 7–9 лет, юноши и девушки 18–22 лет. Общий объем выборки составил 60 человек, по 30 испытуемых на каждый исследуемый возраст.

В исследовании использовались метод стандартизированного самоотчета, проективный метод, праксиметрический метод.

Рассматривая общие представления детей о феномене стыда, мы выявили, что все дети стремились описать эмоцию ситуацией, в которой может быть стыдно. Все дети указали на то, что стыд — это когда сделал что-то плохое. Из всех опрашиваемых детей только 3 % (1 ребенок) сказали, что стыд — это хорошее чувство, которое заставляет стыдящегося раскаяться в содеянном, извиниться и пересмотреть свое поведение. Остальные 97 % младших школьников указали на резко негативную окраску стыда: чувство плохое, неприятное. Практически все сказали, что появляется желание убежать или исчезнуть. Только одна девочка из тридцати опрошенных сказала, что стыдно — это когда над тобой все смеются, т. е. включила компонент поведения (мнения) референтной группы. Поразительно то, что все дети связывают чувство стыда с поведением или поступками, которые не соответствуют ожиданиям взрослых. У 90 % детей стыд продуцируется значимыми взрослыми: мама, папа, учитель. И только 10 % детей указали, что стыдиться можно еще перед друзьями.

Рассматривая ситуации, в которых у детей возникал стыд, стоит отметить, что у 87 % детей стыд возникал в отношении учебной деятельности. Это, как правило, ситуации оценивания: двойка за итоговый или текущий контроль; ситуации, в которых ребенок не мог ответить на вопрос учителя. Причем такой стыд возникал в отношении родителей и учителей. У остальных 13 % детей (4 ребенка) стыд связан с «шалостями» либо каким-то неправомерным поведением (например, разбил стекло, сорвал без спроса цветок, огурец и т. п.).

По результатам рисуночного метода мы обнаружили явно негативное отношение к феномену стыда. Все дети разными способами отмечали свою категоричность в отношении к изучаемому феномену. Рисунки были изображены в холодной гамме, с преобладанием черного и коричневого цветов. Можно предположить, что ситуации стыда вызывают у детей тревожные чувства, изображаемые частой, жесткой штриховкой.

Важно отметить, что у 60 % детей на рисунках изображены ситуации, при которых взрослые ругают провинившегося ребенка. При этом хорошо прорисованы детали, включая лица, на которых можно распознать переживание негативных эмоций, — как у взрослых, так и у детей. Содержание рисунков включает само негативное действие: сорванный цветок, разбитое стекло, испачканную одежду, разбитую вазу. Из всех опрошенных 13 % детей указали на рисунке внешнее проявление стыда: румянец, опущенную голову либо опущенные вниз

глаза. При этом наиболее тщательно было нарисовано лицо, которое как раз и отражало переживание стыда персонажем рисунка. Помимо этого, 27 % детей изобразили абстрактные рисунки в темных тонах (использовался черный или темно-синий), например нечто похожее на злую тучу, дракона или какое-то другое непонятное животное. Данные рисунки не отличались прорисованностью деталей, акцент скорее был на передачу именно негативного отношения, хотя одна девочка нарисовала красные глаза у тучи и острые, похожие на клыки зубы.

Таким образом, в результате проведенного исследования мы выявили, что представления о стыде у детей младшего школьного возраста носят обобщенный, совершенно неконкретный и в основном негативный характер. В этом возрасте стыд преимущественно возникает в ситуации несоответствия ожиданиям взрослых и чаще продуцируется родителями или учителями.

Теперь перейдем к рассмотрению представлений о стыде в юношеском возрасте.

Рассматривая общие представления о стыде, мы выявили, что для юношей стыд — это эмоция или состояние, которое остро связано с ощущением дискомфорта. Важно отметить, что все испытуемые в определении указали на негативно окрашенное переживание стыда. Все 100 % испытуемых описывают стыд исключительно с негативной стороны, как состояние дискомфорта, связывая его с унижением и чувством вины. Среди всех испытуемых 27 % ассоциируют стыд с резко негативным, психотравмирующим переживанием, в описании присутствуют такие слова, как отвратительный, самое худшее переживание в жизни, ужасный и т. п.

Касаемо сферы проявления стыда получены следующие результаты: 50 % юношей указали, что чувство стыда чаще касается межличностных отношений, куда также включается несоответствие ожиданиям близких; 35 % указали на то, что стыд чаще касается учебно-профессиональной деятельности, где наиболее частой причиной оказывается неуспех в усвоении дисциплин; 10 % отметили, что стыд чаще касается характеристик личности, черт характера либо внешнего вида, и 5 % указали, что стыд чаще возникает в сфере сексуальности.

В ходе исследования мы также выявили способы переживания чувства стыда и, соответственно, чувства и эмоции, которые при этом возникают. Выявлены следующие результаты: 50 % юношей в ситуации стыда предпочитают уйти от стыдящего, остаться в одиночестве;

у 30 % испытуемых стыд вызывает агрессию, юноши могут стыдить в ответ, грубить и всячески активно защищать свои интересы; оставшиеся 20 % юношей предпочитают рационализировать переживание, понять, в чем причина переживания, посмотреть на ситуацию с разных сторон.

Что касается лиц, в присутствии которых чаще возникает стыд, мы выявили, что 60 % юношей переживают стыд, который производится либо возникает в присутствии сверстников: друзей, однокурсников, коллег по работе и т. д. Оставшиеся 40 % испытуемых чаще переживают стыд, который связан со значимыми взрослыми: это могут быть родители, преподаватели, руководители и т. д.

В отношении такого состояния, как стыдливость, ответы немного различались. Всего 5 % испытуемых описывают часто стыдящихся людей как ранимых и добрых; 10 % — как нормальных и адекватных; оставшиеся 85 % дают лицам, испытывающим стыдливость, такие характеристики, как слишком чувствительные, слабые, невротичные, закомплексованные, в чем выявляется резко негативное отношение к стыдливости.

По результатам рисуночного метода мы также отметили явно негативное отношение к чувству стыда. Для всех рисунков без исключения характерна жесткая штриховка, это может говорить о том, что переживание стыда связано с тревогой. Преобладающая гамма в рисунках — черный, коричневый, темно-синий цвета.

Среди рисунков на 25 % работ было нарисовано нечто неопределенное, абстрактное. Как правило, это темная штрихованная фигура с острыми краями; можно предположить, что испытуемые таким образом изображают собственное состояние в момент переживания стыда и демонстрируют резко негативное отношение к стыду. На остальных 75 % работ изображены внешние проявления стыда: закрытое руками лицо, румянец, большие испуганные глаза, зажатые губы и т. д. Среди этих 75 % работ 60 % изображают лицо стыдящегося и только 15 % показывают стыдящегося в полный рост, причем над ним нарисована рука, отличающаяся большим размером, с указательным жестом. Можно предположить, что испытуемый изображает мнение референтной группы.

Таким образом, в результате проведения исследования мы выявили, что в юношеском возрасте представления о стыде становятся более конкретными. В этом возрасте преобладает негативное отношение к данному феномену, указывается его психотравмирующий эф-

фект, дискомфорт переживания. Чаще стыд возникает в сфере межличностного общения и учебно-профессиональной деятельности; что касается способа переживания, то преобладают уход и агрессия. Стыд в юношеском возрасте обычно продуцируется самим испытуемым и возникает в отношении значимого взрослого и сверстников. Причинами стыда чаще выступают несоответствие ожиданиям, нарушение собственных принципов. Помимо этого, стыдливость большинством испытуемых понимается как черта невротической, закомплексованной и слишком чувствительной личности, что характеризует негативное отношение к стыдливости. Мы можем предположить, что данный этап психического развития характеризуется интериоризацией стыда из внешнего мира во внутренний план юношей. Стыд переходит в новое качество — совесть, которая характеризуется в большей степени именно внутренним продуцированием.

Сопоставив полученное эмпирическое значение ϕ^* с критическими значениями, можно сказать о незначимости различий в данных выборках. Это говорит о том, что отношение к стыду в данных возрастах одинаково негативное.

Статистический анализ дифференцированности представлений о стыде с помощью критерия ϕ^* Фишера показал незначимые в выборках. Мы можем предположить, что дифференцированность представлений о стыде одинаково низкая как в юношеском, так и в младшем школьном возрасте.

В заключение можно сказать, что младший школьный и юношеский возрасты отличаются представлениями о предмете стыда, но очень схожи в отношении к этому параметру. Тем не менее необходимо учитывать, что представления о стыде могут зависеть как от возрастных, так и от культурных и гендерных различий, потому что все они накладывают значимый отпечаток на формирование личностных особенностей, которые и определяют представления личности о стыде.

Изучение стыда, представлений о нем, детализация механизмов его переживания, а также освоение методов его использования внесут существенный вклад в развитие психологической науки в целом и в становление психологического здоровья каждой отдельной личности.

Литература

1. *Изард К. Э.* Психология / К. Э. Изард. — СПб. : Питер, 2009. — 464 с.
2. *Ильин Е. П.* Эмоции и чувства / Е. П. Ильин. — СПб. : Питер, 2002. — 784 с.

ПРОБЛЕМА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО БЛАГОПОЛУЧИЯ ЛИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО СТАНОВЛЕНИЯ

У. Б. Кузнецова, магистрант 1 курса

Научный руководитель — канд. психол. наук, доц. О. П. Макушина

Современное общество предъявляет особые требования к личности, которая должна быть активной, гибкой, готовой к переменам и постоянному развитию и самосовершенствованию. Человек получает возможность в полной мере реализовывать свой потенциал в период ранней молодости и зрелости. Поэтому данный отрезок жизни человека связан с активной реализацией уже освоенных им социальных ролей в профессиональном и личностном плане, поиском своего предназначения. Ведущим фактором развития личности взрослого человека является процесс профессионального образования и последующая трудовая деятельность. Главными задачами в этот период становятся самоопределение, самореализация, достижение гармонии в интеграции с обществом, что требует ответственного и активного отношения личности к своему развитию.

Гуманистическая психология (А. Маслоу, К. Роджерс и др.) саморазвитие личности рассматривает через понятие самоактуализации как высшей точки развития и реализации личности [1, 2]. Без постоянного развития невозможно быть эффективным в профессиональной деятельности, сложно построить гармоничные отношения и быть в мире с самим собой.

Я-концепция — это относительно устойчивая, в большей или меньшей степени осознаваемая система представлений индивида о самом себе, на основе которой он относится к себе и строит свое взаимодействие с другими людьми [3]. Я-концепция включает в себя три компонента: когнитивный (образ своих качеств, способностей, внешности, социальной значимости, своего характера и т. д.); эмоционально-оценочный (самооценка, самоуважение и т. д.); поведенческий (действия, которые предпринимает человек, исходя из системы представлений о себе, социальные установки в отношении себя и окружающих).

По мнению А. А. Реана, многие представления человека о себе, которые формировали Я-концепцию в период его взросления, продолжают обогащать ее уже у взрослой личности [4]. При этом мотивирующим стимулом развития Я-концепции является самоактуализация личности. У взрослого человека представления о личной направленности и способах самоактуализации обуславливаются социальными понятиями и ценностями, которые им присвоены в результате включения в различные социальные группы.

Стремление к самоактуализации обогащает опыт человека, что требует развития и Я-концепции. Если этого не происходит, то человек искаженно воспринимает приобретаемый опыт, а следовательно, искажается и самовосприятие.

Взрослые люди психологически благополучны в той степени, в какой их представления о себе позволяют им воспринимать важный для них опыт. Эту возможность обеспечивают такие составляющие Я-концепции, как открытость для опыта, рациональность, личная ответственность, чувство собственного достоинства, способность к установлению и поддержанию хороших личных отношений и ведению этичного образа жизни. Успешность человека, занятие им значимого места и роли в обществе, его полезность определяются его зрелостью, т. е. сформированной, обогащенной приобретенным опытом, адекватной реальности Я-концепцией.

В то же время человек нашей эпохи живет в условиях постоянного стресса. Информационный бум, стремительно развивающаяся цивилизация, вынужденно высокий уровень контактов с различными людьми, высокая конкуренция в профессиональной сфере, необходимость постоянно развиваться в этой же сфере, повышать свою квалификацию приводят к дополнительному напряжению и, как следствие, к невротизации личности.

По мнению К. Роджерса, стремление быть принятым обществом, получать от окружающих положительную обратную связь приводит к необходимости быть в своих поступках, действиях, реакциях и оценках социально желательным. Но такое следование посылам общества приводит к рассогласованию Я-концепции личности и нарушает, делает труднодостижимым процесс самоактуализации как движения к своему идеальному Я [5].

Таким образом, процесс движения к идеальному Я требует от человека приложения определенных усилий, направленных на развитие и совершенствование. Процесс таких изменений часто требует

готовности рисковать, ошибаться, расставаться с привычными жизненными стереотипами, быть готовым согласовывать свои текущие профессиональные обязанности с необходимостью уделять время дополнительному профессиональному образованию. Это увеличивает страх и тревогу, усиливает тенденцию к поиску безопасности и защиты, к сохранению прежней Я-концепции, что тормозит развитие личности, негативно сказывается на реализации ею своих социальных функций, а в условиях невротизации личности преодоление указанных трудностей становится очень тяжелой задачей.

Сегодня уделяется особое внимание гуманистическому подходу к вопросам социализации и профессионализации личности, который провозглашает идею о том, что развитие личности неразрывно связано как с освоением новой для человека деятельности, так и с преодолением трудностей. Так, по мнению Г. А. Балла, человека надо готовить «...к осмыслению таких трудностей не как несправедливостей, побуждающих к разочарованию в жизни и деструктивному поведению, а как закономерных проявлений неизбежно противоречивого бытия, считаясь с которыми личностно развитый человек вполне способен реализовать свое призвание, внести творческий вклад в культуру и принести пользу обществу» [6]. Человек в своем профессиональном развитии как на стадии профессионального образования, так и в процессе получения опыта соответствующей деятельности должен осознавать как положительные стороны формирования новых качеств личности, так и отрицательный опыт, связанный с преодолением трудностей учебной деятельности и организацией процесса повышения своей квалификации.

Таким образом, перед человеком на всех этапах его профессионального пути, а особенно на этапе профессионального образования и становления, постоянно возникает весьма трудная задача: реализовывать свое стремление к самоактуализации, одновременно имея достаточный уровень развития саморегуляции для осознания того спектра трудностей, который неизбежно встает на этом этапе жизненного пути.

Гуманистический подход к работе с носителем трудовой деятельности в плане его подготовки к адекватной, целостной и полноценной самоактуализации в части профессиональной деятельности является оптимальным в современных условиях жесткой конкуренции на рынке труда. Соблюдение принципов развития, уникальности, стремления жить настоящим, открытости новому опыту, созидания и саморазви-

тия позволяет создать условия для полноценного профессионального самоопределения и дальнейшего самосовершенствования в русле общих процессов самоактуализации личности с сохранением целостности, адекватного реальному миру содержания Я-концепции [7].

Поэтому весьма актуальным является изучение вопросов психологической теории и практики, связанных с поиском и учетом характера взаимосвязи уровня самоактуализации личности, адекватной и гармоничной Я-концепции в условиях стресса или невротических проявлений, наблюдающихся у человека в условиях современного образа жизни. Это позволит, в свою очередь, выработать оптимальные пути для профилактической работы с будущими специалистами еще на этапе получения образования с целью формирования у них толерантности к трудностям саморазвития и создания положительной установки на непрерывное профессиональное образование.

Литература

1. *Маслоу А.* Мотивация и личность / А. Маслоу. — СПб. : Питер, 2011. — 352 с.
2. *Роджерс К.* Взгляд на психотерапию. Становление человека / К. Роджерс. — М. : Прогресс, 1994. — 480 с.
3. *Бернс Р.* Развитие Я-концепции и воспитание / Р. Бернс. — М. : Прогресс, 1986. — 424 с.
4. Психология человека от рождения до смерти / под ред. А. А. Реана. — СПб. : Прайм-Евроник, 2006. — 656 с.
5. *Фрейдджер Р.* Гуманистическая, трансперсональная и экзистенциальная психология : К. Роджерс, А. Маслоу, Р. Мэй / Роберт Фрейдджер, Джон Фейдимен ; [пер. с англ.: Ю. Мурашова, М. Парсаданова]. — СПб. : Прайм-Евроник, 2007. — 221 с.
6. *Балл Г. А.* «Психология» методологии: рაციогуманистический взгляд / Г. А. Балл // Вопр. психологии. — 2011. — № 2. — С. 3–13.
7. *Загряжская Е. А.* Человекоцентрированный подход в психотерапии К. Роджерса / Е. А. Загряжская // Вопр. психологии. — 2012. — № 6. — С. 66–69.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ДЕТЕЙ С АУТИЗМОМ

М. Н. Дутова, студентка 2 курса

Научный руководитель — канд. психол. наук О. А. Иванова

Второе апреля является Всемирным днем распространения информации о проблеме аутизма. Цель выделения этой даты — заявить о необходимости помогать людям, страдающим данной болезнью, и стремиться повысить уровень их жизни. Это событие показывает большую социально-практическую значимость исследования проблемы психологических особенностей детей с аутизмом. Данная проблема является чрезвычайно сложной для теоретического и практического исследования в связи с тем, что она является предметом сразу нескольких наук — психологии, педагогики, медицины, дефектологии и т. д. В связи с этим возникают разнообразные представления о психологических особенностях детей с аутизмом у различных авторов. Актуальность изучения этой проблемы продиктована и тем, что в настоящее время в современной психолого-педагогической и медицинской науке нет единого подхода к определению понятия, выявлению закономерностей, принципов развития и функционирования, к причинам возникновения, методам коррекции поведения детей с РДА (ранний детский аутизм). Таким образом, на современном этапе развития специальной психологии и педагогики существует потребность в целостном описании феномена РДА: определении единого понятия, видов и типов, особенностей, закономерностей, проявлений, методов коррекции.

В данной работе мы представим краткое описание симптомов заболевания РДА, психологические особенности таких детей и остановимся на ложных представлениях об этом синдроме.

Особенностью проблемы синдрома РДА является то, что при ее практическом рассмотрении не может быть «типичных случаев», все люди с аутизмом индивидуальны. Клинико-психолого-педагогическая картина аутизма личности достаточно специфична для каждого конкретного случая. Однако выделяются наиболее общие, ос-

новые признаки данного заболевания, которые состоят из триады симптомов.

Во-первых, расстройство моторики и речи, включая отставание или полное отсутствие разговорной речи, а у детей с адекватной речью — заметное нарушение способности инициировать или поддерживать разговор с другими людьми [3]. Большинство специалистов, работающих в данной сфере, утверждают, что сама потребность в общении исходно не нарушена. Вся суть в том, что дети с диагнозом аутизма могут взаимодействовать с людьми и у них есть желание вступать в коммуникацию, но проявления данного желания индивидуальны.

Во-вторых, стереотипность поведения и деятельности. Многие дети с типичным и сложным аутизмом развивают моторные стереотипы уже в первый год жизни. Моторный стереотип — это повторяющееся движение одной или нескольких частей тела человека. Оно может быть похожим на тик, поэтому иногда невозможно отличить данные проявления поведения. У некоторых аутистов имеются различные голосовые (вербальные) стереотипы, которые также иногда очень тяжело отличить от тиков. Они могут снова и снова повторять определенные звуки, слова или без конца стереотипно задавать один и тот же вопрос. Проявлением стереотипности является то, что многие аутисты живут, придерживаясь строгого распорядка и неизменяющихся ритуалов. Например, они могут десять раз войти и выйти из ванной комнаты, прежде чем зайти в нее с целью выполнения обычных процедур; утром они могут несколько раз кружиться вокруг себя, прежде чем согласиться одеться [1].

В-третьих, качественное нарушение социального взаимодействия, которое выражается в его неэффективной регуляции (неспособность использовать взгляд «глаза в глаза», неумение пользоваться своей мимикой как коммуникативным средством, позами тела и жестами), а также в неспособности развития отношений со сверстниками, невозможности испытывать радость от того, что другие люди счастливы, в отсутствии социальной или эмоциональной взаимности [3].

Теперь несколько слов о том, что аутизм не означает.

1. Ребенок не «живет в своем мире». Детям с аутизмом необходимо общение со сверстниками, им просто нужна поддержка в этом.

2. Ребенок не «необучаем». Все дети с аутизмом могут учиться, просто им нужны специальные подходы к образованию.

3. У ребенка не «низкий интеллект». Он такой же, как и у детей без аутизма. Просто из-за проблем с моторикой и речью способности ребенка могут недооцениваться.

4. Ребенок не «обречен».

Психологические особенности аутистов таковы:

1. Человек с аутизмом видит мир не так, как все остальные. Он иначе воспринимает практически все: звуки, цвета, запахи или прикосновения. Совершенно обычные для нас вещи — в частности, шум улицы на заднем фоне — для аутиста могут быть столь же сильными стимулами, как, например, вой сирены. Человек с аутизмом может не переносить прикосновений или слишком сильно реагировать на запахи, которые другим кажутся совсем слабыми. С другой стороны, именно благодаря своей особой чувствительности многие люди с аутизмом воспринимают мир ярче, чем другие. И это, к примеру, может выражаться в творчестве.

2. Некоторые дети с аутизмом не говорят или говорят совсем мало, но это не значит, что они ничего не понимают. На самом деле они все воспринимают, но не могут отреагировать на это словами. Трудности с речью не значат, что они глупые.

3. У детей с аутизмом, которым сложно разговаривать, могут быть свои способы общения. Они, например, показывают на предметы рукой, используют специальные жесты (подобно глухонемым и слабослышащим), а также могут общаться специальными карточками с картинками или напечатанными словами.

4. Если некоторые дети с аутизмом почти не говорят, то другие могут рассказывать без умолку про то, что им интересно. У детей с аутизмом могут быть совершенно разные увлечения: поезда, космос, животные, открытки или компьютеры.

5. Людям с аутизмом прямой взгляд в глаза может казаться пугающим и неприятным. А некоторые не способны одновременно смотреть в глаза своему собеседнику и воспринимать его речь.

6. Людям с аутизмом бывает очень трудно понять чувства другого по выражению лица и другим привычным нам признакам. В разговоре они уделяют внимание лишь словам и часто понимают эти слова буквально.

7. При аутизме эмоции совсем иначе выражаются в голосе или на лице. Но если у человека замершее выражение лица и монотонный голос, то это не значит, что он ничего не чувствует [2].

Литература

1. *Гилберг К.* Аутизм: медицинские и педагогические аспекты / К. Гилберг, Т. Питерс ; пер. с англ. О. В. Деряевой ; под науч. ред. Л. М. Шипицыной и Д. Н. Исаева. — СПб. : ИСПиП, 1998. — 124 с.
2. *Морозова Е. А.* 10 фактов про аутизм, о которых нужно рассказать детям / Е. А. Морозова // Фонд «Выход» [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.outfund.ru/category/autizm-i-obshhestvo> (дата обращения: 4.04.2014)
3. *Сериков А. Е.* Подражание и стереотипное поведение аутистов / А. Е. Сериков // Вестник Самарской гуманитарной академии. — 2011. — № 1. — С. 18.

ОСНОВЫ МОДЕЛИРОВАНИЯ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ СЛУЖБЫ ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ГУМАНИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ

Т. В. Матюнина, магистрант 1 курса

Научный руководитель — канд. пед. наук, доц. Л. А. Кунаковская

Актуальность нашего исследования заключается в том, что в последнее время бурными темпами происходит изменение социокультурной ситуации, когда под влиянием потребностей и духовных течений эпохи в отечественной психологии и педагогике утверждаются гуманистические идеалы образования, с одной стороны, и требуется концептуальное, организационно-содержательное преобразование деятельности психологической службы — с другой.

Гуманизация как процесс есть формирование гуманистического мировоззрения и гуманистических качеств субъектов взаимодействия — педагогов и воспитанников. Гуманизация педагогического процесса как системы представляет собой организованную совокупность цели, содержания, условий, форм и методов, направляющих и преобразующих детскую жизнь, как отмечал Б. Т. Лихачев [3, с. 143]. Целостность педагогического процесса, включая психологическое сопровождение, обеспечивает реализацию его главной цели — развитие личности, приводит к взаимному усилению и взаимосвязи сторон, процессов обучения, развития и воспитания; характеризует вза-

имосвязь между деятельностью его субъектов и объектов и приводит к слиянию педагогического и детского коллективов, балансу между возможностями личности обучающегося и характером внешних влияний на нее.

Идеи гуманизации обучения и воспитания провозглашались и реализовывались в той или иной плоскости во все исторические эпохи в разных странах и наиболее активно проявлялись в послекризисные периоды развития общества. Гуманистические идеи о цели, способе, формах, психологических условиях, отношениях воспитателя и воспитанника, принципах организации педагогического процесса были реализованы в XIX—XX вв. в системах «новых школ» в предреволюционной России (В. Н. Сорока-Росинский, С. М. Ривес, С. Т. Шацкий, Н. М. Шульман) и зарубежных авторских системах (У. Глассер, Л. Кольберг, С. Френе, Р. Штейнер). Они получили дальнейшее развитие в концепциях и моделях образования Нового времени, составляющих гуманистическую парадигму, наиболее ярким представителем которой является Карл Роджерс [4].

Гуманистическая концепция обучения К. Роджерса возникла в конце 50-х — начале 60-х гг. прошлого века как реакция на бездуховность и механистичность в системе образования, постепенно терявшей человека в ворохе знаний. Основатель так называемого недирективного обучения и воспитания полагал, что переход к новой парадигме вызван потребностью общества в творческом человеке. В описываемой парадигме учитель не столько передает знания, сколько создает ребенку условия для самостоятельного их открытия, обнаружения. Учитель как человек, создающий условия для учения (фасилитатор) и осуществляющий эмоциональную поддержку ученика (собеседник), ориентирован не на учебный предмет или свой статус, а на личность ребенка и личностно значимые задачи учения [3, с. 148].

Психологические позиции представителей современной гуманистической психопедагогики (Ш. А. Амонашвили, А. Г. Асмолов, Р. Барт, Д. А. Белу-Хин, Т. Грин, И. А. Зимняя, В.А. Караковский, А. Маслоу, К. Патерсон, А. В. Петровский, И. С. Якиманская и др.) характеризуются следующим образом:

1. Школьная программа предусматривает создание эмоционально стимулирующей учебной среды. При этом особое значение придается инициативности учащихся в познавательной деятельности и

саморегуляции, проявляющейся в свободе выбора и чувстве ответственности.

2. Учение должно происходить в позитивной обстановке и в атмосфере теплоты, эмоциональной искренности, взаимной приязни, отсутствия пристрастных суждений и угроз. Необходимым условием считается установление конструктивных отношений в классе и доверие между учителем и учащимися.

3. Учебный процесс структурируется на солидарной основе. Учитель не должен выступать в неблагоприятной роли контролера, доминирующего над учебным процессом. Он — консультант, ценный источник знаний, готовый всегда помочь словом и делом.

4. Каждый ученик получает реальную возможность выбора познавательных альтернатив, а учитель поощряет детей к самореализации в той или иной форме в зависимости от уровня развития.

5. Основным критерием оценки образовательной программы являются ее возможности в развитии потенциала ребенка и стимулировании его творческих способностей.

6. Сущность процесса учения рассматривается как накопление субъективного опыта познаний, пронизывающих человеческую жизнь, обогащение его все новыми гранями и содержательными элементами.

7. Учитель не использует оценки как форму давления на учащихся, воздерживается от критических суждений, если учащийся не просит об этом. Оценки совместно обсуждаются [3, с. 154].

Следовательно, основной целью и предназначением современной психологической службы является общая гуманизация воспитательно-образовательного процесса при соблюдении принципа педагогической экологии. Гуманистическая ориентация субъектов воспитания предполагает развитие их собственных личностных ресурсов, обновление форм общения с воспитанниками — от восприятия ребенка до взаимодействия с ним и оценки его успехов в сходящихся и возвышающих личность формах. Личностно ориентированный гуманистический воспитательно-образовательный процесс обязательно предполагает субъект-субъектные отношения, взаимообмен и взаимообогащение, создание условий для саморазвития ребенка, проявления его разносторонней активности. При личностной ориентации воспитателей (в широком смысле этого слова) затрагивается мотивационно-смысловая сфера воспитанников, а научное знание выступает средством преобразования этой сферы. Гуманистическая ориентация педагогов и

родителей способствует формированию положительного образа «Я» каждого ребенка, который включает твердую убежденность в импортировании другим людям, уверенность в способности к той или иной деятельности, чувство собственной значимости [3, с. 158].

Важно то, что практический психолог в образовании, в силу своего профессионального предназначения, является своеобразным экологом ребенка и образовательного учреждения. Его стратегия профессиональной деятельности должна заключаться в том, чтобы декларируемые гуманистические цели приблизить к реальному воплощению. Педагогический процесс, главной целью и ценностью которого является ребенок, его полноценное развитие, требует, чтобы личностью прежде всего был сам педагог. Именно психологу, занимающемуся коррекцией воспитательного микросоциума запущенного ребенка, предстоит обратиться к личности педагога: мотивам его деятельности, профессионально-личностным установкам, Я-концепции, способам общения с детьми, психическим состояниям; помочь ему увидеть личность в себе, ребенку, научить его смотреться в воспитанника как в зеркало, адекватно рефлексирова свои достоинства и недостатки [2, с. 110]. Исходя из этого, выделим приоритетные задачи деятельности психологов образования: активное распространение гуманистических ценностей в образовании; ориентация своей профессиональной деятельности на защиту прав и достоинства каждой личности, в том числе права на уважение, достойное существование, развитие, образование, творческую деятельность и психологическую безопасность; реализация главной цели психологической службы образования — психическое здоровье обучающихся и обучающихся, основу которого составляет полноценное психическое развитие; развитие индивидуальных особенностей субъектов педагогического процесса; создание благоприятного психологического микроклимата в учреждении образования, определяемого организацией оптимального общения и созданием для каждой личности на всех этапах ее развития ситуации успеха; ранняя профилактика и своевременная коррекция недостатков и отклонений в психическом, психофизическом и личностном развитии детей; переход от эпизодов психологической помощи к психологическому сопровождению развития личности в образовательно-воспитательной системе и психологической поддержке педагогического процесса; разработка и внедрение региональных и авторских моделей психологической службы, ориентированных на специфику социокультурных и психолого-педагогических условий;

разработка инвариантной (федеральной) и вариативной (региональной, школьной) частей планирования деятельности; выработка региональных стандартов психического, психофизического и личностного развития детей, подростков и молодежи; активное участие в экспертизе всех педагогических инноваций в системе образования, аттестации управленческих и педагогических кадров, оценке психологической эффективности и безопасности педагогических экспериментов, а также их психологическом обеспечении [1, с. 54].

Психологическая служба образования сегодня — это скорая помощь, которая помогает психологически выжить и преодолеть негативное воздействие экзогенных и эндогенных факторов на развитие, становление и самореализацию личности. Психологическая служба образования завтрашнего дня — это служба психологического сопровождения развития личности, работающая в зоне ближайшего развития не только ребенка, учителя, студента и преподавателя, но и учреждения, системы образования в целом. Основные ее принципы — развитие и гуманизация. Она создает оптимальные психологические условия для развития каждого субъекта и очеловеченной системы образования в целом [5, с. 47].

С целью выявления основ построения гуманистической модели психологической службы мы рассмотрели предпосылки становления концепции Карла Роджерса, философско-методологические корни и ее основания. Для Роджерса психическое здоровье или полное раскрытие личности характеризуется следующими чертами: открытость по отношению к опыту любого типа; намерение жить полной жизнью в любой момент жизни; способность прислушиваться больше к собственным инстинктам и интуиции, чем к рассудку и мнениям окружающих; чувство свободы в мыслях и поступках; высокий уровень творчества. Гуманистическая модель психологической службы как компонент образовательной системы представляет собой не столько особое подразделение с очерченным кругом функций, сколько выступает гарантом развивающего характера образовательной среды, «ядром» направленности на личность, гуманистические ценности и личностные преобразования субъектов образовательного процесса. Однако существует затруднение, связанное с осведомленностью педагогов и реализацией ими гуманистических идей в процессе обучения и воспитания. Проведенный нами опрос 93 педагогов средней и высшей школы позволяет нам сделать вывод о том, что уровень заинтересованности и степень реализации гуманистических принципов

в педагогической практике достаточно низкие, при этом — несколько выше среди преподавателей высшей школы по сравнению с выборкой учителей средней школы. Более половины педагогов не заинтересованы в реализации гуманистических идей и не реализуют их.

Условиями для реализации гуманистической модели психологической службы образования и обозначенных задач являются: концептуализация практической деятельности педагога-психолога на гуманистических основаниях; дальнейшее повышение статуса практического психолога в учреждениях образования, внедрение психологической службы во все звенья образования, особенно в высшую школу; качественное инструментальное обеспечение профессиональной деятельности психолога-гуманиста; создание единой системы профессиональной подготовки, переподготовки, повышения квалификации, аттестации, сертификации психологов образования; сотрудничество и преемственность в деятельности между различными структурами психологической службы в образовании; консолидация в единой структуре психологической службы специалистов «помогающих» профессий в целях комплексной поддержки развивающейся личности; координация усилий психологической службы различных ведомств в целях преодоления профессиональной изоляции и обеспечения преемственности в психологической поддержке личности; развитие личностного потенциала самого психолога.

Литература

1. *Амонашвили Ш. А.* Личностно гуманная основа педагогического процесса / Ш. А. Амонашвили. — Минск : Университетское, 1990. — 560 с.
2. *Корнетов Г. Б.* Гуманизация образования: традиции и перспективы : монография / Г. Б. Корнетов. — М. : ИТП и МИО РАО, 1993. — 135 с.
3. *Овчарова Р. В.* Практическая психология образования : учеб. пособие для студ. психол. фак. университетов / Р. В. Овчарова. — М. : Академия, 2003. — 448 с.
4. *Пилиповский В. Я.* Неогуманистические идеи в западной педагогике / В. Я. Пилиповский // Педагогика. — 1993. — № 6. — С. 93–99.
5. *Сиразеева А. Ф.* Дидактическая концепция Карла Роджерса / А. Ф. Сиразеева // Образование и саморазвитие. — 2008. — № 4. — С. 239–244.

АНАЛИЗ ФЕНОМЕНА «СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТАЦИИ» ЛИЧНОСТИ В ФИЛОСОФСКИХ И ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕНЫХ

Т. А. Бахтина, магистрант 1 курса

Научный руководитель — д-р пед. наук, проф. Н. И. Вьюнова

В разное время проблемой смысложизненных ориентаций и родственных феноменов занимались выдающиеся отечественные философы, социологи, психологи, педагоги. Среди них А. Н. Леонтьев, К. А. Абульханова-Славская, А. Г. Асмолов, Б. С. Братусь, М. М. Бахтин, Ф. Е. Василюк, Л. Н. Коган, Д. А. Леонтьев, В. Э. Чудновский, Г. А. Вайзер, Е. Е. Вахромов и др.

На протяжении последних десятилетий в психологической науке наблюдается нарастание исследовательского интереса к смысложизненным ориентациям личности [2]. И неслучайно.

Смысложизненные ориентации относятся к ценностно-смысловой сфере личности и являются сложной системой множества входящих в нее компонентов, эта система обладает многомерностью, многоуровневостью и является сложным социально-психологическим феноменом, рассматривать который целесообразно с позиции системного подхода, т. е. целостно. Многие авторы разрабатывали свои концепции в этом направлении именно с позиции системного подхода.

Большой вклад в разработку данной проблемы внесло исследование Д. А. Леонтьева, отраженное в его работе «Психология смысла» [3]. Он определяет смысложизненные ориентации как неотъемлемую составляющую смысла жизни личности: это цели в жизни, насыщенность жизни и удовлетворенность самореализацией [3]. «Нетрудно увидеть, — пишет автор, — что эти три категории соотносятся с целью (т. е. с будущим), с процессом (т. е. с настоящим) и с результатом (т. е. с прошлым человека). Человек может черпать смысл своей жизни либо в одном, либо в другом, либо в третьем (или во всех трех составляющих жизни)» [3, с. 308]. При этом смысл жизни личности исследователь рассматривает более широко, чем смысложизненные ориентации, и считает его более интегральным образованием.

В. Э. Чудновский, А. А. Бодалев, Г. А. Вайзер, Е. Е. Вахромов, Н. Л. Карпова, А. В. Суворов, А. В. Торопова отмечают, что феномен смысложизненных ориентаций человека имеет психологическую основу, выраженную в фундаментальной человеческой потребности в самоактуализации (термин введен А. Маслоу), стремлении «осуществить», «выполнить себя» [6]. По мнению Чудновского, смысложизненные ориентации человека не исчерпываются одной, хотя бы и очень важной идеей, жизненной целью, а представляют собой структурную иерархию «больших» и «малых» смыслов. Он считает, что смысложизненные ориентации должны быть «продуктивными», т. е. адекватными, и способствовать позитивному развитию личности [6].

Смысложизненные ориентации человека и акме понимаются А. А. Бодалевым и В. Т. Ганжиным как достижение человеком вершины личностных и профессиональных качеств.

В своих исследованиях по формированию смысложизненных ориентаций личности ученика в педагогическом взаимодействии И. В. Ульянова рассматривает эти ориентации как осознаваемые и осознанные учеником цели самовоспитания и саморазвития в определенной системе ценностей [5]. Их формирование, по ее мнению, является основой развития гармоничной личности. При этом процессы самовоспитания (самовыражение, самопознание, самоиспытание, самостимулирование, самоутверждение, самоуважение) и саморазвития (разрешение личностью нравственных конфликтов и осознание собственного отношения к себе, к миру в контексте прошлого, настоящего, будущего в субъективном и объективном значениях) отражают взаимозависимость при одновременной автономности двух процессов самоопределения личности — осознания смысла и цели жизни.

Т. А. Попова определяет особую роль в формировании Я-концепции подростка. Смысложизненные ориентации являются, на ее взгляд, фундаментальными характеристиками феномена смысла жизни [4]. В своей исследовательской работе она доказывает, что осмысленность жизни (основной экспериментальный показатель сформированности смысложизненных ориентаций) имеет положительные корреляционные связи со всеми базовыми компонентами Я-концепции подростка, в том числе Я-экзистенциальным [4]. Феномен Я-экзистенциальное как один из основных компонентов Я-концепции подростка включает в себя: представление о смысле собственной жизни и отношение к ней как единому смысловому пространству; осознание своего места на этом пространстве в насто-

ящем, прошедшем и будущем; потребность в активной реализации собственного будущего.

Как утверждает Н. Л. Быкова, смысложизненные ориентации возникают на пересечении двух больших предметных областей — мотивации и мировоззренческих структур сознания — и имеют субъектно-объектную природу. Объективно это выражается, по ее мнению, в цели-ценности, субъективно — в ценностной ориентации личности, отличающей человека от других биологических существ. Смысложизненные ориентации характеризуют содержание и направленность активности личности, раскрываемой в общем подходе человека к окружающему миру, к другим людям, к себе, придающей смысл и направление личностным позициям, поведению, поступкам. «Иерархическая структура смысложизненных ориентаций характеризует не только ранг ведущих ценностей, но и соотношение между ведущими и подчиненными компонентами. Системный характер смысложизненных ориентаций предполагает наличие целей-ценностей как элементов системы и связей, отношений между ними» [1, с. 78].

На основе анализа вышеперечисленных исследований в нашей работе под смысложизненными ориентациями мы будем понимать целостную сложную систему сознательных и избирательных связей, отражающую направленность личности, наличие жизненных целей, ценностей, жизненных смыслов, выборов и оценок, удовлетворенность жизнью (самореализация) и способность брать за нее ответственность, влияя на ее ход.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что смысложизненные ориентации — сложный иерархический феномен. В настоящее время нет единого мнения по поводу его содержания, роли смысложизненных ориентаций в регуляции жизнедеятельности личности. Детально не разработаны психологические механизмы этого сложного динамического процесса. Прогресс в этом направлении, на наш взгляд, может осуществляться не только в дальнейших теоретико-методологических разработках, но и в организации, проведении ряда эмпирических исследований, касающихся различных аспектов (подструктур) смысложизненных ориентаций личности — в том числе и проблем развития смысложизненных ориентаций в юношеском возрасте.

Литература

1. *Быкова Н. Л.* Динамика смысложизненных ориентаций старших подростков системы начального профессионального образования / Н. Л. Быкова // Прикладная психология. — 2001. — № 4. — С. 77–85.

2. Исследование проблем смысла жизни и акме (возрастной, профессиональный и социореабилитационный аспекты) / В. Э. Чудновский [и др.] // Психол. журнал. — 2004. — Т. 25, № 1. — С. 129–135.

3. *Карпинский К. В.* Конфликт ценностей как предпосылка смысложизненного кризиса в развитии личности / К. В. Карпинский // Вопр. психологии. — 2013. — № 1. — С. 78–93.

4. *Леонтьев Д. А.* Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности / Д. А. Леонтьев. — М. : Смысл, 2003. — 487 с.

5. *Попова Т. А.* Смысложизненный аспект процесса становления Я-концепции подростка / Т. А. Попова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Психологические науки». — 2008. — № 4. — С. 93–99.

6. *Ульянова И. В.* Формирование смысложизненных ориентаций личности ученика в педагогическом взаимодействии : автореф. дис. ... канд. пед. наук / И. В. Ульянова. — Владимир, 2004. — 200 с.

КОРРЕКЦИЯ ТРЕВОЖНОСТИ ДЕТЕЙ-АУТИСТОВ С ПОМОЩЬЮ АРТ-ТЕРАПИИ

М.О. Гатаулина, студентка 4 курса

Научный руководитель — канд. пед. наук, доц. Е. В. Кривотулова

За последние 8 лет число детей-аутистов увеличилось в 10 раз. И эта цифра растет с каждым годом, что вскоре может перерасти в глобальную проблему. Вот почему так важно найти эффективные и безопасные методы коррекции аутизма.

В настоящее время существует несколько теорий возникновения аутизма. Наиболее вероятными считают врожденные генетические и биохимические патологии, вирусные инфекции, экологические факторы и многие другие [4].

Вне зависимости от причин мы наблюдаем некоторые нарушения социального поведения «детей дождя». Среди наиболее важных многие коррекционные психологи выделяют нарушение общения (эхолалии, слова-штампы), нарушение социальных навыков, необычное поведение и воображение. Для аутистов не так важны люди

и объекты вокруг них, как для здоровых людей. Окружающий мир для них — многочисленные цветные потоки, воображаемые друзья [2].

Ни для кого не секрет, что проблема общения аутиста с другими людьми (в т. ч. другими аутистами) стоит очень остро. Дети дожда не представляют иного мировоззрения, кроме своего. Поэтому нельзя не учитывать особенности поведения и мировосприятия аутиста. Возможно ли полноценное общение с такими детьми? Джеймс Уильямс отвечает на этот вопрос положительно и выделяет несколько правил общения для высокофункциональных аутистов:

1. Важнее говорить правду, чем быть вежливым, если только человек специально не предупреждает, что его легко обидеть.

2. Во время разговора можно перебивать или говорить как угодно долго, и это не считается невежливым. Переработка информации у аутистов происходит посредством ассоциаций. А принимая во внимание кратковременность памяти ребенка, через какое-то время аутист может отвлечься на что-то другое и забыть свои идеи.

3. Лучше прямо отказаться от встречи с другом, чем придумать причину.

4. Для аутистов нет тем, которых нельзя касаться, информация для них лишена эмоциональной окраски.

5. Главный фактор в отношениях — это наличие общих внутренних интересов.

6. Из всех социальных правил есть исключения. Не стоит забывать, что каждый аутист — это личность, не похожая на других [4].

Давно известно, что существует обратная корреляция между коммуникативностью и тревожностью. А значит, общительность ребенка можно повысить при работе с его страхами.

Как считают некоторые исследователи (К. С. Лебединская, Е. Р. Баенская, О. С. Никольская), тревожность аутичного ребенка обусловлена чувствительностью, высокой ранимостью и плохой переносимостью обычных для неаутичных людей событий, склонностью к фиксации на неприятных впечатлениях. Содержание страхов часто сложно установить.

Арт-терапия при аутизме — один из весьма эффективных методов лечения аутичных детей, который используется с 1930-х годов [1].

Изобразительная деятельность способствует снижению эмоционального напряжения и созданию у аутиста ощущения большего комфорта. Благодаря занятиям снижается тревожность и ребенок становится более коммуникабельным. Часто изобразительная дея-

тельность — это единственный способ аутиста рассказать о себе, своем мире, своих страхах и переживаниях.

Арт-терапевтические занятия могут проводиться как в индивидуальной, так и в групповой формах, если степень расстройства позволяет ребенку находиться в группе [3].

Специально для аутистов разрабатываются коррекционные программы. Одна из наиболее эффективных рисуночных программ создана специалистами московского психологического центра «Просвет». Они условно разделили работу на 3 этапа: диагностику, тематические рисунки для отделения себя от окружающего мира и работу со страхами [5].

Что касается использования музыки, многие специалисты, в том числе и Николь Мартин, поддерживают эту идею. Однако на практике коррекционными педагогами было выяснено, что некоторые аутисты, обучающиеся в воронежском интернате № 7, негативно относятся к звукам. Поэтому возможность использования данного направления должна подбираться индивидуально.

В настоящее время большие надежды возлагаются на рисование песком и лепку за счет важности тактильных ощущений для аутистов.

В результате применения комплекса методик арт-терапии наблюдаются следующие позитивные изменения: установление контакта, более доверительные отношения аутиста с другими детьми, уменьшение стереотипий и развитие мелкой моторики. Таким образом, арт-терапия является очень эффективным и перспективным методом коррекции детского аутизма.

Литература

1. *Богдашина О.* Аутизм: определение и диагностика / О. Богдашина. — Донецк : Лебедь, 1999. — 112 с.
2. *Юханссон И.* Особое детство / Ирис Юханссон. — М. : Теревинф, 2010. — 160 с.
3. Психологический детский центр «Пирамида» : [сайт]. — URL : <http://www.piramidai.ru/stati/korrekcija-trevozhnosti/> (дата обращения: 16.04.2014).
4. Фонд содействия решению проблем аутизма в России : [сайт]. — URL : <http://outfund.ru/shest-principov-obshheniya-autistov/> (дата обращения: 8.01.2014)
5. Центр психологической помощи «Просвет» : [сайт]. — URL : <http://vprosvet.ru/> (дата обращения: 20.02.2014).

ИГРА КАК УНИВЕРСАЛЬНОЕ СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ ДОШКОЛЬНИКА. К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ ПОНЯТИЯ

А. Ю. Ярецкая, магистрант 1 курса

Научный руководитель — д-р пед. наук, проф. И.Ф. Бережная

Игра как неотъемлемый феномен общественной жизни представляет собой один из важнейших типов культурных универсалий. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля игра определяется как предмет, «которым и в который играют», «забава, установленная по правилам» и «вещь для того служащая» [2, с. 7]. В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова игра рассматривается как некий «вид (способ) развлечения» [5, с. 193], а в «Советском энциклопедическом словаре» под редакцией ученого-лингвиста А. М. Прохорова интерпретируется в канве «вида непродуктивной деятельности, мотив которой заключается не в ее результатах, а в самом процессе» [6, с. 475]. Таким образом, даже при первом приближении к этимологии обозначенного понятия становится ясно, насколько оно сложно и многогранно: «...можно было бы принять одно за другим... толкования, не впадая при этом в обременительную путаницу понятий... Если хоть одно из них было исчерпывающим, оно исключало бы все остальные либо как высшее единство охватывало их и вбирало в себя» [7, с. 22], — справедливо констатировал нидерландский исследователь Й. Хейзинг, автор концепции игрового генезиса культуры в философии.

В нашем исследовании игра будет рассматриваться как один из эффективных методов обучения и развития творческих способностей детей, прежде всего — дошкольного возраста.

На протяжении длительного времени тема игры постоянно привлекала внимание целой плеяды отечественных и зарубежных мыслителей, усматривавших в ее феномене «мощное» средство социализации подрастающего поколения молодых сограждан. Выдающийся чешский педагог-гуманист Я. А. Коменский понимал игру как неосознанный способ детей подражать окружающим их взрослым, занятым в какой-либо бытовой или трудовой деятельности. Необходимость создания игровой ситуации исследователь связывал с невозможностью и опасностью приобщения подрастающего поколения

к труду напрямую: «...им нужно позволять это, за исключением тех случаев, когда они хотят пользоваться вещами, которыми они могут нанести себе вред, как, например, ножами... А потому нужно иметь готовые игрушечные вещи... играя с ними, дети будут развивать в теле здоровье, в уме — живость, а во всех членах — подвижность» [3, с. 112]. Коменский также отмечал, что вопрос, принесет ли игра пользу ребенку, непосредственно зависит от деятельности взрослого: «Как ведут себя те, кто живет вместе с детьми — разумно или неразумно, так приучаются жить и дети» [3, с. 113]. Обозначенные принципы, по сути, разделялись просвещенными современниками и спустя годы перекочевали в труды известных дидактов более позднего времени.

Так, по истечении столетий изучение феномена игры в той или иной степени составляло яркую палитру научных интересов таких классиков советской психолого-педагогической школы, как С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев, П. Я. Гальперин, В. А. Сухомлинский, ряд других известных исследователей.

Огромный вклад в разработку проблемы детской игры внес Д. Б. Эльконин, известный отечественный психолог, автор оригинального направления в детской и педагогической психологии. В своих работах он обращался к проблеме психологии игры, занимался изучением вопросов возникновения игры в онтогенезе, прежде всего ее развития в дошкольном возрасте. В контексте предложенной им возрастной периодизации психического развития детей отмечался игровой вид деятельности, в особенности ролевой, как ведущей для ребенка-дошкольника — естественной и целесообразной детерминанте развития последнего, его психических функций и способов познания окружающего его мира. Доминирующее значение ролевой игры Эльконин усматривал в том, что в процессе этой игры ребенок моделирует окружающую его социальную реальность: «...берет на себя роль взрослого и, воспроизводя его жизнь, деятельность и отношения к другим людям, тем самым живет с ним общей жизнью...» [9, с. 107], иными словами, социализируется. Идеи исследователя конструктивно дополнил его ученик и последователь В. В. Давыдов, известный советский педагог и психолог. Соглашаясь со своим наставником в вопросе о преобладающем значении игрового типа деятельности в жизни дошкольника, он также отмечал необходимость непосредственного обучения последнего. При этом решение поставленной задачи Давыдов видел в грамотном сочетании элементов игры и учения: «Оптимальных успехов в воспитании дошкольников можно достичь,

именно приобщая их к познанию. Однако делать это нужно как бы играючи. Все познавательные сведения и умения должны усваиваться дошкольниками преимущественно в игре» [1, с. 27].

Впоследствии идея создания детских игр особого типа — ориентированных на раннее развитие и совершенствование каких-либо конкретных способностей и навыков — не раз поднималась в отечественной психолого-педагогической науке. «...Нужны игры нового типа, игры, моделирующие сам творческий процесс и создающие свой микроклимат, где появляются возможности для развития творческой стороны интеллекта» [4, с. 26], — отмечал в этой связи крупный педагог-практик Б. П. Никитин, разработчик комплекса игровых технологий для детей разного возраста.

На исходе ушедшего столетия заметный вклад в развитие теории игровых технологий внес известный педагог-новатор С. А. Шмаков, понимавший под игрой универсальное средство для обеспечения эффективности педагогического процесса. В контексте проводимой исследовательской деятельности им была обозначена «...сверхзадача — создать игровую образовательную систему, в которую войдут игроучебники, игровые дидактические аксессуары, игрокниги, популяризирующие школьные науки; дидактические игротеки (компьютерные учебные игры; настольные развивающие игры; программы игр по всем учебным предметам и др.)» [8, с. 222].

Таким образом, на основе проведенного анализа феномена игры в психолого-педагогической теории и практике следует констатировать, что игра представляет собой эффективный педагогический метод социализации ребенка-дошкольника, разностороннего развития его личности в условиях доминирующей и естественно комфортной для последнего деятельности.

Литература

1. *Давыдов В. В.* Как ребенок становится личностью / В. В. Давыдов // Возрастная и педагогическая психология. Хрестоматия. — М. : Академия, 2008. — 368 с.
2. *Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. — М. : Русский язык, 1989—1990. — Т. 2. — 780 с.
3. *Коменский Я. А.* Материнская школа, или О заботливом воспитании юношества в первые шесть лет (с сокр.) / Ян Амос Коменский // Учитель учителей : Избранное. — М. : Карапуз, 2008. — 288 с.
4. *Никитин Б. П.* Интеллектуальные игры / Б. П. Никитин. — М. : Лист, 1998. — 176 с.

5. *Ожегов С. И.* Словарь русского языка / С. И. Ожегов. — М. : Русский язык, 1988. — 1536 с.
6. Советский энциклопедический словарь / [под ред. А. М. Прохорова]. — М. : Советская энциклопедия, 1986. — 1600 с.
7. *Хейзинг Й.* Homo ludens. Опыт определения игрового элемента культуры. Статьи по истории культуры / Й. Хейзинг. — М. : Прогресс-Традиция, 1997. — 416 с.
8. *Шмаков С. А.* Игры учащихся — феномен культуры / С. А. Шмаков. — М. : Новая школа, 1994. — 240 с.
9. *Эльконин Д. Б.* Детская психология / Д. Б. Эльконин. — М. : Академия, 2007. — 384 с.

ОТРАЖЕНИЕ АКЦЕНТУАЦИИ ХАРАКТЕРА В ТВОРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

М. А. Колесникова, студентка 2 курса

Научный руководитель — С. В. Попова

Феномен творчества, творческой деятельности с точки зрения исследования носит междисциплинарный характер, его различные аспекты рассматриваются практически во всех гуманитарных науках (философия, культурология, филология, лингвистика, психология и пр.). В психологии данный вопрос рассматривается в контексте проблемы личности, обладающей определенными чертами, в том числе характерологическими, часто сводится к проблеме творческих способностей.

Исследования показали, что в творческой активности важную роль играют такие факторы, как особенности темперамента, способность быстро усваивать и порождать идеи (а не критически относиться к ним) [1].

Исторически сложились две точки зрения на данную проблему: талант — это максимальная степень здоровья, талант — это болезнь. Это обусловлено тем, что творчество предполагает выход за пределы традиции и стереотипов. В связи с этим возникает вопрос о поведении творческой личности, поскольку наблюдается определенное сходство

между ее поведением и поведением человека с психическими отклонениями. Поведение того и другого отклоняется от стереотипного, общепринятого.

Возникновение идей о связи гениальности и безумия относится к Античности. В частности, у Аристотеля мы находим размышления о взаимосвязи между гением и безумием («сумасшедший» и «меланхолический» гении).

Греческий мыслитель задавался вопросом: «...почему люди, блиставшие талантом в области философии, или в управлении государством, или в поэтическом творчестве, или в занятиях искусством, были меланхоликами? Некоторые из них страдали разлитием черной желчи, как среди героев — Геракл. Именно он, как полагали, был такой меланхолической природы, а древние по его имени называли священную болезнь Геракловой. Несомненно, и многие другие герои, как известно, страдали той же болезнью... А в позднейшее время также Эмпедокл, Сократ и Платон и многие другие замечательные мужи».

Ранее Платон выделял в поэзии болезненное безумие и безумие творческое — «одержимость вдохновением». Осмысление данной проблемы началось еще в эпоху эллинизма, и к эпохе Ренессанса она понималась как «божественная одержимость», куда включались уже и легитимированные в художественном пространстве живописцы, скульпторы и архитекторы.

В XIX веке Жак-Жозеф Моро де Тур во Франции, Пауль Юлиус Мебиус в Германии и Чезаре Ломброзо в Италии рассматривали гениальность как одну из разновидностей душевных болезней. По мнению Чезаре Ломброзо, она не просто связана с безумством, а является одной из его форм. Ломброзо собрал обширные статистические данные по различным параметрам на гениальность. Но в своей работе Ломброзо не анализирует творчество, шедевры своих «гениев».

В XX веке сложилось несколько подходов к пониманию проблемы связи гениальности и безумия. Представители психоанализа связывали творчество и невроз. З. Фрейд полагал, что невроз — это помеха полноценной жизни, то, от чего следует избавляться. Счастливый человек, по мысли Фрейда, не фантазирует, а невротик фантазирует всегда, поскольку не вполне способен «легально» реализовать свои желания. К. Юнг оценивал невротическое состояние как творчески продуктивное, полезное для художника. На этом выводе Юнга были основаны многие последующие психологические теории искусства.

Можно утверждать, что помимо случаев, когда художники были на самом деле тяжело больны (Гойя или Ван Гог), в истории идеи «гениальности и безумия» фигурирует превратное понимание платонической «сакральной одержимости». Вдохновение, экстаз и энтузиазм объясняют эксцентричное и «странное» поведение художников [4].

И если «сакральная одержимость» Платона объясняет механизмы художественной деятельности, то вопрос эксцентрики близок представлениям о психологической акцентуации личности.

Акцентуации личности, по К. Леонгарду (1981), — это значительно усиленные черты личности. А. Е. Личко (1977) понимает акцентуацию как крайние варианты нормы характера, как результат усиления отдельных его проявлений. По мнению психологов, акцентуация характера не является психиатрическим диагнозом, но на ее фоне более облегченно могут возникать различные расстройства — аффективные реакции, неврозы, различные нарушения поведения [3].

Из выделенных учеными психотипов, по мнению А. П. Егидеса, только четыре наиболее ярко выражены в плане творческой самореализации.

Первым типом является достаточно распространенный гипертимный психотип. Творчество гипертимов довольно примитивное, бесхитростное, в сущности оно лишено образов. Представители этого психотипа не изобретательны. Если это текст песен, то это нечто вроде: «Я тебя люблю, а ты не любишь, я от этого страдаю» — и несколько простейших аккордов на гитаре. Но гипертим не может существовать без творчества в искусстве. Он должен как-то выплескивать свои эмоции [2, 235]. Искусствам гипертимы не учатся, для них это развлечение. В противовес паранойяльному и истероиду, они совсем не дорожат своим авторством.

Второй тип — шизоидный. Творчество шизоида не предусматривает сиюсекундного и даже просто рассчитанного на ближайшее время результата, они творят впрок. Процесс творческого мышления шизоида непрерывен, их озарения не столь ярки, они не придают им такого значения, как паранойяльные [2, 279]. Шизоида интересует идея в чистом виде, главное в его творчестве — парадоксальность, которая проявляется не только в абстрактно-научном и философском творчестве, но и в техническом.

Третий тип — эпилептоидный. Творчество эпилептоида в науке целеустремленное, на заданную тему. Они склонны разрабатывать прагматические задачи, если ясно, что их работа даст значимый ре-

зультат — пусть даже отрицательный, но зато отброшен тупиковый путь. Свободный поиск эпилептоиду менее присущ, он не генерирует принципиально новые идеи, а честно работает на проторенных дорогах [2]. Эпилептоид целеустремленно овладевает наукой, занятие художественным творчеством для него менее характерно.

Четвертый тип — истероидный. Истероидной личности присущи следующие черты: во-первых, это стремление выделиться, оказаться в центре внимания; во-вторых, артистизм, воображение, легкость вживания в любую роль и любую придуманную правду; в-третьих, отсутствие объективности по отношению к другим и к самому себе [2, 156]. С повышенной эмоциональностью, тонкими чувствами и образным мышлением, истероид творит яркую картину из всего, к чему он прикасается. Как и мышление, творчество у истероида связано с простыми образами: пошел, ушел, пришел, ударил, люблю, интригую. Истероид не может творить в стол, он должен сразу обнародовать результаты своего творчества, ему нужен быстрый эффект. Истероид даже учить стихи не может в одиночку, ему нужны зрители или слушатели, хотя бы «телефонные».

Таким образом, проведенное нами теоретическое исследование в целом подтверждает мысль о взаимосвязи между определенными чертами личности и особенностями творческой деятельности. Вместе с тем необходимо отметить недостаточность эмпирических исследований в данной сфере. В частности, мало изучено проявление акцентуации личности в художественно-изобразительной деятельности, что представляется необходимым для повышения эффективности трактовки проективных тестов.

Литература

1. *Бурно М. Е.* О характерах людей (психотерапевтическая книга) / М. Е. Бурно. — 6-е изд. — М. : Академический Проект, 2014. — С. 7.
2. *Егидес А. П.* Как разбираться в людях, или Психологический рисунок личности / А. П. Егидес. — М. : АСТ Пресс, 2004. — 320 с.
3. *Личко А. Е.* Психопатии и акцентуации характера у подростков / А. Е. Личко. — СПб. : Речь, 2010. — 256 с.
4. *Ковалевский П. И.* Психиатрические эскизы из истории : в 2 т. / П. И. Ковалевский. — М. : ТЕРРА, 1995. — Т. 1. — 544 с. ; Т. 2. — 528 с.

ИНКЛЮЗИВНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ: ОТ МЕЧТЫ К РЕАЛЬНОСТИ

К. В. Нежевенко, студентка 2 курса

Научный руководитель – д-р пед. наук, проф. Н. И. Вьюнова

В настоящее время стратегия инклюзивного образования детей с особыми потребностями, при которой детям с ограниченными возможностями в развитии создаются дополнительные специальные условия и оказывается дополнительная помощь в усвоении образовательных программ, стала ведущей для большинства развитых стран мира (США, Великобритания, Швеция, Россия).

За последнее десятилетие XX века в России был разработан ряд документов, которые доказали стремление государства и правительства РФ выработать новый взгляд на положение наиболее уязвимой категории населения – детей-инвалидов – как особой социально-демографической группы общества, обладающей специфическими потребностями и интересами, удовлетворение которых должно осуществляться в приоритетном порядке. Эти документы были направлены на расширение возможности общения, обучения, социальной и трудовой адаптации, а также интеграции в общество ребенка с умственными и физическими недостатками, что подтверждается в новом законе «Об образовании в РФ», вступившем в силу 1 сентября 2013 г. Получение такими детьми качественного общего и профессионального образования является одним из основных и неотъемлемых условий их успешной социализации, обеспечения их полноценного участия в жизни общества, эффективной самореализации в различных видах профессиональной и социальной деятельности. Реализация инклюзивного образования ставит для нашей страны вопрос о необходимости смены методологии внедрения интеграционных инноваций в систему образования.

Формами интегрированного обучения в России в конце XX – начале XXI в. являются специальные классы в общеобразовательной школе и совместное обучение в одном классе. Специальные классы создаются для определенной категории детей (например, с нарушением слуха, зрения, задержкой психического развития, умственной отсталостью, церебральным параличом и др.) или объединяют раз-

личные категории детей с отклонениями в развитии (например, с задержкой психического развития и умственной отсталостью, сложным комплексным нарушением и др.) [4].

Совместное обучение в одном классе является более эффективным для детей с небольшими нарушениями развития (например, слабовидящих, слабослышащих, с легкой формой церебрального паралича и др.) при наличии хорошо налаженной деятельности службы сопровождения учащихся в школе. Для детей с тяжелыми формами патологии в развитии, например с умеренной и тяжелой умственной отсталостью, аутизмом, сложными комплексными нарушениями, преобладающей может быть только социальная форма педагогической интеграции. В настоящее время в России сложилось единое образовательное пространство и интеграция стала ведущим направлением при обучении и воспитании детей с ограниченными возможностями здоровья, что выражалось в сближении массовой и специальной образовательных систем на всех его ступенях (дошкольная, общая и профессиональная школы). Интегрированное обучение стало одной из форм альтернативного обучения, базовыми принципами которого явились: ранняя коррекция, образовательная психокоррекционная помощь каждому ребенку, обоснованный психолого-медико-педагогический отбор детей для интегрированного обучения, наличие положительной системы отношений со стороны социума и др. Причем интеграция детей с ОВЗ в учреждение для нормально развивающихся сверстников происходит с учетом уровня развития каждого ребенка и обеспечения реального выбора модели интеграции [1].

Но существуют объективные трудности внедрения интеграционной модели в РФ, трудности, которые на первый взгляд кажутся непреодолимыми. Прежде всего это отсутствие готовности принимать «не таких детей» в систему массового образования: на юридическом уровне — нет законодательной базы; на уровне финансирования — не предусмотрены значительные материальные затраты на эти нужды; на уровне профессиональной деятельности — нехватка специалистов (педагогов, дефектологов, психологов и др.), которые могут прийти в массовую школу; на уровне общественного сознания — не сформированы необходимые социально-психологические установки.

По данным региональной общественной организации инвалидов «Перспектива», в школах дети с ОВЗ сталкиваются «с барьерами в передаче и получении знаний, т. е. от них ожидают одинаковый темп и один и тот же образ мышления; с неадекватным отношением со сто-

роны учителей, которые не имеют знаний и навыков работы с такими детьми; эти дети являются объектами издевательств со стороны некоторых сверстников; дети с ОВЗ сталкиваются и с барьерами в системе коммуникаций, которая не адаптирована, к примеру, на языке Брайля, аудиопленке, языке жестов или символов».

Большое значение имеет разработка интеграционной концепции, в которой важен переход от «когнитивного» деления детей на категории по видам нарушений в развитии к характеру требований, которые предъявляет к ребенку с ограниченными возможностями окружающий социум. Это означает, что в рамках данного подхода ребенок рассматривается как нуждающийся в специальном образовании не из-за своего нарушения, а в зависимости от его специфических потребностей, существующих наряду с общими — такими же, как и у других детей [2]. Ребенок со специфическими потребностями может обучаться не только в специальной, но и в массовой школе, если последняя имеет возможности осуществлять психолого-педагогическую помощь в реализации этих потребностей, направленную на установление равноправного взаимодействия, активного контакта с окружающим миром, а также на восстановление целостных взаимосвязей, которые должны стать частью жизненного мира отдельного ребенка с ограниченными возможностями.

На современном этапе развития западного, а вслед за ним и отечественного специального образования отмечается серьезное переосмысление сущности понятия «интеграция», введение нового термина «инклюзия». Речь идет о придании нового, социально-педагогического смысла процессу интеграции детей в образовательной практике. Особое значение приобретает организация не только и не столько совместной ведущей для определенного возраста деятельности, сколько совместного мира жизни детей. В этой связи понятным становится новое многоуровневое модельное представление о сущности интеграции. На первом уровне происходит непосредственное общение детей разного возраста и разных возможностей развития. Второй уровень представляет их объединение в рамках специально организованных совместных игровых, учебных, трудовых и жизненных ситуаций. Третий означает объединение усилий работников образовательных учреждений, участвующих в профессиональном социально-педагогическом содействии и сопровождении разных детей. И наконец, четвертый уровень интеграции предполагает создание единой системы внешней поддержки учреждения, в котором формируется совмест-

ность его учащихся и воспитанников. Инклюзия основывается на идеях единого образовательного пространства для гетерогенной группы, включающего разные образовательные маршруты для тех или иных участников. Инклюзия исходит из позиции общей педагогики и психологии, ориентированных на ребенка с учетом его индивидуальных образовательных потребностей. Цель инклюзии — не только интеграция детей с ограниченными возможностями, а «одна школа для всех».

Важнейшим условием, обеспечивающим успешную инклюзию, является точная дифференциальная психодиагностика каждого ребенка. Это может быть осуществлено только при наличии квалифицированной диагностической службы. Такая служба должна не только ставить диагноз, но и давать заключение для школы или другого образовательного учреждения, куда предполагается направить ребенка в соответствии с диагнозом, содержащее рекомендации к индивидуальному плану обучения [3].

Большое значение для внедрения инклюзивного образования имеет создание государственных образовательных стандартов. Стандарт представляет собой совокупность требований, обязательных к освоению, содержанию и условиям основной образовательной программы.

Федеральный государственный образовательный стандарт, введенный в действие в России с 1 сентября 2013 г., учитывает не только общие для всех нормально развивающихся детей, но и особые образовательные потребности для детей с ограниченными возможностями здоровья, а также единство образовательного пространства РФ в условиях многообразия образовательных систем и видов учреждений.

Сам процесс включения детей с ограниченными возможностями в образование оказывается очень сложным как в своей организационной составляющей, так в содержательной компоненте. Переход к инклюзивному образованию требует участия всех специалистов системы образования, создания адекватных моделей и конкретных технологий психолого-педагогического сопровождения инклюзивных процессов в образовании, которые позволят сделать этот процесс максимально адаптивным и пластичным.

Для решения этих проблем необходима разработка системы комплексных мер юридического, экономического, социального, психолого-педагогического характера, а также просветительской деятельности, направленной на изменение мнения сообществ учителей и родителей о том, где и чему должны учиться дети с ОВЗ.

Литература

1. Инклюзивное образование: проблемы совершенствования образовательной политики и системы : материалы Международной конференции, Санкт-Петербург, 19–20 июня 2008 года. — СПб. : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. — 215 с.
2. Малофеев Н. Н. О научных подходах к совершенствованию специального образования в России / Н. Н. Малофеев // Дефектология. — 2004. — № 6. — С. 67–74 с.
3. Сергеева К. А. Адаптация детей с ограниченными возможностями здоровья в условиях инклюзивного образования : материалы российского форума «Педиатрия Санкт-Петербурга: опыт, инновации, достижения» 20–21 сентября 2010 г. — СПб., 2010. — 172 с.
4. Шипицина Л. М. «Необучаемый» ребенок в семье и обществе / Л. М. Шипицина. — СПб. : Дидактика плюс, 2002. — 254 с.

ОСОБЕННОСТИ РЕФЛЕКСИИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

М. А. Дюжикова, студентка 2 курса

Научный руководитель — канд. пед. наук, доц. Л. А. Кунаковская

Интерес к понимаю объективных закономерностей развития детей в подростковом периоде растет. Однако определение психологического содержания данного возраста до сих пор остается дискуссионной проблемой. Да и вопрос о том, к стабильному или кризисному возрасту следует относить подростковый этап развития, остается открытым [3].

С одной стороны, для этого сложного периода показательны негативные проявления, дисгармоничность в строении личности, свертывание прежде установившейся системы интересов ребенка, протестующий характер его поведения по отношению к взрослым.

С другой стороны, подростковый возраст отличается и массой положительных факторов: возрастает самостоятельность ребенка, более многообразными и содержательными становятся все отношения с другими детьми и взрослыми, значительно расширяется и существенно изменяется сфера его деятельности, развивается ответствен-

ное отношение к себе, к другим людям. Главное, что данный период отличается выходом ребенка на качественно новую социальную позицию, в которой реально формируется его сознательное отношение к себе как к члену общества [4].

Важным отличительным признаком подросткового периода являются фундаментальные изменения в сфере его самосознания, которые имеют кардинальное значение для всего последующего развития и становления подростка как личности [2].

Активные изменения в самосознании дают толчок для дальнейшего развития и формирования такого важного механизма, как рефлексия.

Существует множество определений понятия «рефлексия». Однако нам кажется, что современное определение рефлексии, отмеченное в работе Г. П. Щедровицкого, — о том, что рефлексия есть теоретическая деятельность общественно развитого человека, направленная на осмысление всех своих собственных действий и их законов [6], — будет наиболее верным.

Только, говоря о подростковом возрасте, стоит отметить, что подросток скорее является общественно развивающимся человеком. Следовательно, рефлексия подростка имеет свои особенности, которые могут быть объяснены с опорой на знание психологии развития.

Действительно, подросток углубленно изучает себя, обогащая самосознание новым материалом. Однако делает он это в группе, то есть в процессе общения с окружающими. Нам известно, что ведущей деятельностью подросткового возраста является интимно-личностное общение со сверстниками. Способность к рефлексии неопределима в общении. Благодаря умению рефлексировать свое поведение и поступки других людей человек развивает в себе такие партнерские личностные качества, как проницательность, отзывчивость, терпимость, тактичность, которые позволяют ему выстраивать успешные взаимоотношения с людьми. Этим мы хотим подчеркнуть, что рефлексия имеет общественный характер. Здесь нам близка точка зрения Л. С. Выготского о переходе социального в индивидуальное. Подросток — исследователь. Наблюдая себя в разных ситуациях, оценивая свои возможности и способности, он познает себя через сравнение с другими членами значимой для него группы. Более того, способность к рефлексии дает возможность лучше понимать других людей, принимать или разделять их точку зрения. Таким образом, развитие

рефлексии может способствовать снижению чувства эгоцентризма у подростков.

Еще одной особенностью рефлексии этого возраста является ее насыщенная эмоциональность. Внешность подростка стремительно изменяется. Они могут быть неуклюжи, не уверены в себе из-за недостатков в своем внешнем виде. В такой трудный период созревания подросток как никогда зависим от мнения и оценки окружающих. Эта зависимость подкрепляется чувством товарищества, стремлением принадлежности к группе сверстников. Их мнение и одобрение очень важны для подростка: прежние авторитеты в виде родителей, а позже учителей, сменяются на авторитет коллектива сверстников. Восприятие себя другими, способности и успехи в учебе постоянно находятся в фокусе рефлексии и вызывают острые переживания, которые в свою очередь тоже рефлексированы. Рефлексия дает человеку возможность увидеть себя со стороны глазами другого «Я», понять себя.

Понять себя — главная цель подростка. Отсюда мы можем проследить следующую особенность его рефлексии — свободную ассоциативность. Подросток погружается в свои мысли, текущие в разных направлениях в зависимости от душевных переживаний или внешних обстоятельств. Однако центром притяжения рефлексии подростка является он сам, его личность. Именно в рефлексии подросток удовлетворяет потребность в самоидентификации: его более всего сейчас интересует собственное «Я». «Кто я?» — этот вопрос становится главным в данном возрасте.

Что касается способности к рефлексии, то она, как и любая другая способность, развивается в контексте определенной деятельности. Отмечается, что «способность — это индивидуально-психологические особенности субъекта, которые выражают его готовность к овладению некоторыми видами деятельности и их успешному выполнению» [1].

Процесс развития рефлексивных способностей младших подростков рассматривался в работе А. А. Шемшурина относительно двух уровней: эмоционального и рационального. Эмоциональный уровень характеризуется усеченными, примитивными, поверхностными формами рефлексии. Ребенок слабо осмысливает результаты своего поведения и деятельности. Новые знания о себе формируются через стихийные оценки ребенка другими людьми — как правило, авторитарными взрослыми. Рациональный уровень определяется логическими, обоснованными и даже словесно обработанными формами

рефлексии. Подросток осознает причины своих поступков и окружающих людей. Новые знания о себе приобретаются на основе личного опыта и межличностных отношений со сверстниками и значимыми взрослыми, которые обретают партнерский характер через преодоление конфликтов или проблемных ситуаций [5].

Бесспорно, рефлексивные способности у подростков носят неоднозначный характер. Интенсивность и широта рефлексии в этом возрасте напрямую связана с особенностями воспитания в детстве: семейными традициями чтения хороших книг и их обсуждения, развитого внимания к чувствам и мыслям других людей, восторженного удивления в открытии мира. Но все же одно обстоятельство характерно для всех подростков — данная им от природы возможность в сравнительно малый срок небывало поднять себя в духовном развитии.

Литература

1. *Головин С. Ю.* Словарь психолога-практика / С. Ю. Головин. — 2-е изд., перераб. и доп. — Минск : Харвест, 2001. — 975 с.
2. *Немов Р. С.* Психология : учеб. пособие для вузов : в 2 кн. / Р. С. Немов. — М. : ВЛАДОС, 1993. — Кн. 2 : Психология образования. — 608 с.
3. *Поливанова К. Н.* Психологическое содержание подросткового возраста / К. Н. Поливанова // Вопр. психологии. — 1996. — № 1. — С. 20.
4. *Фельдштейн Д. И.* Психологические особенности развития личности в подростковом возрасте / Д. И. Фельдштейн // Вопр. психологии. — 1988. — № 6. — С. 31–41.
5. *Шемшурин А. А.* Развитие рефлексивных способностей в младшем подростковом возрасте : автореф. дис. ... канд. психол. наук / А. А. Шемшурин. — М., 2005. — 24 с.
6. *Щедровицкий Г. П.* Мышление. Понимание. Рефлексия / Г. П. Щедровицкий. — М. : Наследие ММК, 2005. — 800 с.

Научное издание

**ВЕСТНИК
СТУДЕНЧЕСКОЙ НАУЧНОЙ СЕССИИ
ФАКУЛЬТЕТА ФИЛОСОФИИ
И ПСИХОЛОГИИ**

Выпуск 9

Ответственный редактор Бубнов Юрий Александрович

Редакторы *И. Г. Валынкина, В. П. Бахметьев*
Компьютерная верстка *Н. А. Сегиды*

Подписано в печать 21.01.2015. Формат 60×84/16
Усл. п. л. 12,3. Уч.-изд. л. 11,1. Тираж 50 экз. Заказ 892

Издательский дом ВГУ
394000 Воронеж, пл. Ленина, 10

Отпечатано в типографии Издательского дома ВГУ
394000 Воронеж, ул. Пушкинская, 3